

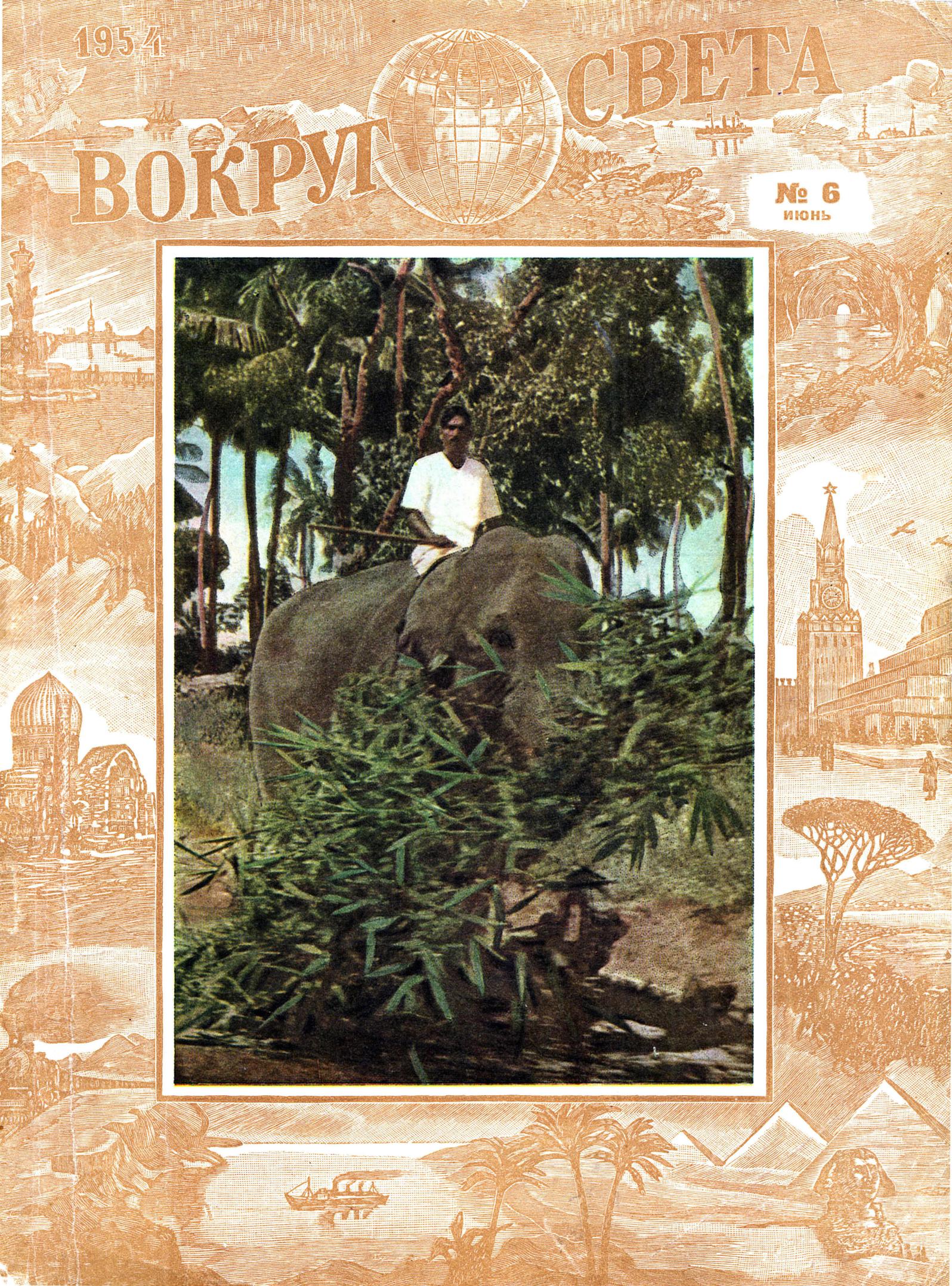
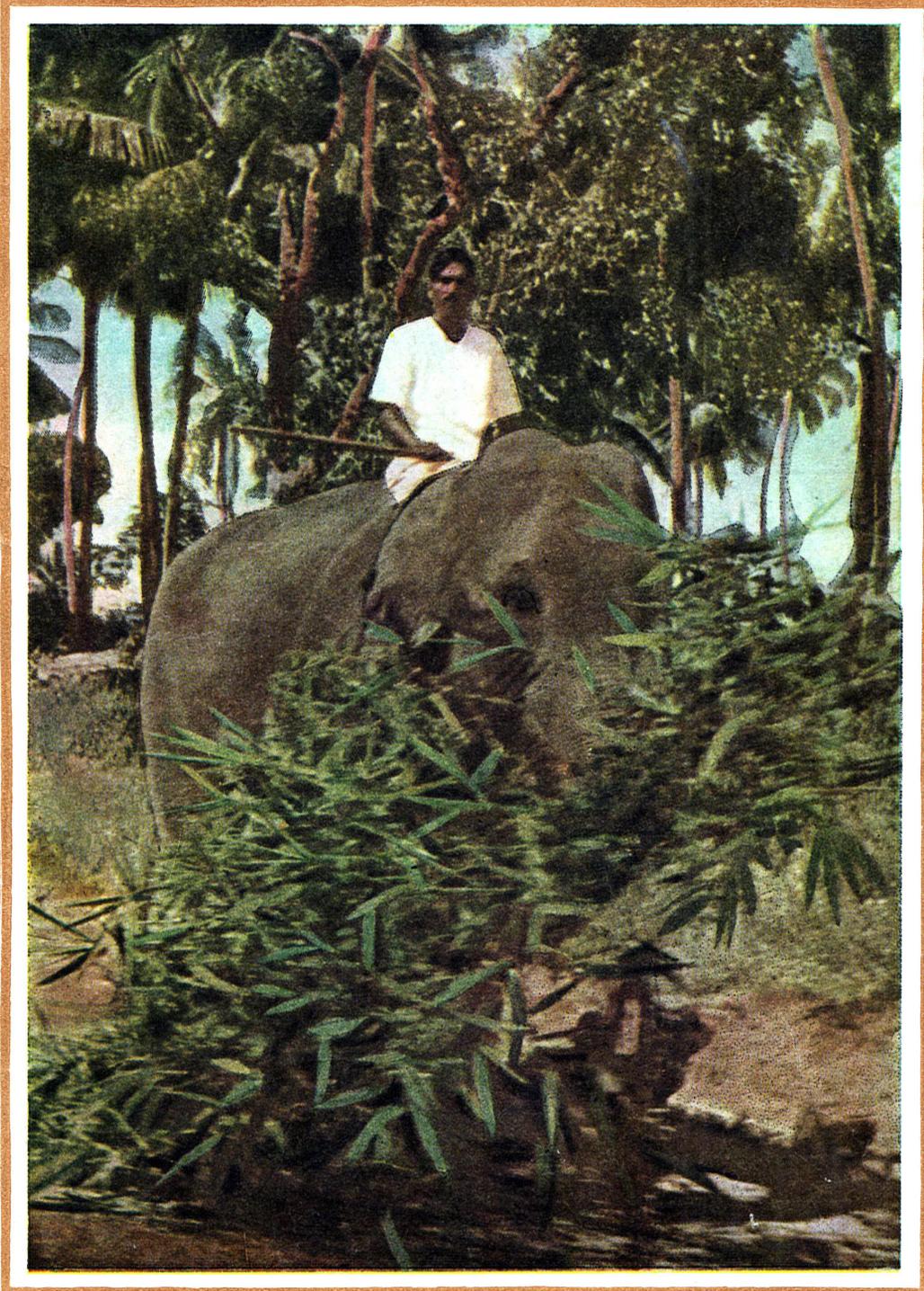
1954

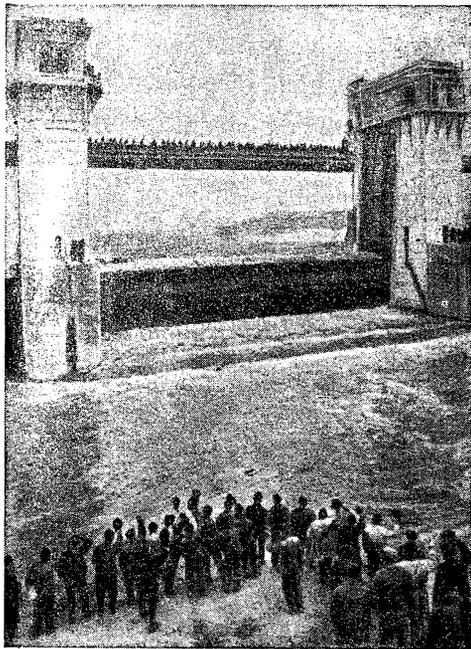
СВЕТА

ВОКРУГ

№ 6
ИЮНЬ

ПЛОТИНА у Тиссалёка

вырабатывать в год 54 миллиона киловатт-часов энергии. Ее ток пойдет на промышленные предприятия и машинно-тракторные станции, в государственные хозяйства и сельскохозяйственные кооперативы. Свет получают многочисленные села левобережья Тиссы.

Нынешней весной уже вступила в строй первая очередь Затисской оросительной системы, проходящей по пустыне Хортобадь. Воды мощной реки потекли из Тиссалёкского водохранилища по Восточному магистральному каналу.

В начале следующей пятилетки намечено провести второй — Западный оросительный канал, который будет ответвляться от Восточного. Все пространство между ними будет изрезано сетью мелких отводных каналов.

В пустыне Хортобадь оживет 120 тысяч гектаров земли — почти в десять раз больше, чем орошалось во всей капиталистической Венгрии.

Недалеко то время, когда по Восточному (Затисскому) каналу пойдут суда, груженные бурим углем, машинами, сельскохозяйственным сырьем,

продуктами народного потребления.

Затисский судоходный канал, соединенный с реками Беретью и Кёрёш, образует параллельный Тиссе водный путь, который свяжет расположенные на его берегу населенные пункты с городами на Тиссе и Дунае.

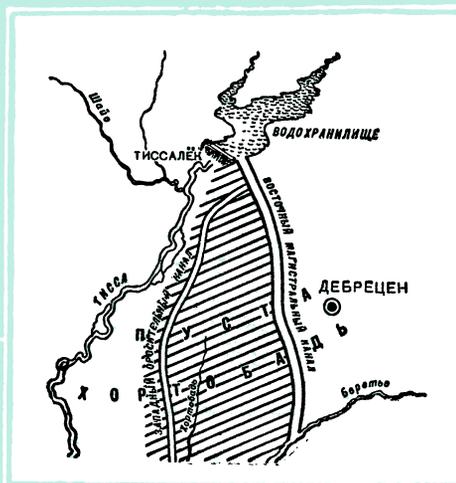
На снимке: пуск плотины Тиссалёкской гидроэлектростанции.

В восточной части Венгрии, среди плоской однообразной равнины Альфёльда, течет плодородная Тисса. По обоим ее берегам тянутся плодородные, но страдающие от засухи поля. К востоку от реки лежит самая засушливая часть Большой Венгерской низменности — пуста Хортобадь. «Голодной степью» называли ее в стране.

Еще до недавнего времени весенние разливы Тиссы приносили много бедствий жителям окрестных деревень. Ежегодно воды реки затопляли сотни тысяч гектаров плодородных земель, а летом поля высыхали от зноя и почва трескалась под палящими лучами солнца.

Народное правительство Венгрии приняло решение начать работы по регулированию Тиссы. Было намечено построить на реке плотину и электростанцию, провести оросительные каналы в засушливые области, сделать Тиссу судоходной почти на всем ее протяжении. Основные работы развернулись у поселка Тиссалёк.

Теперь здесь уже сооружена плотина, за которой раскинулось большое искусственное озеро, воздвигнуто здание гидроэлектростанции. В будущем году Тиссалёкская ГЭС даст первый ток. Эта самая крупная гидроэлектростанция Венгрии будет

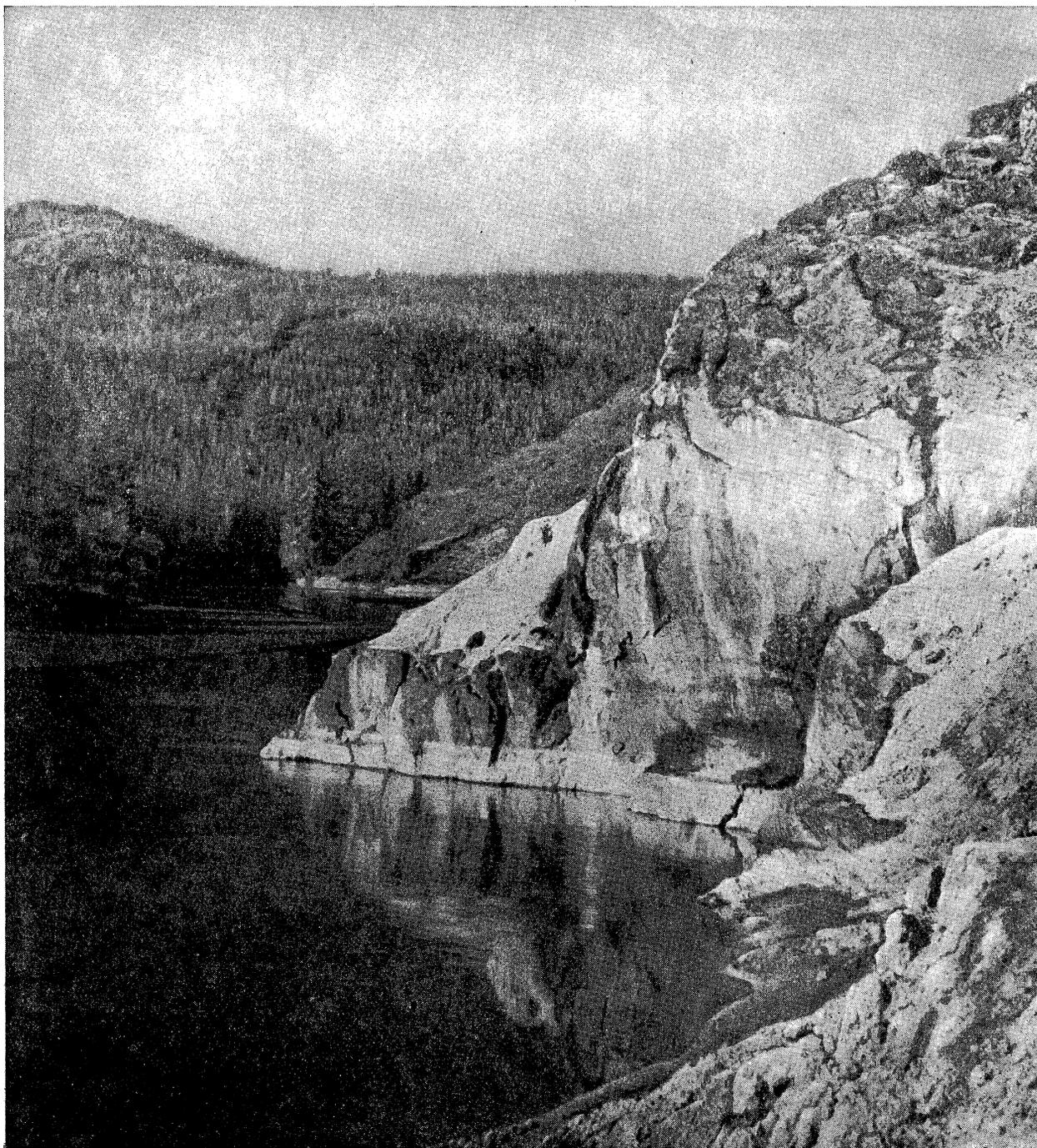
1954

ВОКРУГ СВЕТА

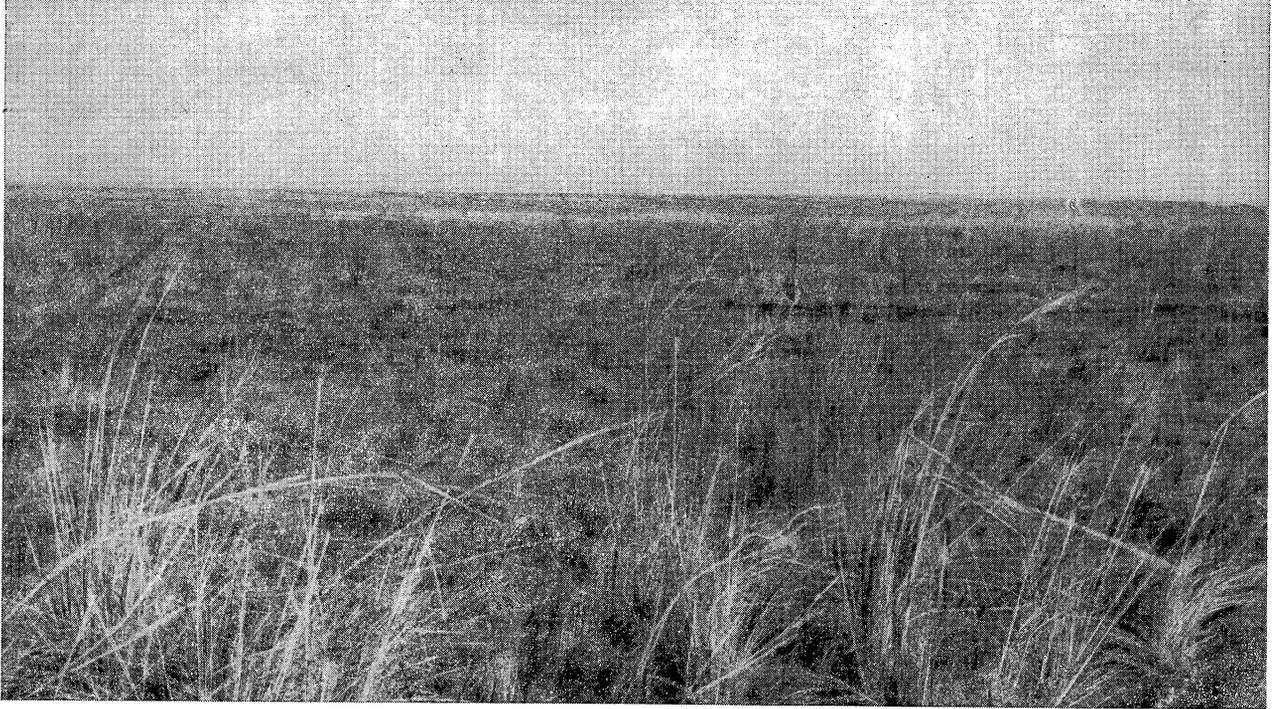
№ 6
И Ю Н Ъ

Е Ж Е М Е С Я Ч Н Ы Й
Г Е О Г Р А Ф И Ч Е С К И Й
Н А У Ч Н О - П О П У Л Я Р Н Ы Й
Ж У Р Н А Л Ц К В Л К С М

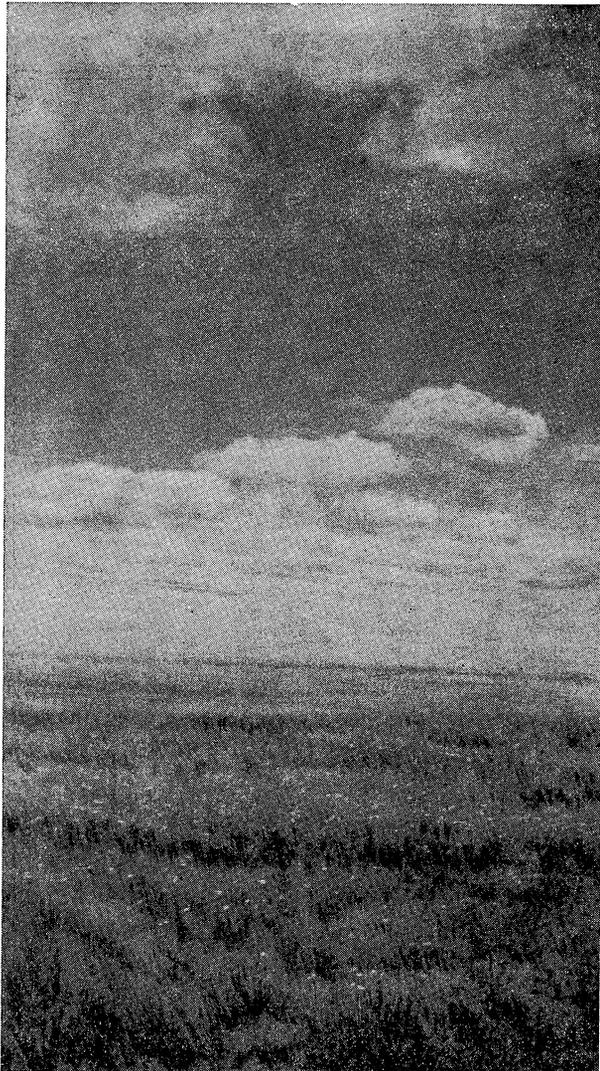
Журнал основан в 1861 году

Алтай. На западном склоне Сайлюгемского хребта берет начало горная река Чуя, правый приток Катуня. Ее крутые берега покрыты густым лесом. Фото Н. Немнонова.

В Кулундинской степи.

ПРОБУЖДЕНИЕ

Е. РЯБЧИКОВ

«СТЕПНОЙ ПОЯС» СТРАНЫ

Алтай.

Степь. Без конца и без края степь...

Летишь над ковыльной равниной, и сердце охватывает невольное волнение: то кажется, что под крылом вовсе не степь, а застывшее свинцово-темное море, то будто серое небо и серая земля слились, и ты уже не знаешь, где находишься... Ширь и простор!..

Когда смотришь на плоскую, словно отутюженную Кулундинскую низменность, где нет ни лесов, ни городов, то невольно думаешь о всех степях Родины, входящих в великий «степной пояс» двух континентов.

Обратимся к карте нашей страны. Советский Союз занимает территорию, превышающую 2,2 миллиарда гектаров. Это составляет, как известно, примерно шестую часть обитаемой суши земного шара. Среди светлых и темных красок, обозначающих на карте лесные массивы, горы, пустыни, моря, реки, замечаешь нежнозеленую полосу, протянувшуюся на 5 тысяч километров с запада на восток. Это — степи. Примерно двенадцать процентов всей площади Советского Союза — более 250 миллионов гектаров — занято степной зоной.

Начинается она у западной границы нашей страны, как бы продолжая венгерские пусты.

Охватывая черноземы юга Европейской части СССР и северные окраины Прикаспийской низменности, она выходит к древнему Уралу. Границу Ев-

Первая борозда на целине.

ЦЕЛИНЫ

Фото автора и А. Гостева

ропы и Азии «степной пояс» пересекает южнее Ак-тюбинска и устремляется в Сибирь.

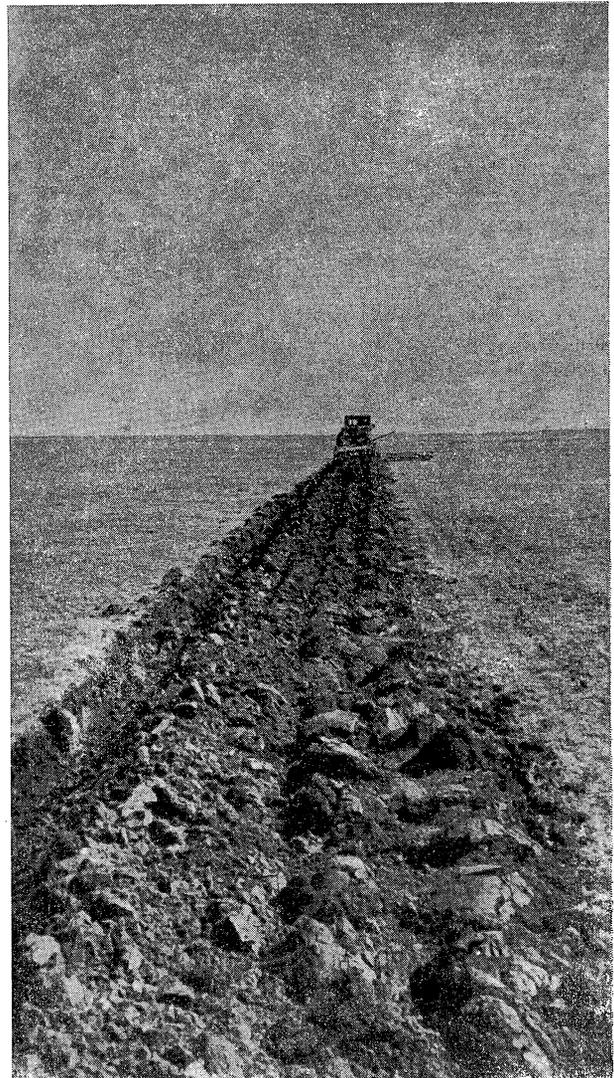
Если мы проведем на карте линию приблизительно по 56-му градусу северной широты, то получим условную северную границу степной зоны Сибири. В отличие от Европейской части СССР, где «степной пояс» очень широк, здесь он суживается до 500—600 километров.

Лесостепь и степь Сибири занимают преимущественно Западно-Сибирскую низменность — огромную, ровную, наклоненную к северу равнину.

Эта низменность тянется на 2 500 километров с юга на север и на 1 500 километров с запада на восток. Сосредоточенные на ней степные массивы условно делятся на три зоны, или части. Одна из них, западная, расположена на Зауральском плато. Она включает в себя целую группу степей: Челябинскую, Курганскую, Зауральскую. Безлесные зауральские степи идут от предгорий Южного Урала на восток — в Казахстан.

Группа степей западной зоны смыкается на востоке с Барабинской степью, входящей во вторую зону — центральных сибирских степей. Многоводная Обь со своими густыми борами правобережья прерывает распространение основных массивов сибирских степей и как бы ограничивает их вторую зону.

Далее, на востоке за Обью степных просторов уже не видно. Здесь начинается третья зона — так называемая «островная степь». Меткое и точное наименование становится понятным, когда замечаешь

на карте изолированные участки степи, словно вкрапленные в тайгу и горы. «Островная степь» тянется далеко за Енисей, за Байкал и выходит в Забайкалье.

Огромные степные массивы раскинулись и на территории Казахской ССР. От границы РСФСР до 51-й параллели, а местами и несколько южнее, по территории республики с запада на восток на 2 000—2 500 километров протянулись степи. Они охватывают почти треть всего Казахстана.

Преобладающее место в Сибири занимают Барабинская и Кулундинская степи. Обычно называемая степью, Барабинская низменность охватывает площадь более 100 тысяч квадратных километров и занимает почти всю центральную часть Обь-Иртышского водораздела. Южнее она переходит в Кулундинскую степь, а та, в свою очередь, смыкается по оси Павлодар—Семипалатинск—Усть-Каменогорск со степной зоной Казахстана.

Благодаря благоприятным климатическим и почвенным условиям в «степном поясе» издавна сосредоточилось две трети пашни всей страны. Как правило, степные почвы чрезвычайно богаты перегноем — гумусом — и обладают зернистой структурой.

Великое плодородие черноземов постоянно влекло к ним земледельцев. Поэтому степь в обычном представлении почти всюду исчезла на Украине и в центральных черноземных областях РСФСР, — здесь она давно уже распашана на восемь десятых. Если степи кое-где и сохраняли в этих местах, то только для нужд животноводства или там, где они оказались непригодными для сельского хозяйства.

По мере продвижения на восток чаще появляются степи целинные, нетронутые. В Поволжье распашка степей произведена примерно наполовину, на равнине Южного Урала — в Челябинской и Чкаловской областях — на треть.

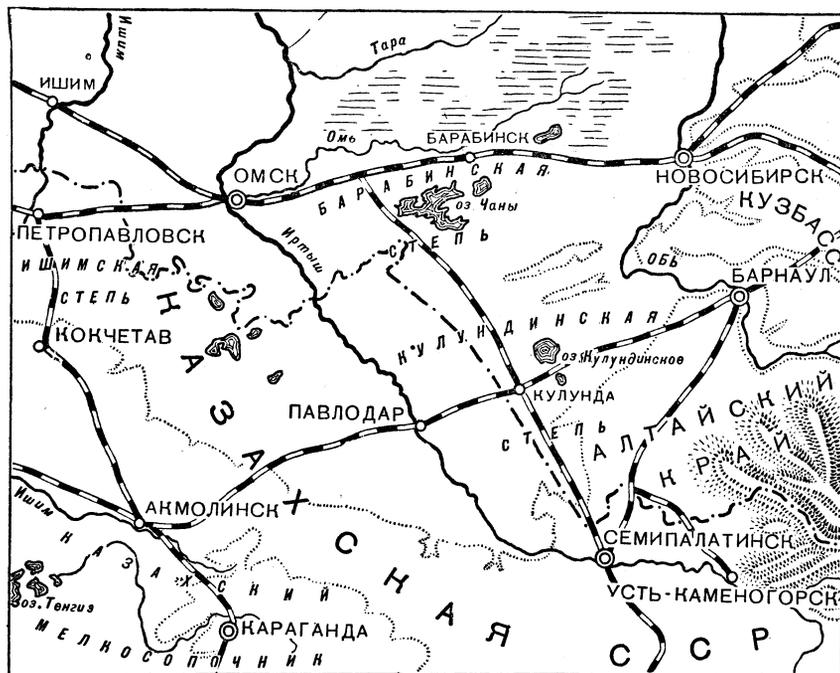
Подсчитано, что лишь по четырнадцати областям Российской Федерации и восьми областям Казахской ССР площадь перелогов, залежных и целинных земель доходит до 40 миллионов гектаров. Не все эти земли пригодны для сельского хозяйства, но значительная их часть представляет могучий резерв для развития производства зерна.

В дореволюционное время распашка целинных массивов в этих местах шла медленно: освоение целины было не под силу индивидуальному бедняцко-средняцкому хозяйству. Чтобы вскрыть толстый слой прочной дернины и «заковать» ее на дне борозды, нужны были весьма значительные усилия: как правило, в плуг впрягали три-четыре лошади. Средняк, тем более бедняк, не располагал такими возможностями. Целину главным образом поднимал кулак, широко использовавший труд батраков. Получив в течение двух-трех лет «обломные» урожаи,

кулак потом забрасывал участок, предоставляя самой природе восстанавливать его плодородие. Со временем залежь снова шла под плуг.

Но при наличии огромных массивов целинных земель залежи нередко оставались нетронутыми порой до двадцати лет и снова становились целиной.

Много нераспаханных целинных и залежных земель и в Алтайском крае. За годы советской власти он превратился в один из основных сельскохозяйственных районов страны. Посевные площади здесь увеличились еще к началу Великой Отечественной войны более чем в полтора раза по сравнению с дореволюционным временем. Успешному освоению алтайских земель в советское время способствовали, как и в других районах страны, коллективизация и механизация сельского хозяйства. Край стал одним из центров производства высококачественного зерна и прежде всего пшеницы: она составляет здесь почти $\frac{3}{4}$ всех посевов зерновых культур.

Но в обширных степях Алтайского края имеются еще миллионы гектаров пригодных для пашни угодий с плодородными черноземными и каштановыми почвами.

Коммунистическая партия и Советское правительство поставили государственной важности задачу резкого увеличения производства зерна в стране. Важнейшим источником этого явится освоение целинных и залежных земель.

Проводившаяся в течение многих лет советскими учеными инвентаризация земельных фондов страны, основанная на обширных почвенно-картографических материалах, позволила в самый короткий срок выделить необходимые 13 миллионов гектаров высококачественных целинных и залежных земель в Сибири, Казахстане, Поволжье и частично на Северном Кавказе.

ТРАССА В КУЛУНДУ

Когда говорят про Алтай, обычно прибавляют: «золотой». Делается это не только потому, что само слово «Алтай» означает в переводе «золото», но и потому, что Алтай — это край несметных богатств, золотой, плодородной земли. Не случайно в Кулундинской степи — житнице края и страны — встреча-

ешь характерные названия сел: Златополь, Сереброполь. Карта всего края усеяна названиями: Пахарь, За урожай, Посевная, Земледелец, Путь пахаря, Сеятель — лишь на земле, «богатой на жатву», могли так окрестить деревни и села.

В почвенно-климатическом отношении Алтай делится условно на десять районов, из которых пять имеют важное значение для сельского хозяйства: южностепной, западнокулундинский, восточнокулундинский, приобский и алейский.

Для этих районов характерен резко континентальный климат с обилием тепла летом и сухими морозами зимой, быстрым переходом от весны к лету и от осени к снежным метелям.

Почвы этих районов более или менее однородны. Степь сложена рыхлыми глинисто-иловатыми, супесчаными и песчаными отложениями, без выхода коренных пород. В северной части преобладают черноземы и лесные суглинки; юго-западная и центральная часть степной зоны Алтайского края лежит в полосе каштановых почв, которые вблизи Оби вновь сменяются черноземами.

Ведущее место в крае по производству зерна и

резервам целинных и залежных земель занимает Кулундинская степь. Ее площадь превышает 100 тысяч квадратных километров. Расположена она в своеобразном треугольнике, образованном Обью, Иртышом и великой Транссибирской железнодорожной магистралью.

На севере Кулунды распространена лесостепь, но южнее Слав-

города исчезают березовые колки и начинаются ковыльно-типчаковые степи. Они серебрятся ковылем, на ветру колышутся гвоздики, каспийская смолоносица, ирис, жабрица.

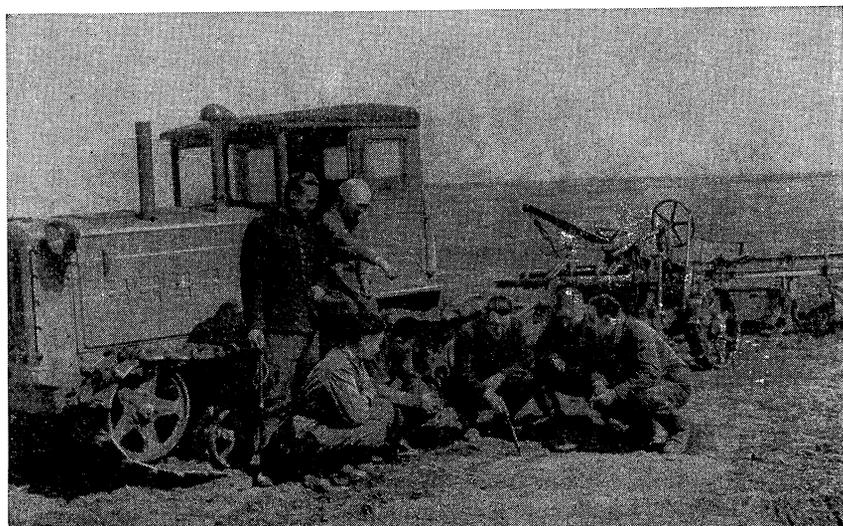
В южных районах появляются кустарники и так называемые таранчи — живописные заросли степной акации, таволги и жимолости.

Степной Алтай хорошо известен чрезвычайно высокими урожаями пшеницы: здесь был установлен мировой рекорд. Герой Социалистического Труда Михаил Ерофеевич Ефремов и другие опытники получали от 60 до 100 центнеров пшеницы с гектара. Баснословно высокие урожаи давала целина.

Алтайский край богат целинными землями. Лишь этой весной было засеяно 500 тысяч гектаров таких земель, а всего за год в крае будет освоено новых два миллиона гектаров. С помощью десятилетиями составившихся почвенных карт выделены в Кулундинской степи основные массивы целинных земель. В одних лишь районах Кулунды, Табунов, Славгорода, Ключей, Благовещенки, Знаменки их около 300 тысяч гектаров.

Еще недавно большинство районов степной зоны было отрезано от краевого центра — Барнаула,

Директор Кулундинской МТС Н. С. Калмыков намечает с трактористами направление гонов по целинному массиву (снимок слева). Просторы в ковыльной степи так велики, что нужно ставить специальные вехи для ориентировки трактористов (снимок справа).

а также друг от друга. Весной и осенью проезд к «глубинкам» затруднялся, осложнялась вывозка хлеба и доставка горючего, машин, удобрений. Теперь, с проведением стальной трассы Южсиба, положение в корне изменилось. Новая магистраль пролегла от Сталинска в Казахстан и на своем пути связала Барнаул со многими районами степного Алтая, стала как бы осью основных массивов целинных земель Алтая и Казахстана.

1 апреля на этой дороге открылось регулярное движение поездов. Надо было видеть поток эшелонов с новоселами, ехавшими на целинные земли, и бесконечные маршруты с тракторами, сеялками, плугами, горючим, разборными домиками, тракторными вагончиками, чтобы оценить значение Южсиба для освоения целины. За три весенних месяца на целинные массивы Алтая прибыло более 14 тысяч новых тракторов в переводе на пятнадцатисильные. Большинство их было перевезено по трассе Южсиба. Новоселы окрестили новую дорогу «воротами на целину». В непрерывном движении машин было что-то величественное, могучее.

В центре событий оказался Кулундинский район. Срединное положение в степной зоне, на скрещении двух железных дорог, и мощное элеваторное хозяйство обусловили его ключевую позицию в наступлении на целину. Сюда прибывали новоселы, чтобы уехать потом в Табуны, Златополь, Малиновое озеро, Лондон, Орлеан (есть такие места в Кулунде), Ключи и Родино.

Сюда везли для дальнейшего распределения среди окрестных районов тракторы и плуги, походные мастерские и цистерны для горючего, комбайны и заправщики.

На протяжении многих лет было установлено, что в «сердце степей», в Кулунде, начинают раньше всех пахать и сеять. Происходило это потому, что открытые просторы позволяли действовать теплым ветрам и на солнце пеке хорошо «поспевали» пологие склоны. Обычно в начале апреля уже пахали не только в Кулунде, но и по всему Алтаю.

Зимой и всю весну поступала в тракторные бригады новая техника.

Но весна 1954 года оказалась на редкость затяжной. Миновала середина апреля, но снег все еще лежал. Ночные заморозки не ослабевали. Нетерпение новоселов усиливалось с каждым днем. Можно было понять волнение москвичей, ленинградцев, уральцев, горьковчан — тысяч и тысяч юношей и девушек, приехавших на целину. Они уже успели пройти курсы трактористов, освоить машины и ждали выхода в степь.

Но вот 17 апреля, после заморозков и ночной метели, со стороны Кулундинского озера потянуло дымчато-серым туманом. Густой волной захлестнул он степь. Все потемнело. Летучая мгла поглотила села, деревни, аулы. А через два дня обнаружилось на плоскогорьях темные участки «поспевшей» целины. Она лежала на солнечной стороне пепельно-серой дерниной с блеклыми стрелами увядшего ковыля, с горькой полынью и редкими колочками.

ПЕРВАЯ БОРОЗДА

И вот 20 апреля...

Память хранит первый кубометр земли, уложенный в плотину Волховской гидроэлектростанции имени В. И. Ленина. Мы помним первый металл магнитогорской домы и первый поезд на трассе Турксиба, первый трактор из цехов Сталинградского тракторного и первый автомобиль из Горького. Мы помним первый теплоход в шлюзах Волго-Донского судоходного канала имени В. И. Ленина и так же будем помнить первую борозду на массивах целины.

Все было буднично, просто и деловито. Кулундинец Иван Жилин привел тракторы своей бригады на целинные земли колхоза «Знамя коммунизма». Перед ним лежала степь — на горизонте зыбно струилось марево. Сквозь серые краски чуть пробивалась зелень. В нагретом небе пел жаворонок.

Прежде чем пустить тракторы в эту степную даль, нужно было отмерить гоны: определить маршруты для машин. Расстояния здесь так велики, что без «маяков» для трактористов не обойдешься, — иначе они собьются с курса. Иван Жилин приказал горючевозу Роману Мель и учетчице тракторной бригады Марусе Коваленко отмерить километровые

гоны, поставить у горизонта шесты с пучками целинной дерезы. Захватив с собой угловатую двухметровку и шест с пучком колючки, Мель и Коваленко пошли в степь. Припекало солнце. Дымчато-серая равнина словно вздыхала ветрами, пела жаворонками.

Время от времени Мель оборачивался и смотрел на маячок — такой же шест с пучком колючки, который воткнул он для ориентировки около тракторов. Долго шли они по колючей степи, полные гордости от сознания, что именно им довелось определять гоны для тракторов на целине.

Тем временем прискакал верхом на коне бригадир — Алексей Пименов. Это был рослый, плечистый паренек, светлоголовый и синеглазый, уже обветренный и загоревший на алтайском солнце. Пименов приехал на Алтай со своей комсомольско-молодежной тракторной бригадой из Белгородской области; ему не терпелось как можно скорее поднять целину. Верхом на коне ехал он в свою бригаду, а позади шел, сверкая новенькими гусеницами, только что полученный очередной трактор. Пименов поздоровался с Жилиным, с его трактористами и с завистью посмотрел, как они готовятся к пахоте.

— Наш клин севернее, — с жалостью в голосе сказал Алексей. — Земля еще не поспела. Пожалуй, только через пятидневку пахать будем.

Иван Жилин понял новосела, переглянулся со своими товарищами и спросил Пименова:

— Не терпится?

— Не терпится, — добродушно сознался Пименов.

— Давай вместе! — сказал Иван Жилин и пояснил, что вся его бригада хочет предоставить до розгим новоселам право первой борозды.

Когда на горизонте показалась едва приметная черточка установленной вехи, новоселы пустили свой новенький «ДТ-54».

Из-под серой, оловянно-светлой дернины вырвались лоснящиеся от жира и влаги пласты. Как живые переворачивались они под плугом. Темными волнами пролегла к горизонту первая широкая полоса. Следом за плугом земля тут же рыхлила борона и чуть прикатывал легкий каток.

Ожила Кулунда. Только попевали участки степи, как на целину уходили тракторы. Догоняя

Револьверщица Александра Большакова, фармацевт Антонина Тихомирова, токари Юлия Харинова и Александр Павлова стали трактористками Крутинской МТС. Подружки изучают по карте Алтайский край (снимок слева). Вечером, после смены, в полевом стане начинается концерт художественной самодеятельности (снимок справа).

бригаду Ивана Жилина, повел свои машины Михаил Чугреев. Загрохотали тракторы уральца Николая Соловьева. Размашисто «поставили свои подписи» на целине москвичи Андрей Лукьянов и Зоя Гаврилина, ленинградцы Людмила Бобрикова и Евгений Горбачев, уральцы Михаил Антипов и Алексей Нестеров, горьковчане Виктор Копнин и Михаил Толкушко.

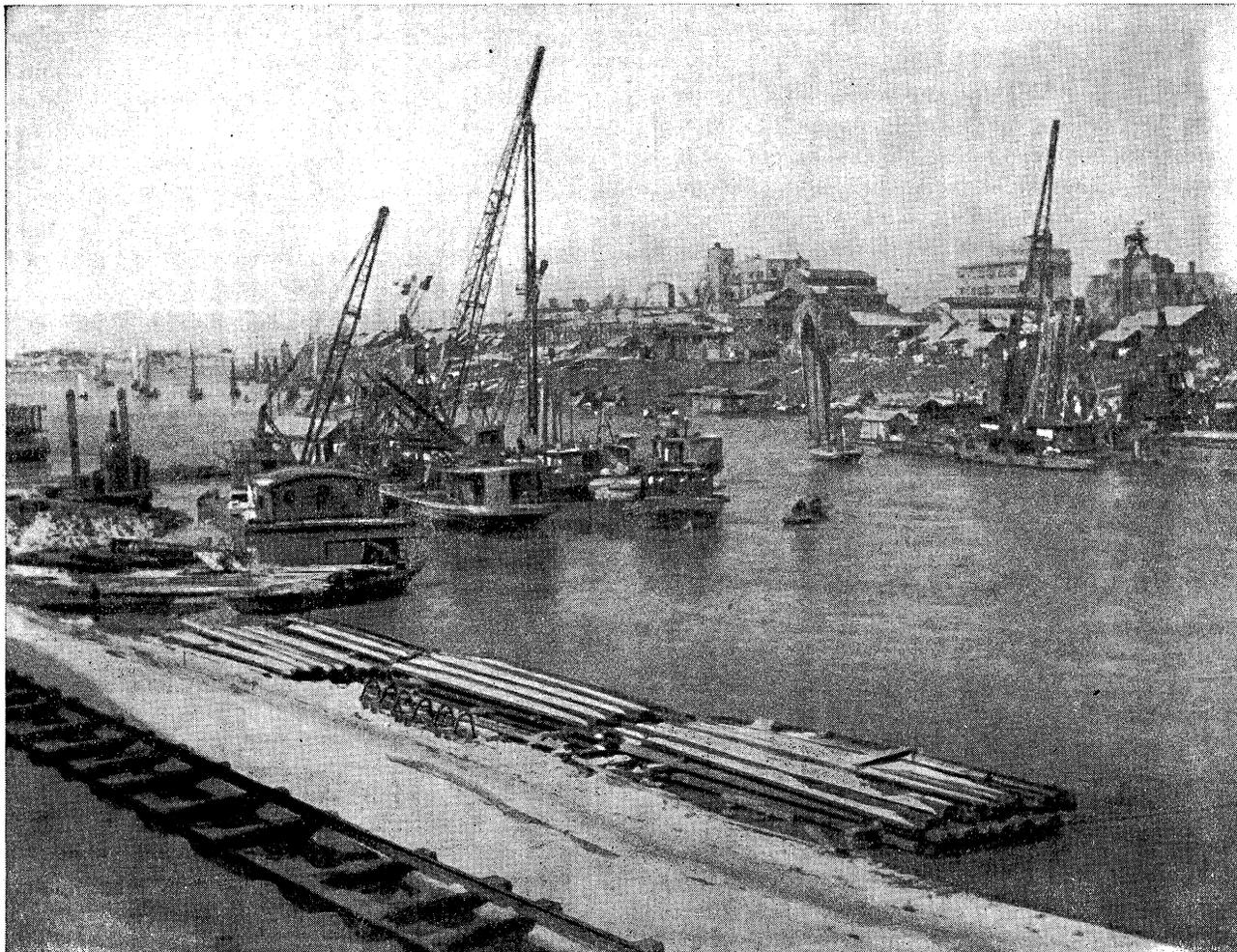
К горизонту потянулись антрацитно-темные полосы пашен. На тысячи километров прокатился, как весенний гром, гул тракторов, возвестивших всем, что и на Алтай пришла весна.

Теперь взор охватывает уже не серое пространство ковыльной степи, а море волнистой пашни. День и ночь все дальше и дальше идут по целине машины. К полевым станам мчатся «газики»-вездеходы, летят почтовые самолеты. В тракторных вагончиках и в палатках под вечер зажигаются радиолампы, и учетчики, приблизив к губам микрофоны, передают рапорты о победах с переднего края трудового фронта.

Алтай и Казахстан охвачены ни с чем не сравнимыми, гигантскими по масштабам полевыми работами. Никогда и нигде во всей истории человечества не было еще случая, чтобы в одной стране одновременно, сразу вступало в строй столь колоссальное количество сельскохозяйственных машин, чтобы сразу приращивались дополнительные миллионы гектаров пашни, чтобы в течение одной лишь весны на поля выходили целые армии новых хлеборобов..

Все это произошло с чудесной и светлой силой, с поразительной энергией и организованностью в нашей Советской стране, по воле Коммунистической партии, большой весной 1954 года!

*Алтайский край,
Кулунда*

СТРОЙКА НА ЯНЦЗЫ

С. ИВАНЬКО, В. КАССИС

НЕПОКОРНАЯ РЕКА

«С ревом вырвавшись из трех ущелий, широко и свободно разлившись, стремительно катит Янцзы свои мутные волны на восток. Мимо Ханькоу и Шанхая гонит она их к морю; там на ее берегах живет уже освобожденный народ. Ночами багровый свет факелов ложится дрожащими полосами на притихшие воды, и, не умолкая, звенят над рекой ликующие песни. И лишь в верхнем течении, как и тысячи лет назад, волны гневно грохочут, словно разбухнув от слез народных. Прекрасные, пышные сады, бескрайние плодородные поля раскинулись по обим берегам реки, и столь же бес-

крайны там страдания и муки народа. Дамбы, оставленные крестьянам в наследство предками, безжалостно разрушены; река не раз заливала равнину, волны бушевали над крышами лачуг...

Но живительный свет уже забрезжил с востока...» Так писал в 1949 году известный китайский писатель лауреат Сталинской премии Лю Бай-юй.

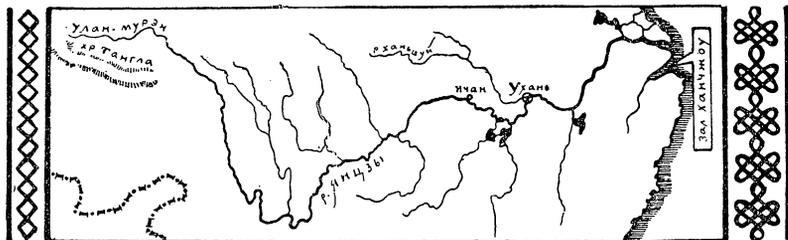
Именно такой запущенной и безнадзорной, приносящей своими разливами горе и страдания миллионам крестьян, была река Янцзы до первых дней народной власти в Китае. Но уже в те дни, когда «живительный свет забрезжил с востока», китайский народ верил, что настанет время и на бе-

регах Янцзы — от суровых тибетских гор до раздольных приморских равнин — заколосится золотая пшеница, изумрудной зеленью рисовых всходов покроются поля, на заливных лугах зацветут яркие полевые цветы.

И люди говорили: «Наша Чанцзян — великая река — еще принесет нам счастье».

Янцзы — самая мощная водная артерия Китая. Более чем на 5 200 километров протянулась извилистая лента реки, образующей вместе со своими многочисленными притоками бассейн, равный по площади 2 миллионам квадратных километров.

Беря начало в горах Тангла, у юго-западной границы провин-

ции Цинхай, где она называется Улан-Мурэн (Улань-Мулуньхэ), река пересекает с запада на восток обширные пространства Юго-Западного, Центрально-Южного и Восточного Китая и полноводным потоком вливается в Восточно-Китайское море.

В литературе очень часто Янцзы называют Голубой рекой. Но нужно сказать, что это название несколько не соответствует действительному цвету ее воды. Если в ветреный день присмотреться к быстро бегущим по реке волнам, то можно заметить, что их пенящиеся гребешки носят не голубой, а красноватый оттенок.

Объясняется это тем, что вода в Янцзы содержит много ила, который приносят впадающие в нее реки из долин Сычуаньских гор. Этот район часто называют Красным бассейном, так как он покрыт плодородным красноземом.

Многие реки Китая на протяжении веков не раз изменяли на отдельных участках свое течение, а зачастую и место впадения в море. Так и Янцзы когда-то впадала в залив Ханчжоу, образуя одно устье с рекой Цяньтанцзян.

Другой особенностью китайских рек является непостоянство водного режима. Например, уровень воды в Янцзы близ города Ичан в летнее время поднимается выше обычного на целых 40 метров. Причина бурного подъема воды заключается в том, что одновременно с сильными летними ливнями начинается таяние снегов в горах. Многоводные горные потоки устремляются в низины и, вливаясь в реки, вызывают сильные их разливы.

Особенно большие наводнения случались в прошлом в среднем течении Янцзы. Участок реки от города Чжицзян (провинция Хубэй) до местечка Чэнлинцзи (северная часть провинции Хунань) носит название Цзинцзян. Цзинцзян имеет очень извилистое русло и бурное течение. Здесь еще во времена династии Мин (1368—1644 годы) усилиями китайского народа была сооружена большая дамба для защиты крестьянских посевов от паводков. Она протянулась вдоль северного берега реки от города Цзаолинган до Мабу-гуай.

Но неугомонная река иногда прорывала и эту преграду. Одна из летописей Цинской династии рас-

сказывает о том, что когда в эпоху императора Цянь Луна (1736—1795 годы) прорвало Цзинцзянскую дамбу, «горю народному не было границ». Десять лет потребовалось для того, чтобы восстановить разрушенную дамбу и заставить Янцзы снова вернуться в свое русло.

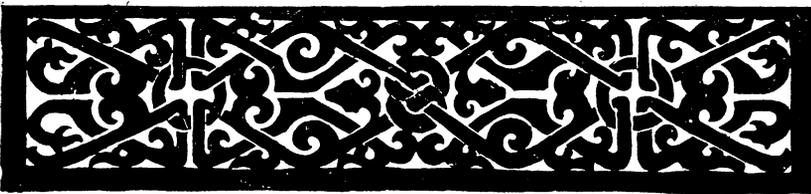
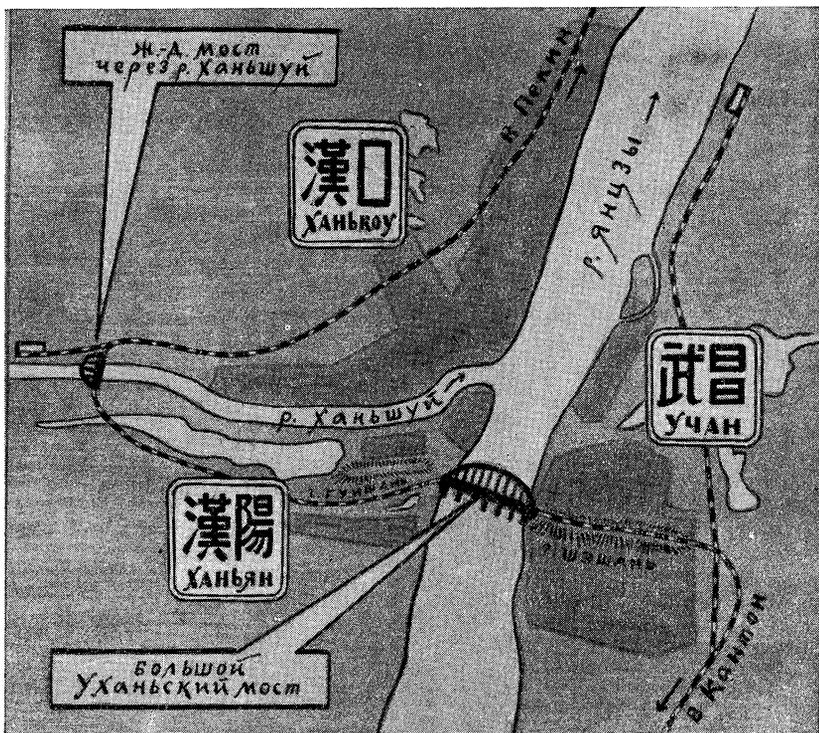
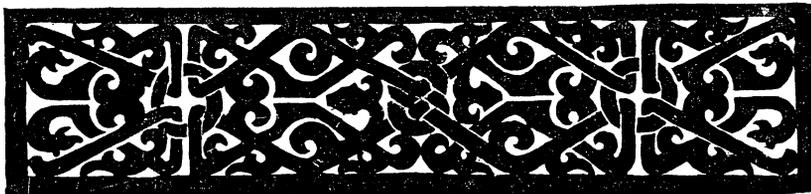
Крушение Цинской династии в результате буржуазно-демократической революции 1911 года не облегчило тяжелой участи кре-

стьян долины Янцзы и всего Китая. Гоминдановские грабители громко кричали о своих намерениях обуздать непокорную реку, выпускали специальные займы на «строительство ирригационных сооружений» и беззащитно наполняли свои карманы сбережениями трудового народа.

— Молитесь речному богу, — говорили они, — ждите помощи от него.

На берегах высекались из камня изображения коров, которые, по мнению забитых и неграмотных людей, должны были пить речную воду во время разливов. Но это не помогало. Река попрежнему затопляла миллионы му плодородной земли, уносила тысячи жизней.

Особенно большое наводнение случилось в среднем течении Янцзы в 1931 году. В результате прорыва Цзинцзянской дамбы было затоплено 546 тысяч гектаров об-

рабатываемой земли, погибло 23 тысячи и осталось без крова более 3 миллионов человек.

ОБУЗДАНИЕ РЕКИ

На сотни километров вдоль берегов Янцзы тянутся богатые посевы риса, пшеницы, хлопка. Местами встречаются крупные лесные массивы. Бассейн реки изобилует запасами различных полезных ископаемых: угля, нефти, цветных металлов.

С победой народной революции все эти богатства и сама река были поставлены на службу народу. На берегах Янцзы закипела жизнь, полная созидательного труда. По ее водам идут суда, гружен-

Общий вид строительства моста через реку Ханьшуй.

ные сырьем для промышленности, строительными материалами, машинами, оборудованием, продукцией сельскохозяйственного производства, товарами народного потребления.

Большое внимание уделило народное правительство обузданию Янцзы. В начале 1952 года был принят проект гидротехнического строительства в среднем течении реки.

Трехсоттысячная армия строителей прибыла на берега Цзинцзяна. Два с половиной месяца длилась битва с непокорной рекой, завершившаяся 20 июня 1952 года. Была заново перестроена Большая Цзинцзянская дамба, которая защищает от наводнений 470 тысяч гектаров плодородной земли. К югу от реки, начиная от Тайпинкоу, раскинулось Цзинцзянское водохранилище, представляющее собой озеро площадью более

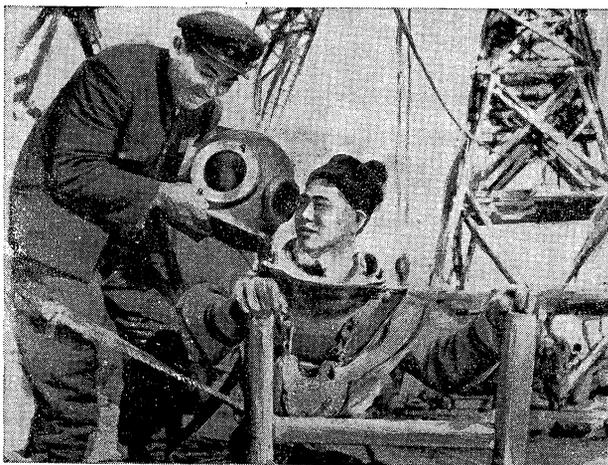
900 квадратных километров. Оно регулирует сток воды в реке. У Тайпинкоу возведена плотина с 54 водопропускными отверстиями, через которые вода поступает в водохранилище.

Радость победы над стихией вошла в каждый крестьянский дом, и звонкая песня: «Наш пот, пролитый на стройках Цзинцзяна, превратится в миллионы тонн зерна!» — разнеслась над просторами великой китайской реки.

Теперь миллионы жителей, населяющих район среднего течения Янцзы, избавлены от постоянно угрожавших им катастрофических наводнений.

СТРОИТЕЛЬСТВО НОВОГО МОСТА

Длинна и часто бурна Янцзы. На всем ее протяжении нет ни од-

В сооружении Большого Уханьского моста немалую роль играют водолазы.

ного современного моста, и поэтому река тысячелетиями была барьером между Северным и Южным Китаем.

Допустим, вам нужно проехать из Пекина в Кантон. Поездом вы доезжаете до Ханькоу. Дальше нужно переправляться через Янцзы на пароме, лодке или катере. В ненастную погоду перевозки через бущующую реку почти прекращаются.

Множество грузов скапливается на пристанях Ханькоу и Учана, где сходятся железные дороги севера и юга. В этом месте грузы переправляют через Янцзы. Тысячи рабочих вынуждены перегружать огромное количество тюков, мешков, корзин с железнодорожных составов на паромы, баржи, в лодки и обратно.

Давно мечтали жители этого района о постройке тут моста через Янцзы. Теперь их мечта стала явью.

В 1950 году народным правительством было принято решение построить мосты через Янцзы и ее приток Ханьшуй в районе трехградья Ухань.

Охватить взглядом весь путь Янцзы в среднем течении невозможно даже с самолета.

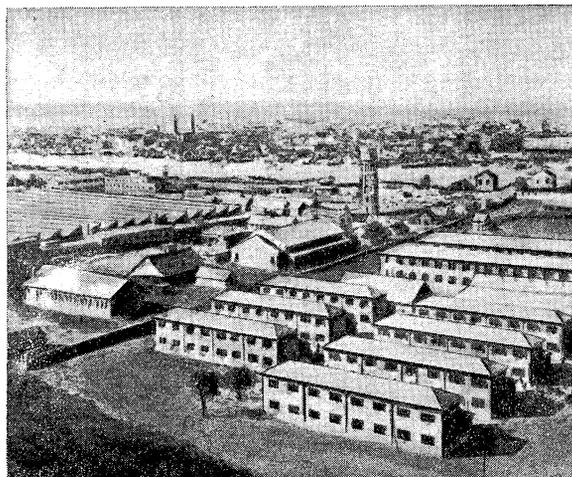
Но если сверху посмотреть на один из ее участков возле Уханя, то глаз невольно поражает огромное скопление воды, зеркальная гладь которой отражает пробегающие белые облака. Это остатки древнего озера Юньмынцзе, которое, в свою очередь, состояло из двух — Юньцзе, находившегося на северном берегу Янцзы, и Мынцзе — на южном берегу.

Из всех озер и водоемов ныне здесь наиболее известны: Уху, Сиху, Дашаху, Хунху и другие на северном берегу и Дунтинху, Хуангайху, Хуантанху и Лянцзыху — на южном.

Маленькие деревушки, расположенные на берегах реки и многочисленных озер, напоминают островки, затерявшиеся в одном громадном озере. Мелкая зыбь колыхает широкие нежнозеленые листья, в которых прячутся белые и розовые цветы лотоса. Легкие джонки и парусники скользят во всех направлениях.

А в самом центре этого обширного водного бассейна возвышаются городские постройки Уханя — сердца административного района

Ухань. Вид на новую текстильную фабрику и рабочий поселок.

Центрально-Южного Китая. Ухань объединяет три города, расположенных рядом. Самый крупный из них — Ханькоу. Он раскинулся на левом берегу Янцзы. Тут же находится и город Ханьян, отделенный от Ханькоу рекой Ханьшуй. На противоположном берегу расположен третий входящий в Ухань город — Учан. Население Уханя составляет 1 миллион 300 тысяч жителей.

Ухань — очень важный железнодорожный узел, крупный промышленный и культурный центр страны.

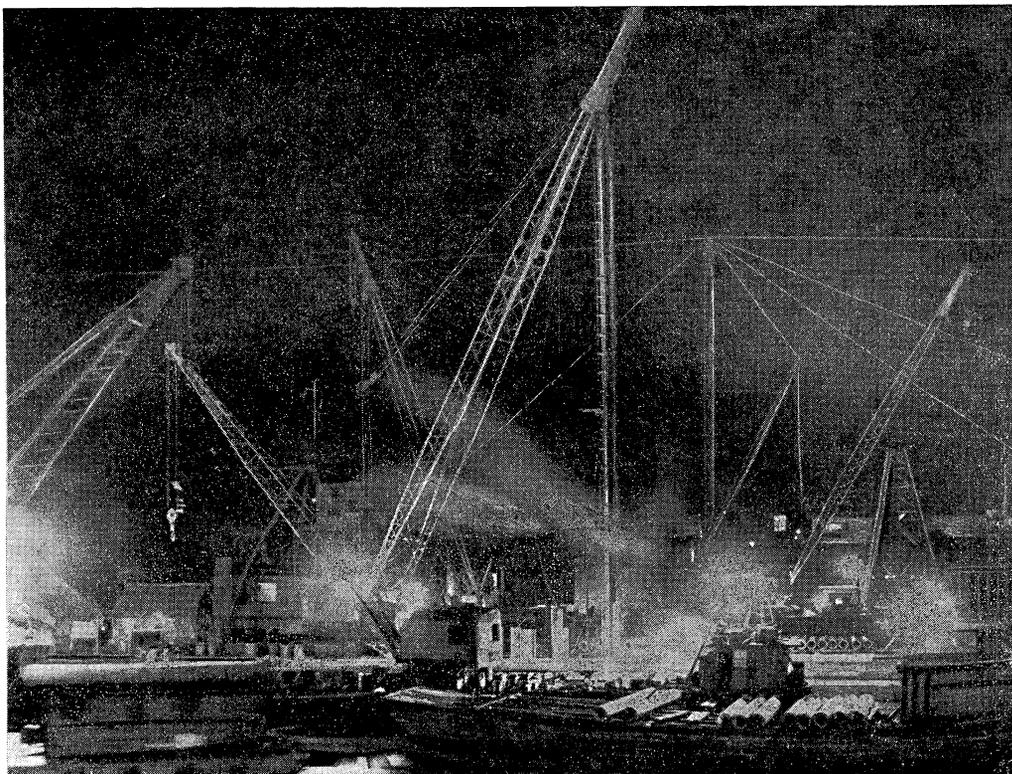
Ухань знаменит своими судостроительными верфями. Здесь работают также металлургический комбинат, вагоно- и моторостроительный заводы, которые сейчас

реконструируются, пущена новая хлопчатобумажная фабрика, восстанавливаются и строятся заново другие промышленные предприятия.

В городе имеется 6 больших домов культуры, 290 народных читален, 13 кинотеатров. В настоящее время строятся институты геологии и национальных меньшинств, а также ряд других высших и средних учебных заведений.

В этом важном для страны районе и началось сейчас сооружение мостов. Один из них будет перекинут через Янцзы между Учаном и Ханьяном, другой соединит Ханькоу с Ханьяном, а оба они образуют Большой Уханьский мост. Таких крупных сооружений еще не знала история китайского мостостроения.

Работы на строительстве не прекращаются и ночью.

В ноябре прошлого года начались работы первой очереди: наведение железнодорожного моста через реку Ханьшуй. Сдача его в эксплуатацию значительно облегчит доставку грузов на строительство основного объекта — моста через Янцзы.

Из Шанхая, Тяньцзиня, Кантона и других городов страны съехались сюда строительные рабочие более 50 различных специальностей. Ежедневно прибывают механизмы и стройматериалы.

Работы ведутся широким фронтом, не прекращаясь ни днем, ни ночью. Когда вечерние сумерки опускаются над равниной и вершины гор окутывает сизая мгла, на строительных площадках вспыхивают тысячи ламп. А на берегу попрежнему грохочут вагонетки, мощные бульдозеры снимают пласты земли, помпы откачивают воду.

Применение на строительстве мощной техники позволило механизировать такие важные и трудоемкие процессы, как забивка свай, подъем грузов, замешивание бетона и другие.

Сота сооружения будет равна примерно двадцатипятиэтажному зданию, и под ним смогут свободно проходить пароходы при любом уровне воды в реке. По своим размерам он значительно превзойдет уже имеющиеся крупные железнодорожные мосты на реках Хуанхэ и Цяньтанцзян.

Это грандиозное сооружение на Янцзы будет создано целиком руками китайских рабочих и инженеров и из отечественных материалов. В старом Китае об этом и думать никто не мог!

Пятьдесят лет назад железнодорожный мост через Хуанхэ строили бельгийцы. Несколько позднее был переброшен мост через реку Цяньтанцзян, но и здесь основные строительные работы выполняли иностранцы — немцы, англичане и датчане, а китайцев предприниматели использовали только в качестве чернорабочих.

За последние годы китайские рабочие, техники и инженеры накопили немалый опыт в строительстве мостов. Большую помощь оказывают им советские специалисты.

На берега Янцзы прибыли отря-

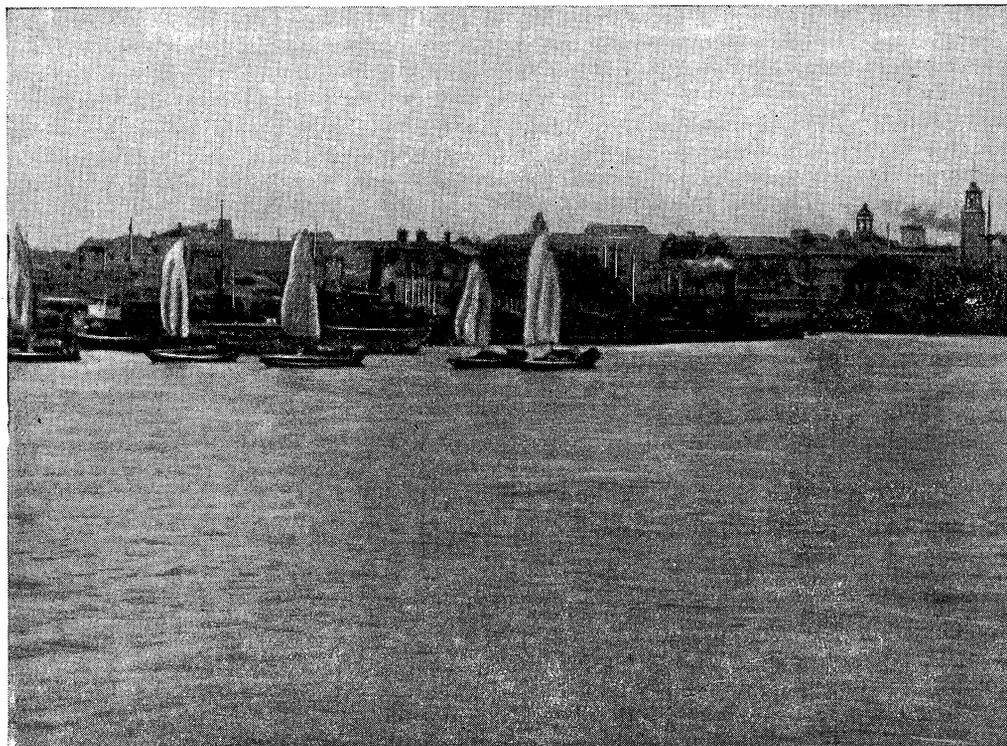
СВЕТЛЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

Строительство двух новых мостов через Ханьшуй и Янцзы имеет очень важное значение для Китая. 1220-километровая железная дорога Пекин—Ханькоу и 1102-километровая линия Учан—Кантон в недалеком будущем превратятся в единую магистраль Пекин—Кантон, связывающую юг и север страны.

Значительно увеличится объем перевозок по ней. С юга на север пойдут цветные металлы, лес для постройки домов, рис, чай, сахарный тростник, фрукты. Север пошлет югу черные металлы и уголь, промышленное оборудование, хлопок, бобы, гаолян.

Грузооборот увеличится также в связи со строительством в Центрально-Южном районе автомобильного и тракторного заводов и расширением рудников цветных металлов.

Прямое сообщение северных районов страны с югом будет иметь важное значение для дальнейшего развития второго по величине

Вид с реки Янцзы на город Ханькоу.

Уже ведутся подготовительные работы к сооружению моста и через Янцзы. Двухъярусный мост-гигант длиной в километр будет переброшен через реку в самом узком в этом районе месте, там, где она заката горами Гуйшань и Шэшань.

Верхний его ярус предназначен для движения машин и пешеходов, по нижнему протянутся две железнодорожные колеи. Общая вы-

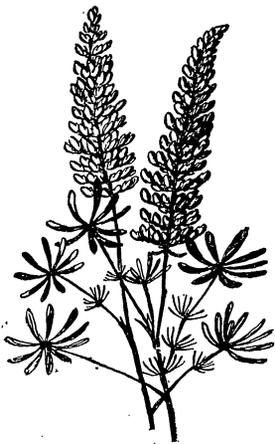
ды гидротехников и мостостроителей, принимавших участие в сооружении железнодорожного моста через реку Сянцзян (провинция Хунань). Там они осваивали советские методы труда. Теперь они с радостью делятся своими знаниями и опытом с теми, кому на этом строительстве впервые довелось увидеть камнедробилки, бульдозеры и другие сложные современные машины.

в стране (после Аньшаньского) металлургического комбината в Дае (Хуанши), находящегося в 90 километрах вниз по Янцзы от Ухана.

— Недалек тот день, когда мы приедем к вам в гости, — пишут аньшаньцы своим товарищам по профессии — металлургам из Дае. — Мы уверены, что сталь, которую мы посылаем на ваше строительство, так же крепка, как и наша дружба!

НА ПРИРЕЧНЫХ ПЕСКАХ

От берегов реки Клязьмы отходят большие песчаные языки. Они вклиниваются в поля, и значительные участки колхоз-

ных земель остаются неиспользованными. Такие пески встречаются и по берегам других равнинных рек средней полосы.

Научные сотрудники Московской сельскохозяйственной академии имени К. А. Тимирязева работают над вопросами освоения этих земель. В долине Клязьмы посеяли многолетний люпин, который хорошо растет на песке, являясь отличным зеленым удобрением.

Люпин, особенно в первое время, требует большого количества воды, в

верхнем же слое песка воды нет. Но если запахать в поле торф, то он будет задерживать воду. Семена люпина, оказавшись как бы на пропитанной водой подушке, лучше прорастают.

В качестве минеральных удобрений к торфу добавляют небольшое количество фосфоритной муки и хлористого калия.

На корнях люпина, как и других бобовых растений, поселяются клубеньковые бактерии, которые усваивают из воздуха азот.

В песке таких бактерий нет. Поэтому перед посевом семена перебивают с заводским препаратом — нитрагином, который содержит миллиарды клубеньковых бактерий.

Благодаря длинному стержневому корню растение обеспечивает себя влагой даже в самое засушливое время года. На третий год люпин достигает одного метра высоты, а корни его уходят на глубину более двух метров. Зеленая масса растений с одного гектара весит 30 тонн.

Люпин запахивают, а обработанные участки засевают разными сельскохозяйственными культурами.

Через несколько лет посевы люпина возобновляются.

Так зеленое удобрение — многолетний люпин, повышая плодородие почв, способствует использованию приречных песков.

КРИПТОЛЕМУС

Так называется небольшой, темного цвета жук, водящийся в тропиках.

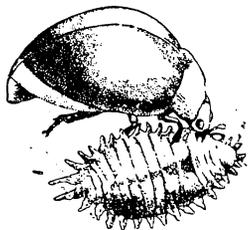
Работники биологической лаборатории Министерства сельского хозяйства Аджарской АССР установили, что это насекомое истребляет мучнистого червеца, опасного вредителя лимонных, мандариновых, апельсиновых и других фруктовых деревьев. Это дало возможность использовать полезного жука для борьбы с мучнистым червцом на цитрусовых плантациях Аджарии.

На поражаемые червцом участки плантаций и садов выпускают сотни тысяч выведенных в специальных инсектариях криптолемусов.

Установлено, что и личинки криптолемуса уничтожают вредителей растений. Встретив скопле-

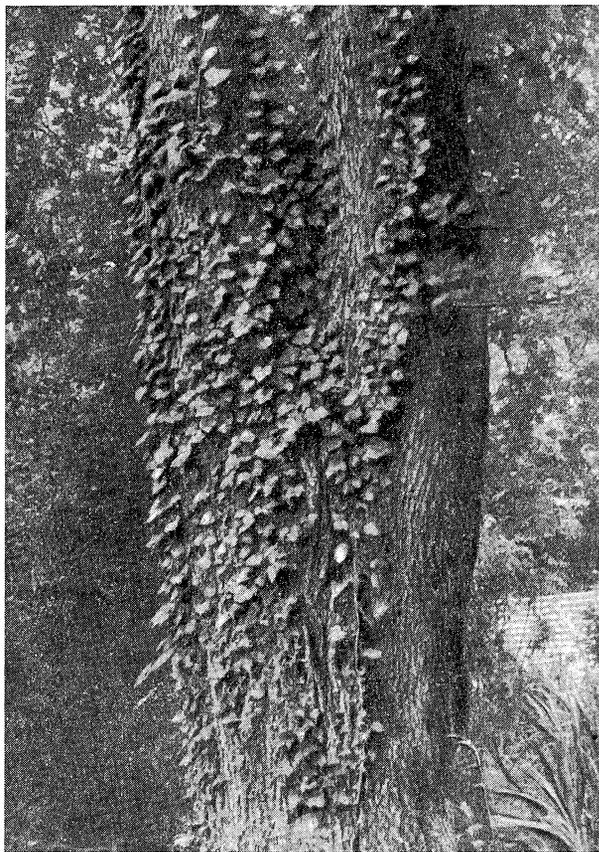
ние яиц мучнистого червеца, личинки криптолемуса вгрызаются в их рыхлую массу и выедают в ее середине целые пещерки.

Криптолемус плохо переносит даже мягкие южные зимы и в естествен-

ных условиях влажных субтропиков не выживает. Поэтому его разводят в специальных инсектариях и по мере надобности выпускают на те участки садов, где появился вредитель.

Подсчитано, что разведение жуков криптолемуса обходится почти в десять раз дешевле химической обработки зараженной вредителем площади.

ХОСТИНСКАЯ ТИССО-САМШИТОВАЯ РОЩА

Хостинская тиссо-самшитовая роща, один из участков Кавказского государственного заповедника, занимает площадь 300 гектаров. Здесь среди грабов, ясеней, бука и самшита растут одиночные тиссы. Их могучие стволы высоко поднимают огромные темнозеленые шатры.

Недалеко от входа в рощу, над рекой, растет самый древний представитель растительного царства третичной флоры — двухтысячелетний тисс. Это мощное, в 4—5 обхвата, дерево.

Тисс называют красным деревом. Его древесина обладает высокой прочностью, она не поддается разрушительному действию воздуха и не гниет в воде, хорошо обрабатывается.

В первых числах марта на темнозеленых вершинах тисса вспыхивают золотыми искрами цветы. Тиссовый лес состоит из мужских и женских деревьев. Мужские цветы собраны в колоски, а женские — в маленькие шишечки.

В октябре на женских деревьях созревают красноматовые плоды с одним семенем внутри. В естественных условиях семена тисса обычно рассеивают черный дрозд и куница, которые питаются плодами тисса.

В 1948 году на Черно-

морском побережье искусственно выселили семена тисса. Обычно период от созревания до всхода длится 2—4 года.

Весной 1951 года старший научный сотрудник Кавказского заповедника П. Д. Лузук провел опыты по размножению тисса черенками в различных почвах.

Двухлетний побег тисса длиной в 20 сантиметров был высажен в специальной субстрате. За четыре месяца черенок укоренился на 8—10 сантиметров и дал прирост на 2—3 сантиметра. Такой росток в естественных условиях мог бы вырасти за 8—10 лет.

Осенью 1953 года в южном отделе Кавказского заповедника, в горах Красной Поляны посажено больше гектара тисса, в хостинских лесах — три гектара. Весь посадочный материал для этого выращен в Хостинской заповедной роще.

Обычно тисс растет высоко в горах. Отдельные экземпляры встречаются на высоте 1800 метров над уровнем моря.

Научные сотрудники проводят массовые посадки тисса недалеко от моря на высоте 600—700 метров, где это дерево большая редкость. В этом году участок тисса будет заложен и на северном склоне Главного Кавказского хребта.

Почти через всю территорию Румынии непрерывной полосой тянется в широтном направлении мощная горная цепь Южных Карпат (Трансильванских Альп).

Там, где Жиу прорывает огромную преграду — Трансильванские Альпы, расположен крупнейший угольный бассейн страны Валя Жиулуй, что значит Долина Жиу.

Центром его является город Петрошани, поэтому и район этот часто называют бассейном Петрошани.

Он представляет собой внутригорную котловину, звездообразно разветвляющуюся между массивами Ретезат, Вулкан, Парынг и Себеш.

Здесь сосредоточено более половины всех угольных запасов страны. Разрабатывается главным образом бурый уголь, но есть тут и коксующийся уголь, а также месторождение антрацита.

Наиболее крупные шахты находятся в городах Лупени, Петрила, Вулкан.

«Долиной слез» называли Долину Жиу во времена буржуазно-помещичьего режима. «Ни один из нас, — говорят горняки этого района, — не может забыть того проклятого прошлого, когда уголь для господ был золотом, а для нас, шахтеров, кровью и голодом».

При капиталистах в шахтах нередко происходили взрывы и обвалы. Горняки жили в лачугах и землянках. Во всем угольном бассейне было только две больницы.

— Теперь, — с гордостью говорят шахтеры, — наша Долина по праву называется Долиной счастья.

Большинство работ по добыче угля механизировано. Широко используется передовая советская техника: скреперы, электровозы, дизельные локомотивы, врубовые машины. В последнее время появились и советские угольные комбайны.

Благодаря новым условиям труда и использованию современной техники добыча угля в бассейне Петрошани возросла в 1953 году вдвое по сравнению с 1938 годом.

По-иному выглядят шахтерские города и поселки с их новыми жилыми домами, общественными и культурными учреждениями.

Мы помещаем очерк ассистента Румынского научно-исследовательского института географии Александру Рошу о центре угольного бассейна — городе Петрошани.

ПЕТРОШАНИ-ГОРОД УГЛЯ

АЛЕКСАНДРУ РОШУ,

ассистент Румынского научно-исследовательского института географии

* * *

Продолжительно свистит паровоз: поезд входит в ущелье Бумбешти—Ливезени. Здесь была осуществлена работа, которой так гордится наша молодежь: всего за два года сделано то, что не могло быть сделано в годы буржуазного режима за двадцать семь лет.

Молодые строители железнодорожной линии Бумбешти—Ливезени с любовью вспоминают время, когда они прокладывали здесь дорогу, кирками разбивая каменные скалы. А плечом к плечу с ними работали члены молодежных международных бригад — венгры, болгары, французы, итальянцы.

Железнодорожная линия, извилаясь по живописной долине Жиу, тянется теперь до самого Петрошани.

Ниже, в котловине Тыгру-Жиу, река, словно уставшая в борьбе с мощной преградой на ее пути — Южными Карпатами, течет медленно, лениво. Здесь же, в ущелье, она еще быстрая и бурливая.

Со склонов гор в узкую долину скатываются камни, река с грохотом несет их с собой. К самой воде сбегает лес. Здесь шелестит листва, неумолчно щебечут птицы. Ущелье кажется немного диким.

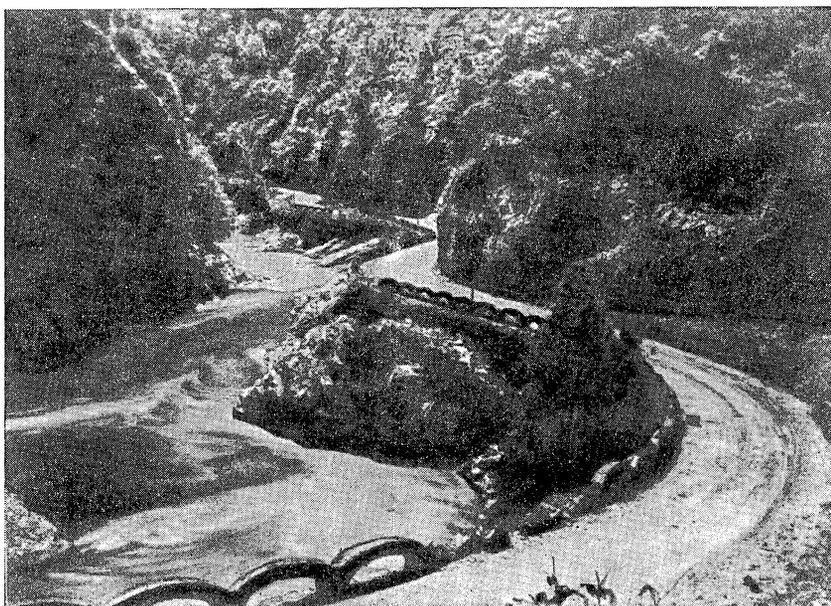
Подступающие к долине горы прорезаны многочисленными старыми руслами притоков Жиу. В них теперь уже нет воды. Но есть у Жиу и многоводные притоки: это говорливые Полатиштя и Изворул.

От истоков и до самого устья Полатиштя течет среди крутых скал, огибая многочисленные каменные выступы. Местами склоны становятся почти отвесными.

Мы проезжаем 37 тоннелей и красивых виадуков, вытянувшихся по ущелью. Горы постепенно отступают и открывают пологую котловину Петрошани.

Котловина расположена на высоте 600—800 метров над уровнем моря. Возникшая в результате тектонических смещений земной коры во время образования Карпат, котловина эта была долгое время залита водами третичного моря. На

Река Жиу в верхнем течении.

дне его отлагались отмиравшие растения, из которых впоследствии образовались угольные пласты.

Пространство, занимаемое угольным бассейном Долины Жиу, невелико, и мы быстро попадаем в его центр — город Петрошани, главную кочегарку Румынии.

Железнодорожный узел Петрошани ежедневно отправляет груженые углем поезда во все концы страны. Он связан с другими центрами углеработок Долины Жиу — Лоя, Петрила, Вулкан, Лупени. Одновременно город является и административным центром района, здесь находится Главное управление шахт и центр угольных трестов.

* * *

Чтобы попасть с вокзала в город, нужно пересечь целую сеть железнодорожных линий. Идем по перекинутому через пути мосту, с которого прекрасно виден весь Петрошани. Город раскинулся в основном к югу от вокзала — по долине реки Жиу.

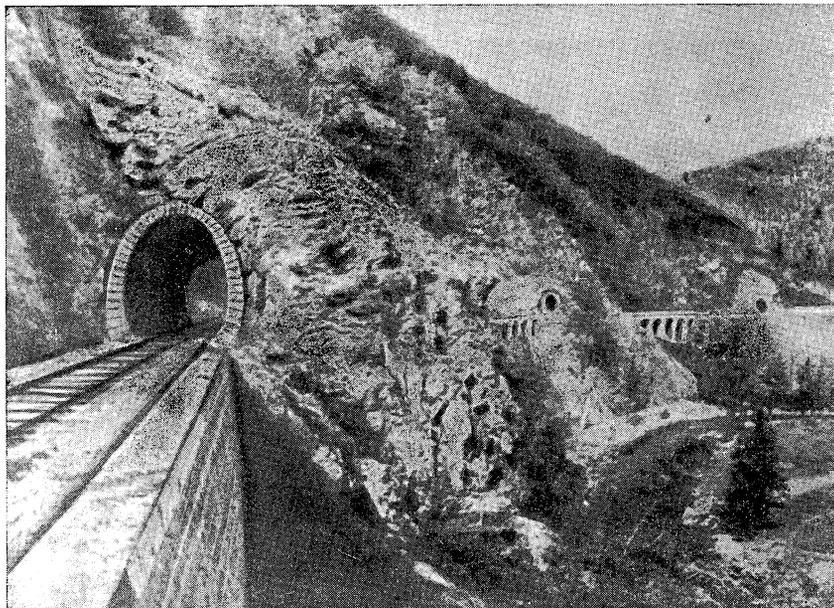
Многочисленные речки и горные потоки сильно размыли мягкие осадочные породы, слагающие котловину, и придали местности холмистый характер. Жилые постройки разбросаны по наиболее пологим склонам холмов.

Спускаемся с высокого виадука и через несколько минут попадаем на круглую площадь, от которой начинается главная улица — имени Георге Георгиу-Деж.

В нескольких десятках шагов от площади наше внимание привлекает небольшой дом с вывеской: «Редакция газеты «Стягул Рошу» («Красное знамя»), начавшей выходить тут недавно. Газета — гордость шахтеров Долины Жиу. При старом режиме горняки и мечтать не могли о своей газете. Теперь же она стала повседневным помощником и верным спутником и другом в труде и в быту.

На улице много магазинов. Большинство их помещается в заново отремонтированных или недавно построенных домах.

В этой же части города расположен парк имени Филимона Сырбу. В центре парка высятся новое здание клуба имени Георге Апостола. В клубе прекрасный зрительный зал, в котором демонстрируются кинофильмы, есть библиотека, ком-

Из бассейна Петрошани на юг есть только один выход — через ущелье Сурдук, по которому теперь проходит железная дорога Бумбешти — Ливезени. На с н и м к е: тоннели на новой железной дороге.

наты для игр. Здесь отдыхают петрошанские шахтеры.

К востоку от парка, на высоком холме, господствующем над городом, видно новое внушительное здание. Оно окружено другими постройками с не снятыми еще лесами, на которых идет работа.

— Это новое здание горного института имени Георге Георгиу-Деж, — с гордостью объяснит вам прохожий.

Сюда ведет полого поднимающаяся по склону улочка. На ней стоит несколько многоквартирных домов, в которых живут профессора и преподаватели института.

В здании института просторные, светлые помещения. Лаборатории богато оборудованы. В лаборатории горных выработок, например, собраны макеты самых крупных шахт нашей страны и схемы горных работ.

Институт располагает библиотекой, насчитывающей свыше 25 тысяч томов. В специально пристроенном крыле организован музей. Здесь выставлены новейшие машины, применяемые в горной промышленности: комбайны, врубовые машины и другое шахтное оборудование.

Хотя Петрошанский институт возник совсем недавно — в 1948 году, в его спортивной витрине множество кубков, медалей и дипломов, полученных студентами за успехи

в различных спортивных соревнованиях. Просторный гимнастический зал отвечает самым современным требованиям.

Рядом с институтом строится студенческое общежитие. На пустыре возникает маленький городок с парком и цветниками.

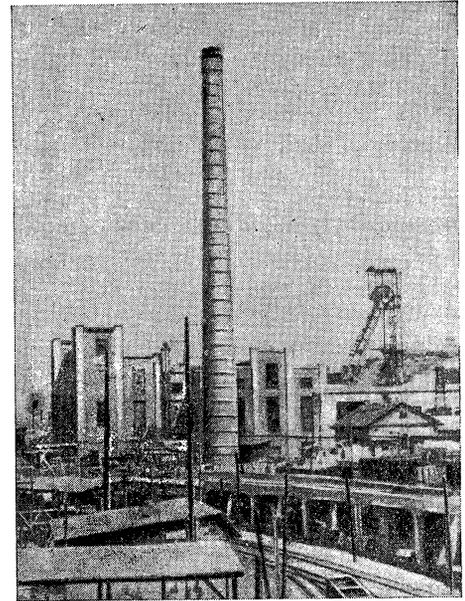
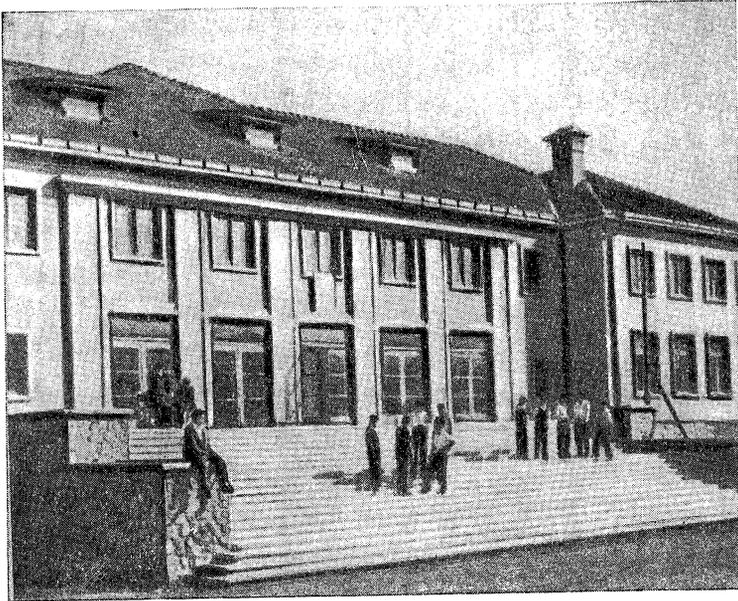
С холма хорошо виден весь город; отчетливо выступают черты нового и следы старого, еще уцелевшего прошлого Петрошани. В северном и западном районах и сейчас местами виднеются неприглядные маленькие домики шахтеров и железнодорожных рабочих. А сколько их тут было!

Особенно изменилась южная часть города. Тут много новых жилых домов.

Там, где раньше находилась небольшая ремонтная мастерская, высятся крупный завод горного оборудования, выпускающий насосы, вентиляторы и вагонетки для шахт.

Говоря о промышленном развитии города, следует упомянуть и вновь созданное строительное объединение. Его рабочие возводят новые многоквартирные дома, а также предприятия местной промышленности. Наиболее крупные из таких предприятий добывают в Рошии, недалеко от Петрошани, известняк для доменных печей.

Построены пять крупных магазинов и товарный склад, который вме-

Петрошани — крупный железнодорожный узел, административный и культурный центр долины Жиу. На снимках: слева — Дом культуры; справа — одна из угольных шахт.

щает 420 вагонов разных грузов, сооружается также хлебозавод.

Петрошани стал теперь настоящим культурным центром. Помимо горного института, здесь находятся две средние, две вечерние средние школы (румынская и венгерская), начальные школы, а также профессиональное училище, подготовляющее кадры для завода горного оборудования.

В Петрошани создан государ-

ственный театр, пользующийся огромным успехом. Впервые горняки получили возможность посмотреть лучшие спектакли своего национального театра. С горячим чувством дружбы и восхищения познакомились они и с многими пьесами советских драматургов.

В городе выступают и приезжие артисты. Население оказывает им самый радушный прием. Граждане Петрошани с удовольствием вспо-

минают о чудесных концертах советского хореографического ансамбля «Березка».

Раньше в Петрошани был только один кинотеатр. Теперь их три. Прекрасным доказательством расцвета города могут служить новые библиотеки, клубы, Дом пионеров.

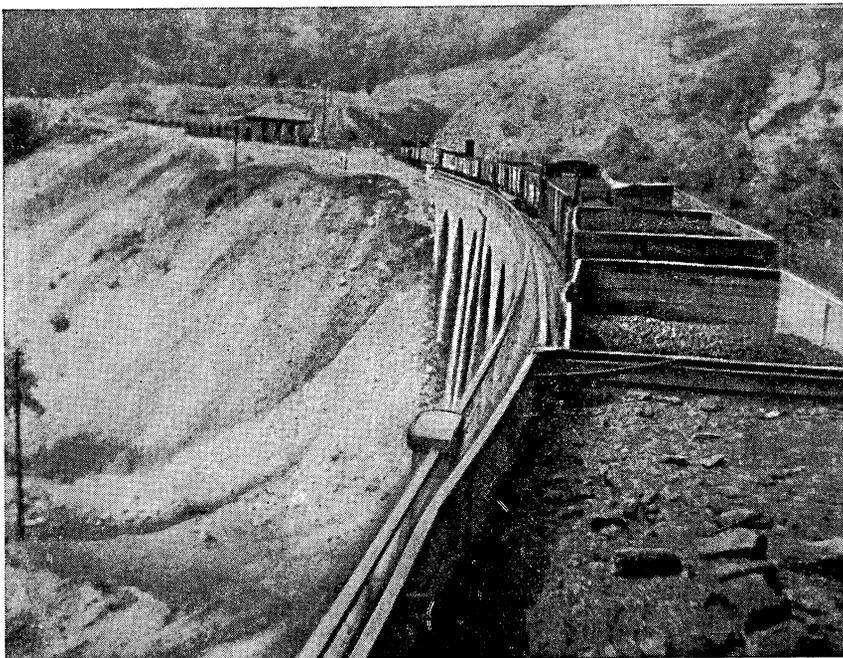
В Петрошани открыты прекрасно оборудованные поликлиники, родильные дома, больницы, диспансер для туберкулезных. В городе работает 60 санитарных врачей.

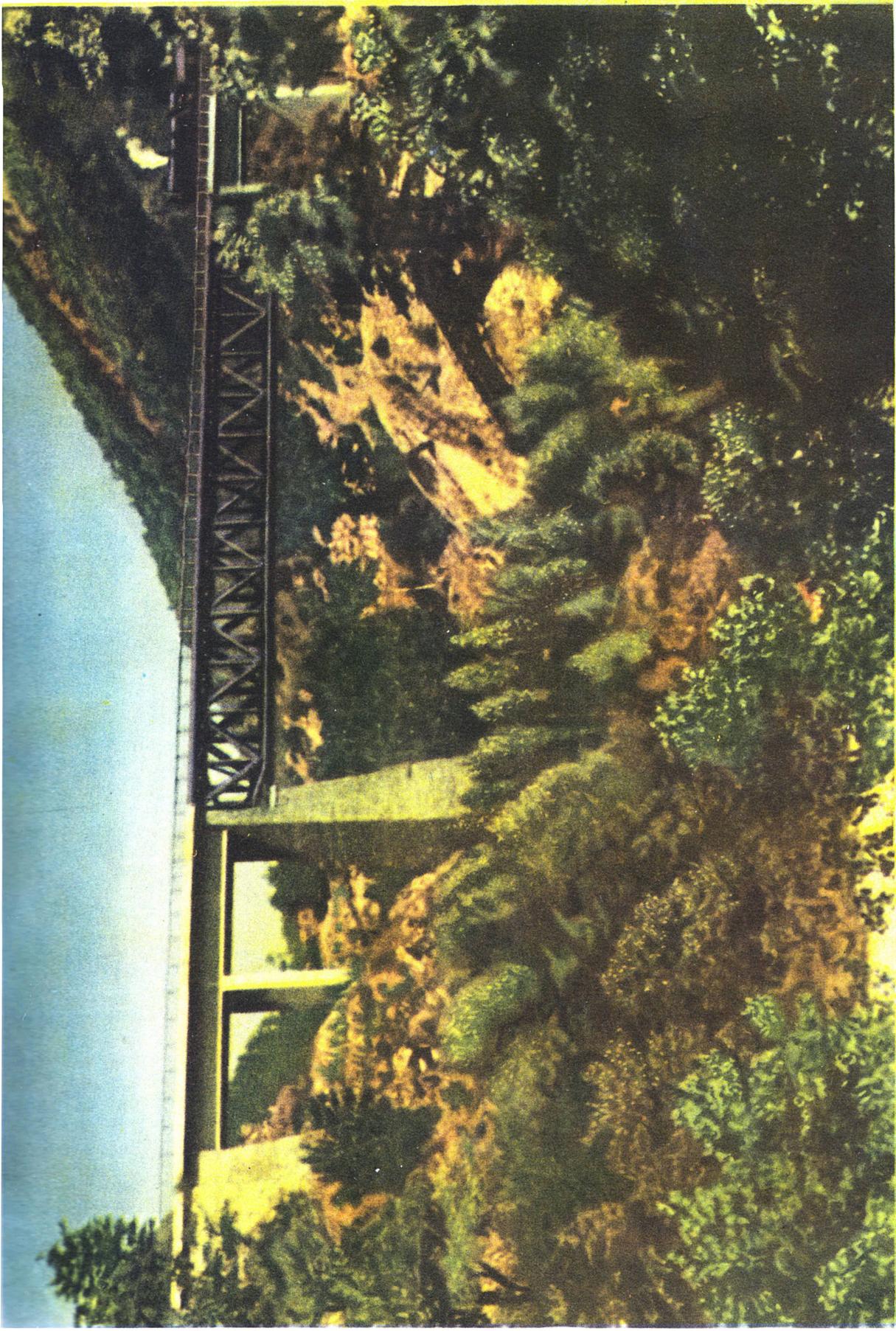
Расцветает не только Петрошани, меняются и другие, прежде убогие городки. Район Долины Жиу становится своеобразным, добывающим уголь комбинатом.

Шахтеры, которые работали здесь раньше и помнят о мрачном прошлом, не узнают теперь шахт: контраст разительный... Вместе со страной растут и рабочие Петрошани. Здесь выдвинулись такие передовые шахтеры страны, как Геза Копетин, Юлиу Хайду. Их дети и многие молодые шахтеры учатся теперь в горном институте.

В городе, который был прежде таким убогим, молчаливым, забытым, кипит теперь молодая жизнь. На улицах, в клубах и домах допоздна слышны песни и смех молодежи. Она упорно учится, готовится к будущей трудовой деятельности. В городе растет достойная смена старшему поколению, надежная опора нашей родины в ее движении вперед.

По железной дороге Бумбешти — Ливезгни уголь идет на юг страны.

В долине Жиу в 1948 году румынской молодежью была проложена железная дорога Бумбешти — Ливезени. Она связала угольный бассейн Валя Жиулуй с восточными и южными областями страны. На снимке: один из мостов на железной дороге Бумбешти — Ливезени.

В Советской Арктике. Стадо моржей у берега.

В. АККУРАТОВ

Рис. В. Житенева

Еще совсем недавно на картах Северного Ледовитого океана значились острова, названия которых перестали встречаться только в наше, советское время.

Что же это за острова, которые целые столетия беспокоили умы не только мореплавателей, но и ученых-географов всего мира?

С некоторыми из них советская молодежь хорошо знакома.

Кого не зажигала волнующая загадка Земли Санникова? Кто, прочитав книгу академика В. А. Обручева «Земля Санникова», мысленно не уносился в холодные просторы Ледовитого океана, где за призрачными далами со дна моря поднимался фантастический остров, такой возможный и заманчивый, что терялась грань между смелой выдумкой автора и действительностью?

Земля Андреева, Земля адмирала Макарова, Земля Гиллиса, Земля Президента, Земля Кеннана...

Все эти земли в свое время, как записано в судовых документах, явственно виделись на ясном солнечном горизонте; определялись их координаты, зарисовывались очертания, их наносили на карты. Правда, трудности плавания во льдах не позволяли подойти к берегам, но

наличие этих островов подтверждалось впоследствии другими путешественниками, что доказывало бесспорность их существования, и земли с именами первооткрывателей заносились в географические атласы.

Шли годы. Земли прочно держались на картах, привлекая к себе внимание ученых. Создавались десятки экспедиций, но Арктика ревниво хранила свои тайны, и попрежнему ни один человек не вступал на берега этих островов, затерянных в океане.

Но вот на помощь исследователям пришли самолеты, которые позволили проникнуть дальше, в центр Арктического бассейна.

На новых географических картах Арктики, там, где раньше лежали таинственные, манившие своей недостижимостью пятна суши, широко разлилась голубая краска океана.

В течение каких-то полутора-двух десятилетий с мировых географических карт навсегда исчезли острова, которые почти сто пятьдесят лет неудержимо манили к себе смелых исследователей, мужественно преодолевавших невероятные трудности и с риском для жизни пытавшихся вступить на их призрачные берега.

Существовали ли эти острова вообще? Не были ли они плодом воображения путешественников, обманутых миражами чудесного, хрустального воздуха Арктики?

Можно ли верить в достоверность сообщений первооткрывателей, желание которых открыть новые, неведомые земли было так велико, что маленькие, далекие пятнышки или облака на горизонте принимались ими за сушу, поспешно зарисовывались и без тщательной проверки наносились на карту?

Вера в существование таких земель была настолько велика, что когда та или иная экспедиция, специально снаряженная на поиски, оканчивалась неудачей, то строились десятки самых разнообразных гипотез. С достаточной убедительностью доказывалось, что все эти острова если и не существуют теперь, то были в далекие времена.

Из всех таинственных земель наибольший интерес представляет Земля Санникова. Ее популярность так велика среди советских людей, что о ней знает каждый школьник. Об этом острове написаны десятки научных и научно-фантастических книг, и до настоящего времени исчезновение его волнует многих ученых.

Была ли когда-либо Земля Санникова? Автор — неоднократный участник поисков ее — ниже попытается ответить на этот вопрос. Но прежде необходимо вспомнить историю ее открытия Яковом Санниковым, в которой и заложена разгадка «исчезновения» земли.

Яков Санников, много лет занимавшийся зверобойным промыслом на Новосибирских островах, был не только опытным промышленником, но и вдумчивым, серьезным самообразованием-исследователем.

В 1809—1811 годах он работал в экспедиции по описанию береговых линий Новосибирских островов. Весной 1810 года с северного побережья острова Новая Сибирь, самого восточного в архипелаге, Санников впервые увидел неизвестную землю. Все его попытки добраться до нее не увенчались успехом. Он проехал на собачьей упряжке по прямой около 25 верст и был остановлен широкой, вытянутой с запада на восток полыньей, края которой сливались с горизонтом.

Измученный и обессиленный многодневными скитаниями по заснеженной пустыне, Санников отказался от попытки вступить на землю, которая, сияя снежными обрывами и холмами в лучах холодного солнца, так близко и так недосягаемо стояла перед ним строго на севере. Зарисовав ее и определив направление, он вынужден был вернуться.

Через год, весной, исследуя остров Фаддеевский (средний остров Новосибирского архипелага), Санников с его северных берегов вновь увидел неизвестную землю, расстояние до которой он оценивал в 45 верст. Суша, заснеженная, холмистая, опять лежала строго на севере. И снова при попытке приблизиться к ней по льдам он был остановлен широкой полыньей.

В июле этого же года, обходя остров Котельный, Санников с самого северного мыса острова ясно увидел на северо-западе неизвест-

ный остров. Этот остров впоследствии и получил название Земли Санникова.

Спустя десять лет экспедиция адмиралтейства под руководством лейтенанта флота П. Ф. Анжу, несмотря на тщательные поиски Земли Санникова, не подтвердила ее существования.

После длительного перерыва в поисках Земли Санникова русский геолог Э. В. Толль в 1886 году к северо-северо-востоку от острова Котельного вновь увидел неизвестную сушу. Ученый настолько твердо был убежден в существовании острова, что даже попытался по профилю гор определить его геологическое строение. По возвращении в Петербург Толль поставил перед Академией наук вопрос о необходимости снаряжения экспедиции на остров. В 1902 году он погиб, так и не вступив на Землю Санникова.

Последующие плавания судов «Таймыр» и «Вайгач» (1913 г.), проходившие в отличную, ясную погоду, не обнаружили виденную Толлем сушу.

В советское время район предполагаемого нахождения Земли Санникова настолько густо испещрен линиями полетов самолетов полярной авиации и плаваний ледоколов, что можно считать достоверно установленным: Земля Санникова не существует.

Как только это известие облетело ученый мир, сейчас же появились гипотезы, объясняющие исчезновение Земли Санникова.

Из них наиболее убедительной была гипотеза В. Н. Степанова, предположившего, что некогда к северу от Новосибирских островов в океане были острова, сложенные из каменного (ископаемого) льда, которые впоследствии были размыты водой, а потому и исчезли.

Это предположение подтверждается исчезновением в наши дни двух островов — Васильевского и Семеновского, находившихся в море Лаптевых между бухтой Тикси и островом Котельным. Эти острова были сложены из ископаемого льда. Первый из них исчез в период с 1912 по 1936 год, и на его месте сейчас существует банка глубиной до 2,5 метра.

Остров Семеновский автор этих строк в последний раз видел в 1939—1940 годах, а в 1953 году

он уже не был обнаружен. Песчано-глинистый, с прослойками ископаемого льда, он «растаял» под действием волн, оставив на память о себе отмель, которая в зимнее время далеко обнаруживается с самолета по мощным нагромождениям льда, окаймляющим это мелководье, а летом по «стамухам» — обломкам льда, сидящего на мели в виде хаотических гряд торосов.

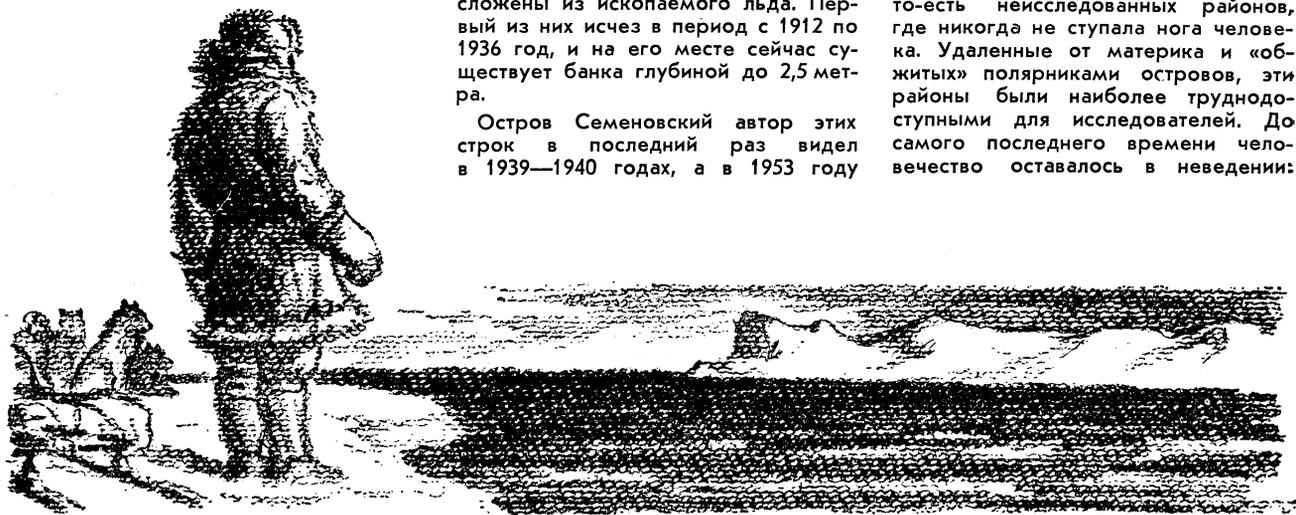
Эти доказательства В. Н. Степанова были настолько убедительны и правдоподобны, что Землю Санникова стали искать уже путем промеров дна моря, пытались обнаружить отмель — ложе некогда существовавшего и впоследствии размытого острова.

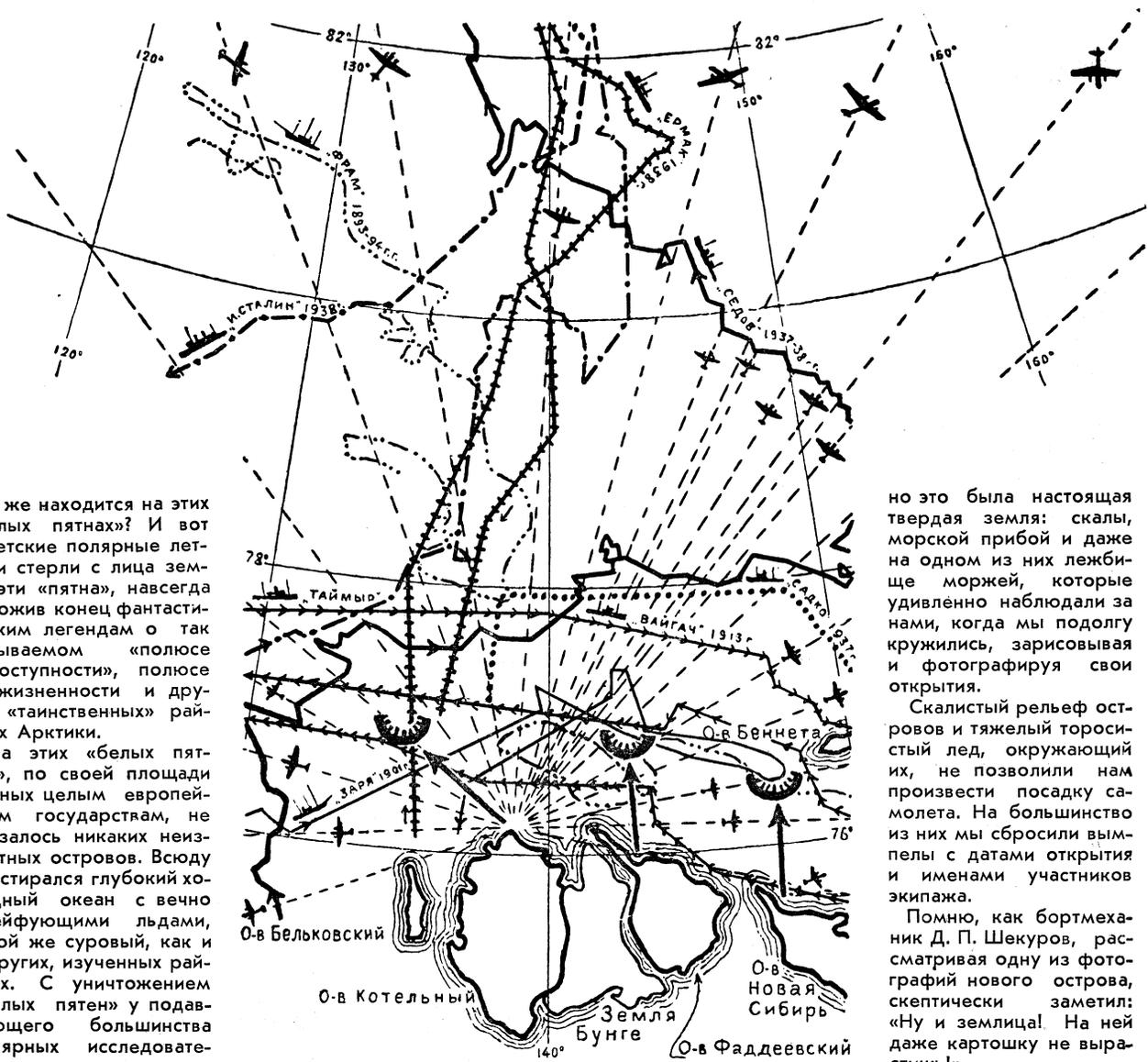
В последнее время вниманию ученых и исследователей Арктики была предложена новая гипотеза, разъясняющая причины исчезновения Земли Санникова. Автор ее, В. Ф. Бурханов, используя материалы изучения советскими полярными летчиками состоящая арктических льдов и свои личные наблюдения, пришел к выводу, что острова Гиллиса, Макарова, Андреева, Кенна, Президента были не чем иным, как многокилометровыми айсбергами. Они наблюдались в разное время различными исследователями, а потом исчезали совсем, будучи разбитыми и вынесенными из Арктики по общему закону дрейфа.

Выводы, сделанные В. Ф. Бурхановым, помогают объяснить и загадочные обстоятельства в истории открытия Земли Санникова, которым ученые почему-то раньше не придавали значения: ведь Санников видел остров трижды и каждый раз в другом месте! Видимо, и Земля Санникова была огромным дрейфующим айсбергом.

Работы советских исследователей раскрыли многие загадки Арктики, во многом уточнили карту этого обширного района. Здесь обнаружены и действительные, неизвестные прежде острова и блуждающие — огромные айсберги.

Еще в 1935 году в Арктике было большое количество «белых пятен», то-есть неисследованных районов, где никогда не ступала нога человека. Удаленные от материка и «обжитых» полярниками островов, эти районы были наиболее труднодоступными для исследователей. До самого последнего времени человечество оставалось в неведении:

что же находится на этих «белых пятнах»? И вот советские полярные летчики стерли с лица земли эти «пятна», навсегда положив конец фантастическим легендам о так называемом «полюсе недоступности», полюсе безжизненности и других «таинственных» районах Арктики.

На этих «белых пятнах», по своей площади равных целым европейским государствам, не оказалось никаких неизвестных островов. Всюду простирался глубокий холодный океан с вечно дрейфующими льдами, такой же суровый, как и в других, изученных районах. С уничтожением «белых пятен» у подавляющего большинства полярных исследователей навсегда исчезла надежда открыть новые земли. И только у самых горячих энтузиастов покорения неведомых пространств оставалась уверенность в существовании таких земель. В этой убежденности их укрепляли старинные записи и указания смелых русских мореходов XVIII и начала XIX века, а также некоторые наблюдения, сделанные при полетах в Арктику.

Много лет назад мы зимовали на острове Рудольфа. Целью высадки нашего экипажа было обеспечение дрейфа мужественной четверки исследователей станции «Северный полюс». Тогда, во время полетов в районе архипелага Земли Франца

Иосифа, нам с И. П. Мазуруком посчастливилось открыть одиннадцать неизвестных и не нанесенных на карты островов. Голые, скалистые острова, на 50—80 процентов покрытые ледниками, казались нам обетованной землей, настолько велико было чувство радости и гордости за то, что и нам удалось внести что-то новое в географию советской земли.

Острова были малы и пустынные,

но это была настоящая твердая земля: скалы, морской прибой и даже на одном из них лежбище моржей, которые удивленно наблюдали за нами, когда мы подолгу кружились, зарисовывая и фотографируя свои открытия.

Скалистый рельеф островов и тяжелый торосистый лед, окружающий их, не позволили нам произвести посадку самолета. На большинство из них мы сбросили вымпелы с датами открытия и именами участников экипажа.

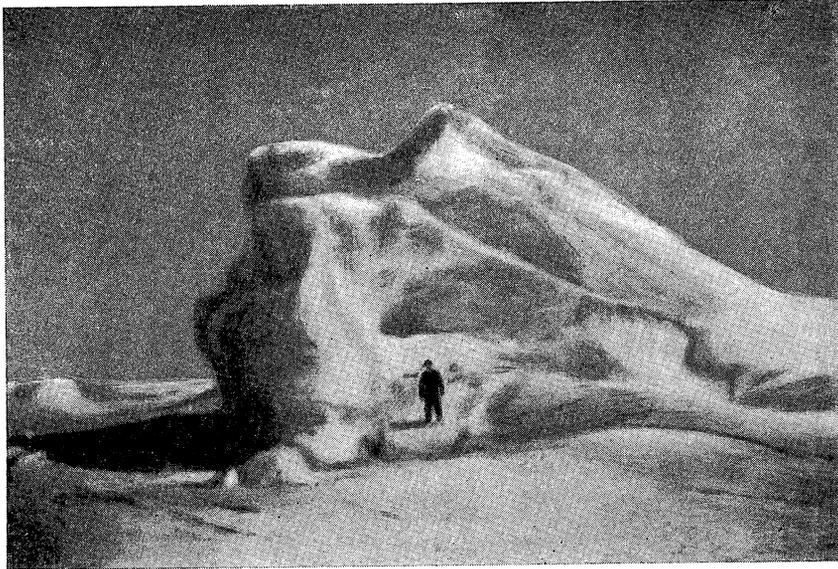
Помню, как бортмеханик Д. П. Шекуров, рассматривая одну из фотографий нового острова, скептически заметил: «Ну и земляца! На ней даже картошку не вырастишь!»

Да, конечно, картошку на ней не вырастишь, ибо это были голые скалы под 82 градусом северной широты, всего в 1 000 километрах от полюса. Но все же это была настоящая твердая земля, и никакой скептик не мог омрачить то огромное чувство, которое рождается при открытии нового.

В период зимовки на острове Рудольфа наши географические исследования не только прибавили новые острова, но и уменьшили число старых на картах.

Однажды, при возвращении из глубокой ледовой разведки, мы решили совершить посадку на остро-

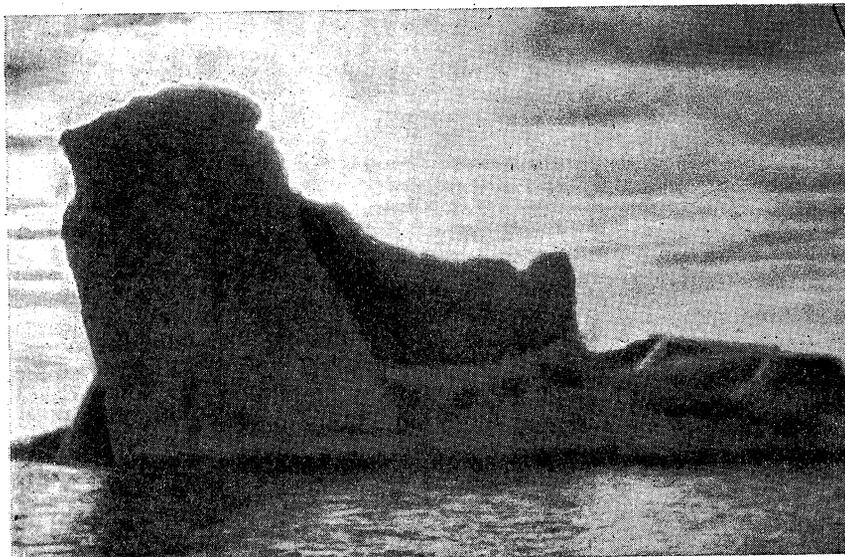
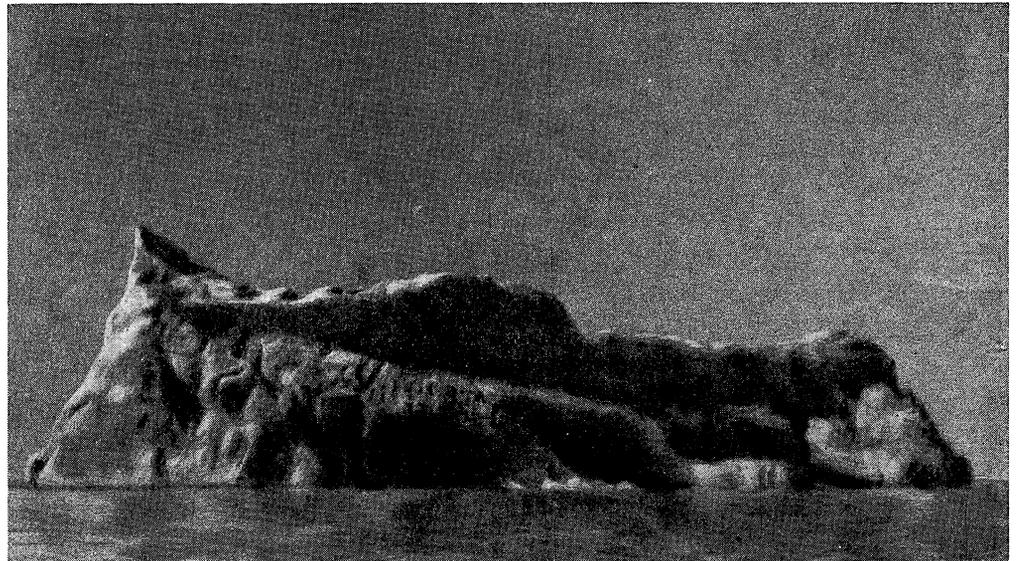
вах Эдуарда или Гармсуорта, расположенных в море королевы Виктории. Они были нанесены на все морские карты мира.

На этих островах никто не был со времени их открытия в 1894—1895 годах английской экспедицией Джексона. Нам хотелось осмотреть их и с целью уточнения произвести фотосъемку.

Велико же было наше удивление, когда вместо высоких гор, указанных на картах, мы увидели под собой открытое море. Запас горючего позволил нам дотянуть до Земли Георга, где мы благополучно сели. На следующий день, ясный и солнечный, мы опять вылетели на поиски этих островов. Тщательные поиски окончательно убедили нас, что таких островов нет, и мы официально «закрыли» их.

Существовали ли эти острова когда-нибудь в действительности? Или они были такими же «землями», как Земля Петермана, виденная Пайером

Айсберги — пловучие ледяные горы в арктических морях, подвергаясь воздействию воды, солнца и ветра, приобретают причудливые формы.

к северу от острова Рудольфа, как Земля Санникова?

Очевидно, последнее вернее. Существовать острова, они должны бы быть сложены, как и Земля Франца Иосифа, из базальтовых пород. А такие острова исчезнуть не могли. Видимо, это были огромные многокилометровые айсберги, подобные которым впоследствии неоднократно вводили в заблуждение и нас.

Помню, как в августе 1939 года мы с И. И. Черевичным на «летающей лодке» «СССР-Н-275» впервые полетели на «белое пятно», находящееся к северу от острова Генриетты. Цель нашего полета состояла в глубокой ледовой разведке и поисках неоткрытых земель, которые по всем внешним признакам должны были находиться в этом районе. Полет длился более 22 часов. Стартовали мы с чудесного солнечного местеч-

ка в низовье реки Лены — Джарджана.

Много часов подряд перед нашим взором простиралась ослепительно блестящие льды, испещренные разводами черной океанской воды. Стояла изумительно ясная погода. Заманчивые, неведомые дали располагали к дерзким желаньям найти, открыть новые земли. И это радостное чувство придавало нам такие силы, что мы не чувствовали усталости, несмотря на то, что за последние четыре дня более 60 часов провели в полете.

По мере продвижения на север исчезала картина однообразных льдов. Стало больше чистой воды, ледяные поля были искрошены, сильно восторжены, с округлыми краями. На воде плавала масса птиц: чаек, кайр, люриков. Все это говорило, что где-то близко земля!

До боли напрягая глаза, мы следили за горизонтом, и вдруг чуть левее курса на ясном зеленоватом горизонте мы отчетливо увидели горы. Это была мощная гряда заснеженных вершин, которые тянулись с запада на восток. Впиваясь в бинокли, мы уже различали склоны со скалистыми обрывами, ледяные шапки, овраги. И вдруг вся эта цепь гор стала медленно изменять свой профиль и таять на глазах. Незнакомая земля, только что, час назад, открытая, исчезала, рождая острую боль разочарования.

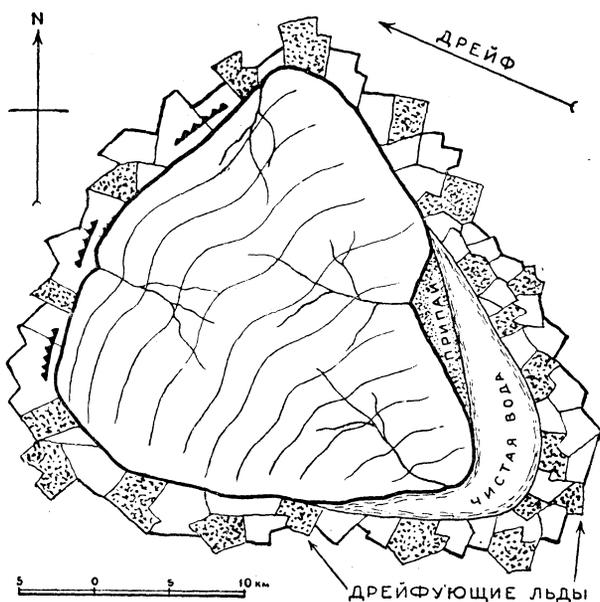
Это была мощная облачность, образовавшаяся при прогреве чистой воды над огромной полыней. Издали, освещенная солнцем, она так реально походила на твердую землю, что ни у кого не вызывала сомнения. Чудесная игра теней и света ввела нас в заблуждение.

Были «открыты земель» и более реальные. При полете в период сумерек с мыса Челюскин на Северный полюс в 1945 году мы с летчиком М. А. Титловым увидели землю, которая не растаяла, «как дым, как утренний туман». Шли на очень малой высоте над районом океана, где раньше никогда не было человека. Впереди по курсу мы заметили трехвершинную гору-остров. Она оказалась огромным айсбергом, но часть

экипажа до сих пор считает, что это был настоящий остров, настолько айсберг был похож на землю.

Пожалуй, самое интересное открытие «новых земель» было у автора этих строк в 1946 году.

Солнечной мартовской ночью мы возвращались с севера. Примерно за 700 километров до острова Врангеля наше внимание неожиданно привлек контур неизвестной земли. Там, далеко на юге, была уже глубокая ночь. На фоне темной, почти черной южной части горизонта особенно резко выделялся огромный холмистый остров, освещенный лучами полуночного солнца. Золотисто-розовый в северной части и иссиня-черный на юге, он походил на

Карта-схема ледяного острова, обнаруженного с самолета в Северном Ледовитом океане в 1946 году.

гряде облаков. Но на сей раз это была не облачность, а настоящая твердая земля — такая, какой видятся обычно вблизи арктические острова.

По горизонту широко расходились заснеженные холмы, прорезанные речками и ручьями, с выступающими кое-где из-под снега камнями. Длина острова достигала 30 километров при ширине в 25 километров. Крутые, обрывистые берега, долины, овраги — все, что обычно имеет-ся на суше.

Промерив с воздуха размеры острова, мы тщательно осмотрели его, определили координаты. Сесть мы не могли, так как самолет имел колесные шасси, а снежный покров на острове был настолько глубок, что о посадке на колесах не могло быть и речи. После тщательного осмотра мы составили акт об открытии неизвестной земли, который подписали все члены экипажа и ученые, находившиеся на борту самолета.

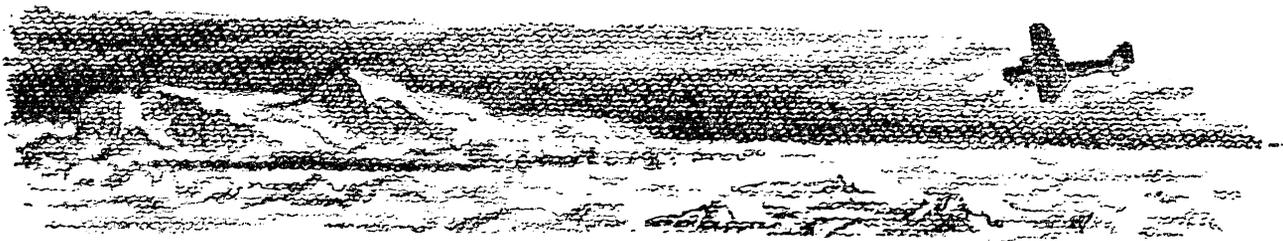
Через два месяца нам поручили подтвердить существование этого острова. Но мы его не нашли в указанном месте. Лишь год спустя его обнаружили уже значительно северо-западнее. Выяснилось, что это был огромный айсберг. Он дрейфовал от берегов Канадского архипелага и прошел мимо острова Врангеля в том месте, где мы его и приняли за остров.

Сходство его с настоящим островом действительно было поразительным. Нам отчетливо виднелись замерзшие русла рек, выступающие из-под снега скалы, и только крутые берега его были совершенно ледяные, но и они походили на берега островов Земли Франца Иосифа.

Видимо, точно так же Санников, Толль, Макаров, Гиллис и другие приняли в свое время огромные айсберги за острова, которые потом так долго и безуспешно отыскивали исследователи.

Один из таких островов, открытый советским летчиком В. М. Перовым в восточном секторе Арктики в 1950 году, в настоящее время американцы назвали «Т-3» и создали на нем свою посадочную площадку и метеостанцию. Этот остров они называют иногда «Флетчерс Айс Айленд» по имени летчика Флетчера, вновь «открывшего» его.

Советские полярники, закрепляя приоритет русской науки в исследовании Арктики, продолжают изучение ледяных островов и законов их дрейфа в бассейне Северного Ледовитого океана. Данные, собранные полярными летчиками и учеными-океанографами, помогают обеспечить нормальное судоходство по Северному морскому пути, имеющему важное значение в мирной экономике нашего государства.

НА ОСУШЕННЫХ БОЛОТАХ

У города Кэлэраши, на юго-востоке Румынии, от Дуная отходит влево большой рукав Борча, который продолжается до Хыршовы. На географических картах территория, заключенная между Дунаем и Борчей, шириной около 12 километров, покрыта бесчисленными голубыми пятнышками, через которые проходит надпись: «Озера и болота».

Теперь картографы новой Румынии должны внести исправления в карту, так как 9 тысяч гектаров бывших здесь болот уступили место плодородным полям, с которых собирают богатые урожаи пшеницы, тучным лугам и фруктовым садам.

Каждой осенью Борча выходила из своего русла и на большом протяжении затопляла берега. Иногда в течение нескольких часов здесь образовывалось настоящее море. После спада воды эта местность густо зарастала камышом, тростником и болотными травами. Здесь водилось много водоплавающей птицы, а зимой сюда, переходя Дунай по льду, из Добруджи пробирались волки, лисицы и зайцы.

Раньше на берегу Борчи стояла лишь деревушка Пиетруи, всего несколько домов. В 1946 году в этой небольшой де-

ревушке был создан государственный сельскохозяйственный кооператив, и его труженики сразу же начали наступление на болота и стоячие пруды. Мощные тракторы, предоставленные государством, глубоко вспахали все участки, где только могла пройти машина.

Неподалеку была организована животноводческая ферма. На берегах Борчи выстроена гидроэлектростанция. Болота вокруг фермы превратились в прекрасные пастбища, на которых теперь пасутся 12-тысячное стадо овец и свыше 3 тысяч свиней. По всей ранее заболоченной территории раскинулась теперь сеть отводных и ирригационных каналов, обильно орошающих поля, сады и огороды.

Деревушка Пиетруи разрослась в большое электрифицированное село с красивыми, просторными зданиями, окруженными молодыми садами, а вокруг него далеко раскинулись поля густой пшеницы, маиса, риса, ярнжелтые участки цветущего подсолнечника, огороды.

С гордостью любят в тихие летние вечера этим, преобразенным их руками, краем жители села.

На снимке: пшеница на осушенных землях.

обрабатывал свою скудную землю. Деревянный каток со стертими кремнями для обмолота зерновых культур, печь и глиняные формы для выпечки хлеба, орудия для обработки табачных и рисовых полей и виноградников—все это напоминает посетителю о тяжелой крестьянской доле в прошлом. Обстановка крестьянского дома и дома пловдивского чорбаджи рисует яркий контраст убожества и роскоши.

В отдельных комнатах музея можно видеть примитивную технику старых, ныне уже отмирающих ремесел. Макет старинной мастерской дает представление о том, как производилась выделка грубошерстной ткани. Показана своеобразная чарк-машина, на которой изготовлялся шнур для украшения одежды.

В специальной витрине выставлены разнообразные национальные костюмы жителей Пловдивского края, вытканые и вышитые с большим мастерством болгарскими вышивальщицами.

„ОЛОВЯННАЯ СТОЛИЦА“

«Оловянной столицей» страны называют в Китае небольшой город Гэцзю, находящийся в провинции Юньнань. Вокруг него, на территории свыше 100 квадратных километров, расположены крупнейшие в Китае оловянные копи. По подсчетам геологов, в месторождениях района Гэцзю сосредоточено 80 процентов всего китайского олова.

Эксплуатация залежей руды началась тут почти сто лет назад. Велась она хищнически. На шахтах, принадлежавших китайским капиталистам, а также американским, английским и французским промышленникам, оборудование было самым примитивным. Добыча руды производилась отсталыми методами.

К моменту освобождения провинции Юньнань войсками Народно-освободительной армии оловянные копи Гэцзю находились в запущенном состоянии. Выработка олова была очень низкой.

За четыре с небольшим года, прошедшие со дня освобождения, горно-промышленный район

В ряде экспозиций представлены кузнечное, гончарное, ювелирное, кожаное и обувное ремесла, искусная резьба по дереву мастеров-самоучек из Родоп и Средна-горы. Большие фотостенды рассказывают посетите-

лям о теперешней жизни Пловдивской околии. На фотографиях можно видеть крестьян, обрабатывающих с помощью машин кооперативные поля и убирающих богатые урожаи, новые жилые дома членов трудовых кооперативных земледельческих хозяйств, сельские библиотеки, дома культуры и многое другое.

На снимке: здание этнографического музея.

Гэцзю сильно изменился. Все оловянные шахты работают на полную мощность. Узенькие прежде ходы в них расширены, и люди больше не работают стоя на коленях или полулежа; можно встать во весь рост. Почти все процессы добычи руды механизированы. Производительность труда за эти годы повысилась в среднем в три-четыре раза.

В 1952 году выработка олова возросла в шесть с половиной раз против 1949 года, а в 1953 году — в десять раз.

В прошлом году в Гэцзю были построены обогатительная фабрика, тепловая станция и канатная дорога.

Изменился и сам город Гэцзю. Улицы его расширены и замощены. Построены новые жилые дома, культурные и общественные учреждения. В городе появились электричество, водопровод, телефонная связь. Организовано автобусное сообщение.

На снимке: на оловянных копях в Гэцзю.

МУЗЕЙ В ПЛОВДИВЕ

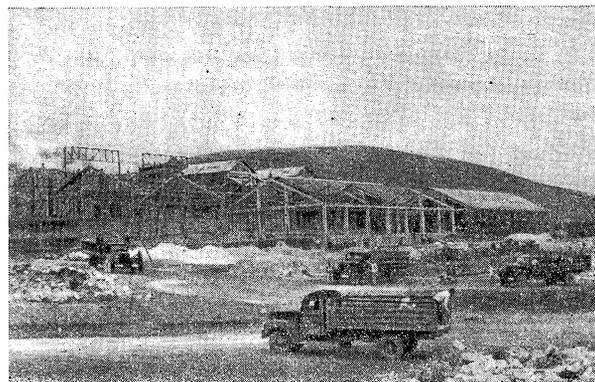
У древней крепостной башни «Хисар Капия», за высокой каменной стеной, возвышается красивое здание, построенное в Пловдиве еще в первой половине XIX века бол-

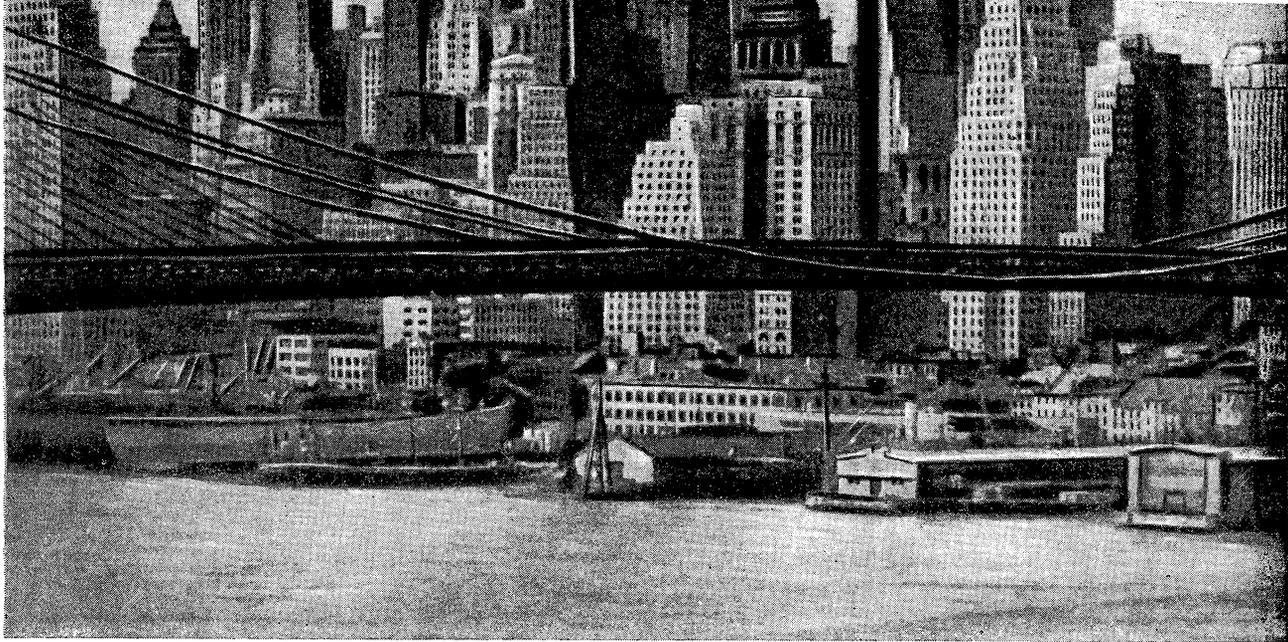
гарскими мастерами-самоучками.

В 1949 году здесь был открыт этнографический музей.

Многочисленные коллекции, размещенные в обширных комнатах и залах, показывают старый быт населения Пловдива и Пловдивской околии и отражают те изменения, которые произошли в народной Болгарии за последние годы.

Здесь можно увидеть мотыгу и старинную деревянную соху, которыми многие десятилетия трудолюбивый крестьянин

Впереди как бы прямо из воды поднимается стена зданий. Ее неровный, изломанный контур пересекают столбы небоскребов.

Теплоход вошел в устье Гудзона и, продолжая свой путь, начал подниматься вверх по реке.

Медленно проплывающий по правому борту берег ошетинился длинными выступами железобетонных пристаней — пирсов. На них и на берегу сплошь тянутся склады и пакгаузы, за которыми возвышается частокот тяжелых, неуклюжих, угловатых домов.

Мимо проходят, толкая перед собой бурун желтой пены, баржи с углем, паромы с темнокрасными товарными вагонами, низкие буксиры с почерневшими от копоти трубами, из которых вылетают кольца сизого дыма. Снуют проворные катера, обгоняя речные трамваи, доотказа набитые пассажирами. Медленно движутся океанские пароходы. На вспененной винтами судов воде пляшут и кружатся щепки, стружки, обрывки бумаги...

Упираясь тупыми носами в борт теплохода, буксиры затапливают его в канал между двумя пирсами. Теплоход еще не подтянут к причальной стенке, а к его борту уже прикнулись сидящие по палубу в воде нефтеналивные баржи. Толстые, перехваченные кольцами шланги вздрагивают под толчками нефти, перекачиваемой в цистерны корабля. На трубах барж яркая надпись: «Эссо» — так кратко именует себя компания «Стандарт ойл».

Теплоход подтянут к стенке пирса. Пассажиры спускаются по крытому трапу в зал пакгауза. Мы в Нью-Йорке.

КРУПНЕЙШИЙ ГОРОД И ПОРТ США

Нью-Йорк расположен на островах, лежащих в устье реки Гудзон. Лишь один городской округ — Бронкс — находится на материке.

В НЬЮ-ЙОРКЕ

И. ЕВГЕНЬЕВ

В 1609 году служащий голландской Ост-Индской компании, англичанин Генри Гудзон, в поисках морского прохода в Индию обследовал устье реки, ныне носящей его имя. Рассказы Гудзона о богатстве виденного края привлекли первых переселенцев — голландцев. В 1623 году на южной оконечности острова Манхэттен, на котором ныне располагается центральная часть Нью-Йорка, возник город Новый Амстердам.

В парке Ваттери, на месте, где находилась деревня первых переселенцев, высится обелиск с надписью: «22 апреля 1625 г. Амстердамская палата Вест-Индской компании приняла решение об учреждении форта Амстердам и о создании по соседству десяти ферм». Покупка острова Манхэттен была совершена в 1626 году. Так был основан город Нью-Йорк.

В действительности Манхэттен, имеющий площадь в 57,5 квадратного километра, был не куплен, а выменен у коренных жителей — индейцев — за безделушки ценою не более... 24 долларов. История Нью-Йорка началась с обмана.

Ее продолжением была борьба двух наиболее сильных в то время колониальных хищников — Англии и Голландии. В 1664 году англичане захватили Новый Амстердам и переименовали его в Нью-Йорк.

До начала борьбы североамериканских колоний за независимость

Нью-Йорк оставался мелким городком. Жители Нью-Йорка в то время были заняты главным образом в меховой и мукомольной промышленности. Память об этом сохранилась на гербе города, на котором изображены два бобра, крылья ветряной мельницы и два бочонка из-под муки.

Город начал быстро расти после того, как североамериканские колонии добились независимости. В 1800 году население города превысило 60 тысяч, и по числу жителей он вышел на первое место среди других американских городов. За последующие сто лет его население возросло почти в сорок пять раз.

В настоящее время население пяти городских округов Нью-Йорка — Манхэттена, Бронкса, Бруклина, Куинса и Ричмонда — составляет около 8 миллионов человек. В черте так называемого «большого Нью-Йорка», включающего соседние города Ньюарк, Джерси-Сити, Патерсон, Йонкерс, Элизабет, живет 12 миллионов 832 тысячи человек.

Рост населения города происходил главным образом за счет притока эмигрантов из Европы. В середине прошлого века, например, картофельный голод пригнал из Ирландии в США свыше миллиона человек. Поэтому национальный состав Нью-Йорка отличается большой пестротой.

Здесь живут итальянцы, англичане, австрийцы, ирландцы, шведы и представители многих других национальностей.

Нью-Йорк — крупнейший порт США, главные ворота внешней торговли страны. Вся южная оконечность Манхэттена и значительная часть побережья Бруклина на Ист-Ривер — проливе, отделяющем Манхэттен от острова Лонг-Айленда, щетинятся выступами пирсов. Ежегодный грузооборот порта составляет 68 миллионов тонн. За год сюда заходит пять с половиной тысяч иностранных судов.

Выгодное положение города способствует развитию его как крупного торгового и промышленного центра Соединенных Штатов.

Сейчас в Нью-Йорке насчитывается свыше 33 тысяч промышленных предприятий, на которых занят почти миллион рабочих.

В первую очередь в городе развилась легкая промышленность. Приток дешевых рабочих рук способствовал возникновению и расширению тех отраслей, где ручной труд играет значительную роль: швейной, скорняжной, ювелирной. Две тысячи меховых предприятий дают сейчас свыше 80 процентов всех меховых изделий, производимых в США; швейные фабрики Нью-Йорка выпускают больше половины всей женской и 34 процента всей мужской одежды.

Значительное место в экономике занимает пищевая промышленность. Она не только удовлетворяет нужды большого города, но значительная доля ее продукции вывозится в другие города страны.

Широкое развитие получили в Нью-Йорке судостроение, электрическая, радиотехническая промышленность, точная механика.

Районы Нью-Йорка очень разнообразны как по своему внешнему облику, так и по своему экономическому значению.

Когда говорят о Нью-Йорке, то подразумевают в первую очередь центр города, расположенный на острове Манхэттен. Здесь сосредоточены административные учреждения, конторы крупнейших фирм, банки, театры и т. д. Тут находятся все пассажирские причалы нью-йоркского порта.

О Манхэттене мы и постараемся дать представление нашему читателю в данном очерке.

ОСТРОВ МАНХЭТТЕН

С площадки 102-го этажа самого высокого небоскреба Нью-Йорка «Эмпайр стейт билдинг» открывается широкая панорама города.

Длинной полосой вытянулся с северо-востока на юго-запад остров

Манхэттен. С запада его окаймляет ровная лента Гудзона, с востока — более узкий и извилистый пролив Ист-Ривер. Вдали, почти скрываясь в дымке тумана, повисла над Гудзоном строгая черточка моста Вашингтона. Его длина — больше километра.

За домами скрыта от глаз река Харлем — рукав Гудзона, которая отделяет Манхэттен от Бронкса, лежащего на материке. Сверху оба эти округа кажутся неразрывным целым.

К востоку, за проливом Ист-Ривер, расположились кварталы округа Куинс. От Манхэттена к Куинсу над островком Благополучия протянулся мост Куинсборо. Движение по нему идет в два яруса. Южнее Куинса раскинулся старейший после Манхэттена округ Нью-Йорка — Бруклин.

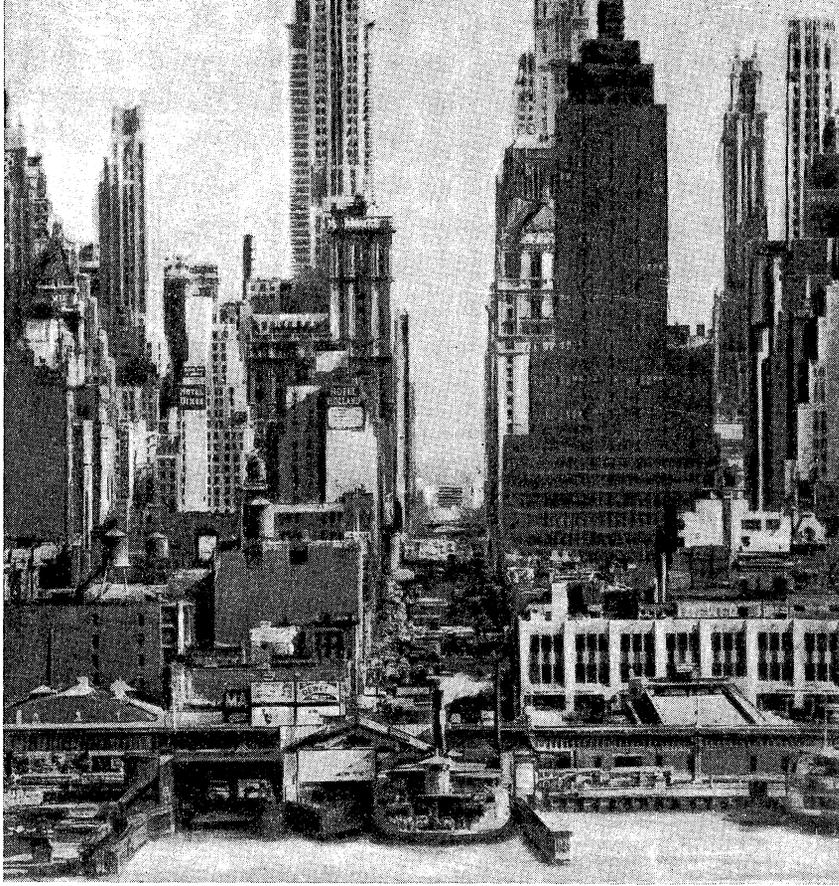
К югу от Манхэттена на острове Статен находится округ Ричмонд.

Манхэттен — центр города. Здесь, как в фокусе, сконцентрированы все характерные черты Нью-Йорка.

Южная часть Манхэттена, так называемый Даун-таун, застроена беспорядочно. Это район кривых улочек, старых невысоких домов. Обособленной группой выстроились небоскребы Уолл-стрит и прилегающих к ней улиц.

Главная улица этой части города — Бродвей — совершенно не похожа на тот шумный, сверкающий огнями реклам, полный движения Бродвей, каким он представляется тем, кто видел его севернее 42-й улицы. В Даун-тауне Бродвей — скучная, серая улица с однообразными домами. В нижних этажах небольшие магазины; некоторые из них по сей день занимаются продажей излишков снаряжения американской армии, накопленного во время второй мировой войны: плащей, ботинок, курток, грубого белья...

К северу от 14-й улицы город имеет строгую планировку. В продольном направлении проложены проспекты — авеню, под прямым углом к ним идут улицы — стриты. Авеню пронумерованы с востока на запад. Некоторые из них имеют свои названия: Лексингтон, Парк авеню, Мэдисон авеню, авеню Колумба, Вест Энда и т. д. Отсчет улиц идет с юга на север.

Для Нью-Йорка характерны хаотичность застройки, уродливая архитектура небоскребов, узкие, мрачные улицы. Вверху — западная 42-я улица; справа — угол Уолл-стрит и Уильям-стрит. На переднем плане — вход в метро.

Главный проспект в этой части Манхэттена — Пятая авеню, которая, проходя примерно в середине острова, делит город на восточную и западную части. Отсчет домов, или, точнее говоря, подъездов, на улицах ведется от Пятой авеню в восточном и западном направлениях. Строгая планировка нарушается Бродвеем, пересекающим эту часть города почти по диагонали.

Улицы и авеню плотно застроены. Дома образуют сплошную каменную стену.

НЬЮ-ЙОРКСКИЕ КОНТРАСТЫ

На человека, впервые попавшего в Нью-Йорк, город производит гнетущее впечатление. Темные громады домов закрывают солнце. В тесных улицах мало света. Воздух пропитан дымом, гарью. Духота становится совершенно невыносимой, когда над городом повисает пелена тумана. Дым от электростанций, промышленных предприятий, выхлопные газы автомашин не могут пробиться сквозь толщу тумана, смешиваются с ним, и город оказывается в плену у «смога», или «смейза», — так называют здесь эту удушливую смесь тумана и дыма.

В глазах рябит от непрерывного потока автомашин, ярко раскрашенных такси, громоздких автобусов,

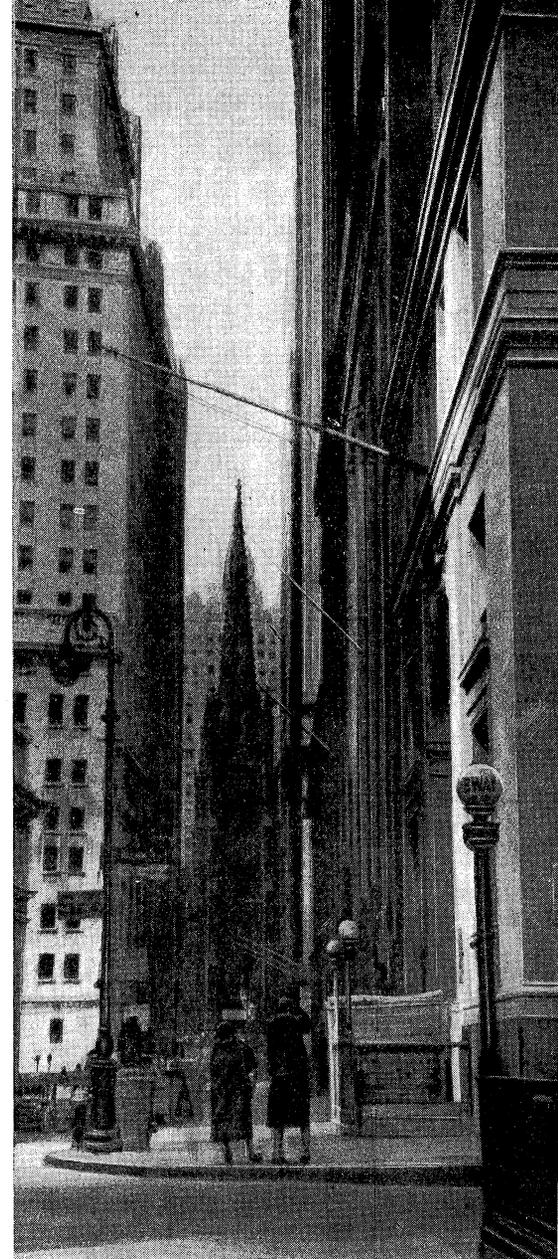
грузовиков, тягачей. Под ногами сотрясается от толчков метро мостовая. Над головой с лязгом и скрежетом проносятся поезда надземной железной дороги.

Угловатые линии массивных домов, лишенных архитектурных украшений, утомляют своей однообразностью. Это голые стены с прорезами стандартных окон. Нередко здания лишены симметрии.

В городе мало зелени. Это впечатление не может изменить даже Центральный парк, расположенный между 59-й и 110-й улицами. Огороженный со всех сторон высокими каменными домами, рассеченный лентами автомобильных дорог, парк похож на запущенный пустырь с редкими чахлыми деревьями: безжизненно повисли листья, покрытые плотным слоем пыли и копоти, который не могут смыть даже сильные дожди.

Несмотря на кажущееся однообразие Нью-Йорка, в городе есть и глубокие различия.

На центральных проспектах — Пятой авеню и Парк авеню — чисто подметены мостовые, отполированы до блеска медные ручки дверей и бронзовые цифры номеров над подъездами. У подъездов над тротуарами натянута брезентовые навесы от дождя и солнца. Автомшины новейших марок поблескивают металлом и лаком. Навытяжку стоят

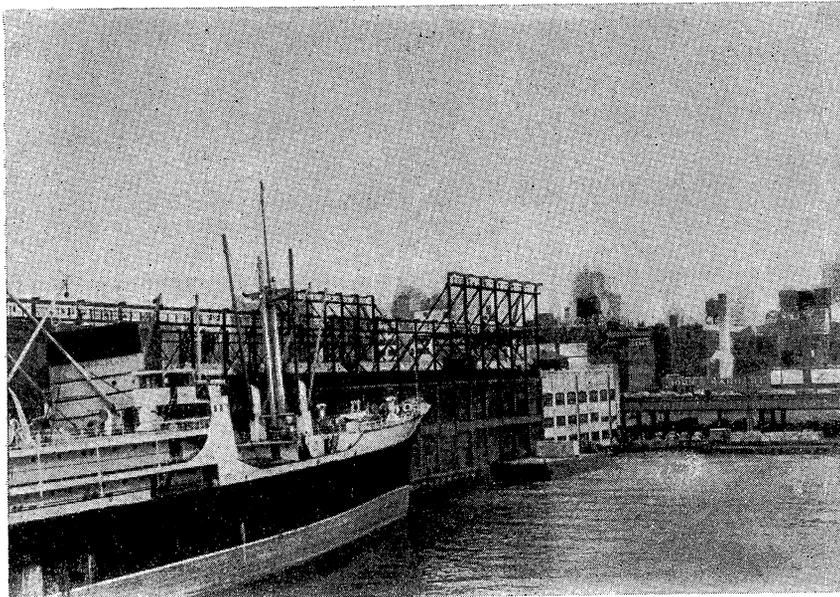

швейцары в расшитых галунами мундирах.

Вечером из больших окон шикарных магазинов и отелей на улицу льются потоки яркого света неоновых ламп. За зеркальными стеклами витрин — меха, драгоценности, дорогие ткани...

А совсем рядом в кварталах Ист-Сайда и Харлема, расположенных севернее Центрального парка, иная картина. Здесь живут негры, пуэрториканцы, итальянцы. По-казарменному вытянулись дома, сложенные из темного камня и кирпича. На крышах видны водонапорные баки, стоящие на треножниках; пожарные лестницы прилепились прямо к фасаду; вытяжные трубы укреплены снаружи; металлические балконы — с решетками вместо пола. Скученность здесь столь велика, что журнал «Архитекторал форум» писал в свое время: «При такой плотности все население США могло бы быть размещено в половине Нью-Йорка».

Внутренних дворов нет. Мусор, кухонные отбросы выносятся в баки, стоящие у края тротуара. Они не

Причалы на Манхэттене со стороны Гудзона.

вмещают всего сора. Жители собирают его в кучи и сжигают. На улицах тлеют костры, от которых ползет едкий дым.

На пыльном асфальте играют дети. Серые лица с подтеками грязи. Парусиновые штаны и курточки выцветли, протерлись.

По улицам проезжают и стоят у тротуара выдавшие виды машины с помятыми, проржавевшими крыльями и пожелтевшими ветровыми стеклами.

Вечером эти улицы освещены слабо. Тускло мерцают лампы за пыльными витринами невзрачных лавок. Рано гаснет свет в окнах. Для обитателей этих домов завтра предстоит новый трудный день.

В полумраке улицы бредет одинокая фигура. Неверный, шаркающий шаг выдает большую усталость. Человек на минуту задерживается у подъезда мрачного дома, затем исчезает в темной щели прохода. Это обитатель ночлежки.

ДВИЖЕНИЕ В ТРИ ЯРУСА

В Нью-Йорке много автомобилей. Улицы в городе узкие, поэтому движение, как правило, одностороннее: по одной улице машины идут в одну сторону, по соседней — в другую.

Трудно найти стоянку для автомашины, и этим пользуются муниципалитет и предприимчивые дельцы. На Мэдисон авеню городские власти установили счетчики времени стоянки. Поставил машину — опусти в счетчик монету. Вдоль тротуара, не торопясь, движется полицейский. Вот он заметил, что на одном счетчике показалась красная полоска — оплаченное время стоянки истекло. Полицейский нажимает гудок автомобиля, но хозяин не появляется. Немного

подождав, полицейский достает книжку, выписывает квитанцию и закладывает ее за очиститель ветрового стекла. Владельца машины ожидает штраф.

Пустыри и свободные площадки превращены в платные стоянки. Вообще следует сказать, что американские дельцы весьма изобретательны в отношении способов извлечения денег из кошельков своих соотечественников. За проезд по мостам Трайборо, Уайгстон, Вашингтон, через тоннели Куинс-Мидтаун, Линкольн, Холланд и другие взимается плата, как в средневековье.

Автобусы и такси — основной вид городского транспорта. Трамвай, совсем недавно ходивший по улицам города, исчез, от него остались местами лишь отдельные куски рельсов.

Такси легко опознать по внешнему виду. Верхняя часть машины окрашена в белый или желтый цвет, нижняя — в яркозеленый, синий, красный или черный. Стоянок такси нет, и ма-

шины кружатся по городу, на ходу подбирая и выбрасывая пассажиров. Длинные неповоротливые автобусы загромождают и без того тесные улицы. В автобусах кондуктора нет, деньги за проезд собирает водитель.

В облике метро до крайности выражен утилитарный подход к делу: метро должно перевозить быстро, а все остальное не играет роли. Вход в метро — это огороженный металлической решеткой колодец. Лишь немногие станции находятся в цоколях зданий. Небольшой спуск по лестнице, и вот уже платформа станции. Билетов нет. Роль кассы сводится к размену денег. Для прохода на станцию нужно опустить в щель автомата — турникета — 15 центов.

В низком зале тускло светят немногочисленные лампы. На асфальтовой выбитой платформе сор и пыль. Пыль въелась в бетонные стены, плотным слоем покрыла металлические колонны, на которых укреплены автоматы для продажи жевательной резины. Воздух пропитан запахом отработанного машинного масла.

С лязгом подходит к платформе небольшой состав. Короткая остановка, и поезд трогается с места, постепенно набирая скорость. Вагоны подпрыгивают и качаются из стороны в сторону на разболтанном рельсах.

В городе существует и специфически американский вид транспорта — третий ярус городского движения — надземная железная дорога. По эстакаде, проходящей на уровне третьих этажей, с грохотом пролетают поезда.

УОЛЛ-СТРИТ

В южной части Манхэттена протянулась небольшая узкая улица — Уолл-стрит. Здесь находится финан-

Вид на Бруклинский мост с Саут-стрит. На заднем плане небоскребы южной части Манхэттена.

совый центр страны. Восточный конец улицы упирается в портовые сооружения, западный выходит к Бродвею против собора святой Троицы с прилегающим к нему кладбищем. История Уолл-стрит символична: свое имя она получила от пересекавшей в этом месте остров стены (по-английски — уолл), которая являлась передовой линией наступления европейских колонизаторов на земли индейцев. Затем здесь находился рынок черных рабов, доставлявшихся из Африки для подневольного труда на плантациях. Ныне эта улица стала символом американского империализма.

Уолл-стрит — средоточие крупнейших банков и монополий США. Магнаты Уолл-стрит фактически управляют всей внутренней и внешней жизнью страны. Они назначают своих ставленников на все важнейшие посты государственного аппарата.

Уолл-стрит стиснута между двумя

рядами небоскребов. Они закрывают солнце, и поэтому на улице всегда, в любую погоду царит полумрак.

Здесь нет жилых построек, лавок или магазинов. В нижних этажах нескольких зданий укрылись кафетерии, где в обеденный перерыв наспех закусывают мелкие клерки и стенографистки. Не видно обычных для Нью-Йорка ярких реклам.

На бронзовых таблицах, врезанных в гранитные стены небоскребов, надписи: «Морган энд компани», «Ирвинг траст компани», «Нью-Йорк сити бэнк», «Манхэттен бэнк»... За стенами этих зданий скрываются действительные хозяева Нью-Йорка, всей Америки, ее негласное правительство.

Уолл-стрит живет своей особой жизнью. В воскресные дни она замирает. Не видно даже автомашин, которых много на других улицах. Редко слышны шаги одинокого прохожего. В будни же улица полна движения. К подъездам небоскребов

подкатывают длинные сверкающие лимузины. Из них выскакивают пассажиры и скрываются за массивными дверями.

Особенно оживленно на углу Уолл-стрит и Брод-стрит, около здания фондовой биржи, занимающего целый квартал. Перед фасадом плоского здания — тяжеловесная колоннада.

В огромном зале биржи, похожем на крытый рынок, стоит гул голосов: по установившейся традиции маклеры громко выкрикивают предложения о покупке и продаже акций. Тут же у расставленных в зале стоек совершаются сделки.

Фондовая биржа — барометр экономической жизни страны. Биржевые крахи всегда предшествовали экономическим кризисам. Так было в 1929 и 1937 годах.

Сейчас на бирже все явственнее проявляются симптомы приближающегося экономического кризиса. Падает курс акций. Сокращается производство.

Падает и торговля. В универмагах Нью-Йорка на верхних этажах, где продаются добротные модные товары, — пусто. Больше народа скапливается на первом этаже, где обычно производится продажа уцененных товаров. Женщины подолгу стоят у прилавков, нерешительно перебирая разложенное на них белье, рубашки, носки и другие товары. Лишь очень немногие направляются к кассе.

Положение трудящихся в Соединенных Штатах изо дня в день ухудшается.

По подсчетам американских буржуазных экономистов, в результате безработицы и сокращения рабочей недели с середины прошлого года общая сумма заработной платы рабочих и служащих сократилась на шесть миллиардов долларов. К этому следует добавить падение покупательной способности доллара. В настоящее время житель Нью-Йорка на доллар может купить лишь половину того, что он мог приобрести до войны.

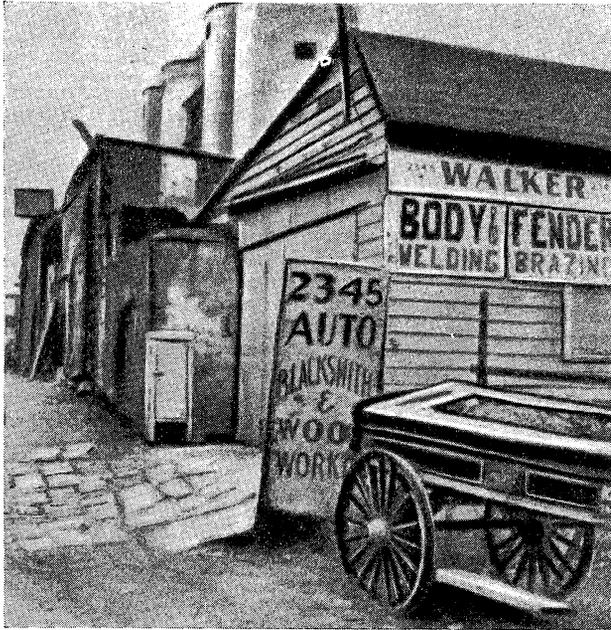
Пытаясь поддержать торговлю хотя бы на прежнем уровне, торговые компании пускаются на всевозможные ухищрения. Раскрывая утром газету, житель Нью-Йорка видит массу заманчивых объявлений: крупнейший универсам Мейси объявляет о распродаже «за полцены» мужских сорочек; универсам Блюминдейл сообщает: «Редкий случай, распродают туфли» и т. д. Но и на этих распродажах собирается мало покупателей.

Всю тяжесть приближающегося кризиса монополисты стремятся переложить на плечи трудового люда. Удар начнется в первую очередь по наиболее бесправным и угнетенным категориям рабочих: неграм и пуэрториканцам. Многие из них уже лишились работы. Бесперывно растет армия безработных.

Трудящиеся все решительнее ведут

Бродвей.

Улочка в негритянском квартале Харлема.

борьбу за свои права, ширится забастовочное движение. Все чаще на улицах города появляются пикеты бастующих. По традиции пикетчики либо в руках, либо на спине и груди носят плакаты: «Здесь бастуют». Характерной чертой забастовок последнего времени в Нью-Йорке является крепнущая солидарность рабочих. Так, например, в декабре прошлого года забастовку четырехсот фотограверов поддержали 20 тысяч печатников.

В октябре прошлого года бастовали грузчики нью-йоркского порта. Эту забастовку поддержали докеры других портов. В результате была парализована работа морского транспорта вдоль всего Атлантического

побережья. В забастовке приняло участие свыше 600 тысяч человек.

КУЛЬТУРА БРОДВЕЯ

В Нью-Йорке можно посмотреть неплохие театральные спектакли, послушать симфонический концерт в исполнении хорошего оркестра. В «Метрополитен Опера» пользуется успехом опера «Борис Годунов». Слаженная труппа театра «Зигфельд», состоящая в основном из негров, прекрасно исполняет оперу Гершвина «Порги и Бесс».

Однако для того, чтобы узнать, как отдыхает и развлекается «средний» житель Нью-Йорка, необходимо побывать на Бродвее, познакомиться с его театрами и кино.

Бродвей — законодатель американских театральных мод. Пьеса или фильм, прошедшие с успехом на Бродвее, могут рассчитывать на вни-

мание владельцев театров по всей стране.

Бродвей залит светом рекламы. Вдоль улицы движется толпа праздных людей. Навстречу попадаются группки американской «золотой молодежи». Напوماженные волосы с однообразной по моде волной, яркий галстук, костюм, придающий человеку форму клина, на пальцах кольца с фальшивыми бриллиантами — таков облик этих молодых людей.

Над подъездами кинотеатров огни неоновых ламп выписывают названия фильмов: «Убийца», «Дикий», «Отсюда в вечность»... В Нью-Йорке демонстрация фильмов идет непрерывно. Вход в зал открыт в любое время, некоторые начинают глядеть картину с конца и потом «досматривают» начало.

На экране фильм «Дикий». Группа молодых хулиганов на мотоциклах врывается в скромный городок Райтсвилл. Они захватывают таверну, громят парикмахерскую, взламывают тюрьму, попутно убивая старика. Как мы узнали позже, сюжет фильма не выдумка постановщика. Он взят из американской действительности. В 1949 году в Калифорнии действовала банда хулиганов на мотоциклах. Авторы фильма не поднимают социальных вопросов, их цель — пощекотать нервы зрителей.

Эта же тема преступлений, морального упадка составляет содержание пьес, идущих на сцене бродвейских театров. В театре «Бут» на 45-й улице идет пьеса «Набери букву «У» для убийства». В соседнем театре «Ройял» поставлена пьеса «Безнравственный».

Прогрессивным фильмам трудно попасть на экран. Фашиствующая организация «Американский легион» бойкотировала фильм Чарли Чаплина «Огни рампы». Легионеры рассылали в кинотеатры угрожающие письма, пикетировали входы в кино. В результате через три дня после начала демонстрации фильма он был снят с экранов почти всех крупных кинотеатров Нью-Йорка.

Посещаемость кинотеатров сокращается. Новые фильмы дают сбор один-два дня, а затем демонстрация идет при полупустом зале.

Но не всюду так. Около небольшого кинотеатра «Стенли» на Бродвее толпа. Кинозал не вмещает всех желающих посмотреть советский фильм «Адмирал Ушаков».

С большим успехом прошли здесь советские фильмы «Садко» и «Возвращение Василия Бортникова».

Телевидение, получившее широкое распространение, также поставлено на службу бизнесу. Семь телевизионных станций, расположенных в Нью-Йорке и в его окрестностях, принадлежат частным компаниям. В программах этих станций — тенденциозные политические сообщения, низкопробные развлекательные номера и без конца — реклама. Что бы ни передавалось по телевизору, через каждые пять-десять минут на экра-

Река Харлем, отделяющая Манхэттен от Бронкса

не появляется диктор и с заученной улыбкой предлагает радиозрителям курить сигареты «Честерфильд», пить пиво «Рейнгольд», покупать костюмы у фирмы «Роберт Холл».

Понятно, что, финансируя телевизионные станции, монополии определяют характер и направление их передач. Восхваление частной инициативы, «американского образа жизни», клевета на прогрессивные силы — вот основные темы телевизионных передач.

Ньюйоркцы мало читают; книга — редкий спутник пассажира метро или автобуса. Американский писатель Говард Смит указывает, что из десяти ведущих наций американцы занимают последнее место по числу читаемых книг.

С интересом мы остановились возле одного книжного магазина. За стеклом аккуратными рядами разложены книги в ярких обложках. Что же предлагают здесь для чтения?

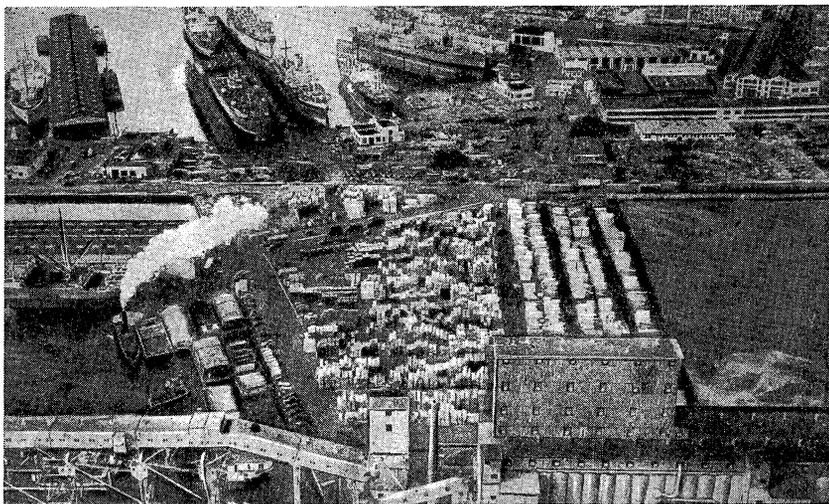
Рядом с книгами, обучающими тому, как и куда надо с толком вкладывать деньги, как отыскать доходное занятие, лежит группа книг «исторического» характера: различные мемуары германских и итальянских фашистов.

В другом углу витрины сосредоточена «художественная» литература. Названия книг говорят сами за себя: «Странные преступления на море», «Полдень для убийства», «Предатель и шпион»... Напрасно стали бы мы искать произведения Джека Лондона, Марка Твена, Брет Гарта. Они сейчас не в почете.

В американских аптеках продаются дешевые карманные издания. По своему содержанию это низкопробная бульварная литература. Крайне редко можно встретить произведения классиков. А если они и встречаются, то в сокращенной форме, превращенные в выхолощенную бумажную жвачку.

На Пятой авеню под номером 21 небольшой скромный домик, простоявший 114 лет. В нем жил Марк Твен. Теперь этот дом обречен на слом. Одна компания решила выстроить на его месте более доходное здание. Муниципалитет не выступил в защиту дома Марка Твена. Путем сбора пожертвований для того, чтобы его выкупить, в городе с 12-миллионным населением удалось набрать только около 16 тысяч долларов.

В Центральном парке, против 82-й улицы, стоит массивное здание Художественного музея «Метрополитен». Музей обладает довольно обширной коллекцией полотен крупных европейских мастеров. Есть картины Рембрандта, Рубенса, Тициана, Веласкеза, Ван Гога, Дега... На некоторых табличках, прикрепленных к рамкам картин, рядом с именем художника красуется имя миллионера, подарившего картину музею.

В музее есть залы современных «мастеров», всевозможных сюрреалистов, кубистов и т. п. На полотнах — бесформенные цветные пятна, круги, квадраты, прямые и ломаные линии. Одно полотно, на черном фоне которого беспорядочно разбросаны желтые мазки, называется «Ночь». Другое, с изображением перекошенной сетки, названо «Улица». Имеется даже «картина», которая «нарисована» цветными шелковыми нитями, натянутыми в различных направлениях.

Однако картина художника Левина, выставленная в другом музее, в Аллан Галлери, пожалуй, в наибольшей мере свидетельствует о вкусах и нравах, присущих современной американской жизни. Недаром «Тайм»

писал об этой картине, что она «переживет век, породивший ее». Картина называется «Похороны гангстера». На фоне помпезной обстановки изображены уродливые, одутловатые фигуры людей, с благоговением уставившихся на гангстера, лежащего в гробу. Что-то действительно символическое представляется в этой картине.

* * *

Позади таяли изломанные контуры города. Из узкого горла нью-йоркской бухты теплоход выходил в океан. С океана тянуло свежим, чуть горьковатым ветерком. Легкие жадно втягивали его бодрящую свежесть.

Пикет бастующих докеров в нью-йоркском порту.

Керамический
подсвечник

ЛИТОВСКОЕ НАРОДНОЕ ИСКУССТВО

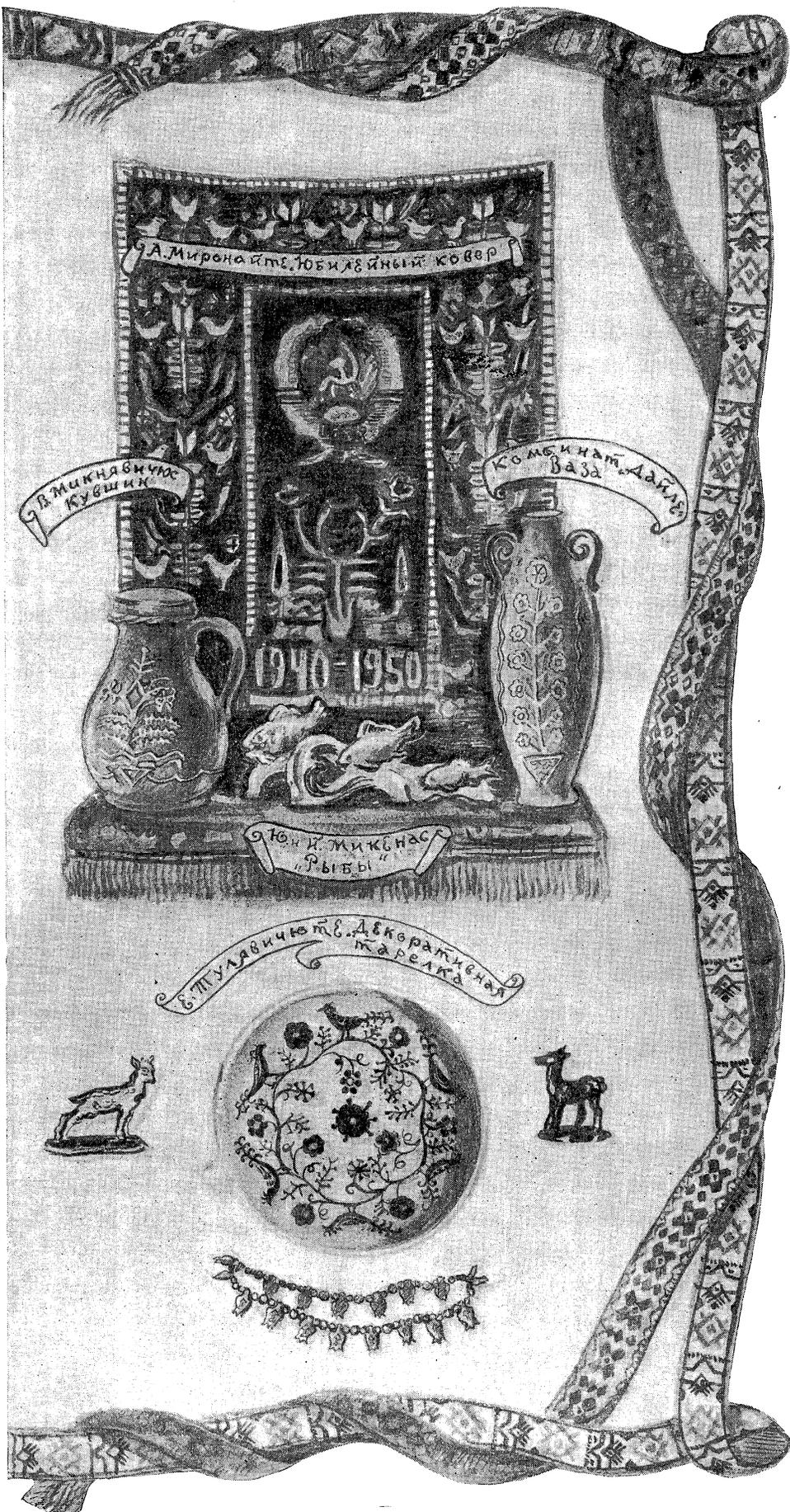
Узорчатые ткани, резная мебель, керамика, различные предметы из янтаря, тисненой кожи и кованого железа, сделанные руками народных мастеров Литвы, отличаются своеобразием и большим вкусом.

Вытканные или вышитые ткани обычно украшены узором, в котором использованы геометрические фигуры или рисунки различных растений. Разнообразием цветов и узоров особенно отличаются пояса, полотенца, передники, одеяла.

Характерной особенностью литовского народного зодчества является скромность внешнего оформления. Народные художники по дереву вырезают пилкой тонкие узоры на коньках домов, наличниках, крыльце. Применяется резба также и при изготовлении предметов домашнего обихода: полочек, этажерок, вешалок.

Народная керамика Литвы знает в основном два вида изделий: посуду и глиняные игрушки. Декоративные вазы, различной формы кувшины, сервизы, небольшие керамические скульптуры украшены геометрическим орнаментом, рисунками растений и цветов, реже — зверей и птиц. Часто

применяется цветная глазурь. Игрушки, особенно свистульки, изображают домашних животных, птиц, иногда людей.

Лучшие традиции литовского народного искусства бережно сохраняются и успешно развиваются в наши дни. Об этом свидетельствуют десятки тысяч работ народных мастеров, показанных на выставках народного творчества, проводившихся в 1952—1953 годах в районных и областных городах Литовской ССР, и на выставке литовского искусства в Москве в 1954 году.

В творчестве современных мастеров находят отображение и радостный труд в колхозной деревне, и механизация сельского хозяйства, и расцвет социалистического города.

Новое в литовском прикладном искусстве — творческое сотрудничество керамиков, скульпторов и архитекторов, открывшее возможность более широкого применения керамики в архитектуре. Большие успехи в этой области достигнуты при оформлении павильона Литовской ССР на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке.

Коллектив художников создал для оформления павильона два керамических барельефа: «Животноводство» и «Земледелие», а также большое барельефное панно «Праздник урожая».

Рис. В. Эльнонина

О Р Х И Д Е И

секомыми. Для привлечения насекомых служат яркая окраска цветов орхидей, запах, нектар, а очень часто и форма. Они похожи на петушиные гребни, на летящих птиц, на насекомых. У одних цветов лепестки закручиваются спиралью, у других — трубочкой, у третьих они вздутые. Но у всех видов орхидей один лепесток, называемый губой, обязательно отличается от остальных формой, величиной и окраской.

У некоторых видов расцветка и форма цветов имеют большое сходство с бабочками, мухами, пчелами, осами, пауками. Есть, например, орхидея, цветы которой напоминают самок песчаных ос, растение оказывается опыленным. Именно благодаря участию насекомых в опылении происходит скрещивание различных видов, ведущее к образованию новых, еще более причудливых форм.

В густых зарослях тропиков и в тенистых лесах умеренного пояса, в сухих степях и в тундрах у Полярного круга, в чаще джунглей и на горах встречаются растения, известные под названием орхидных. Они растут на земле и «над землей» — на коре стволов и ветвях деревьев. Среди них есть и маленькие, невзрачные, прижавшиеся к земле растеньица с мелкими цветочками и ветвистые, крупные, достигающие до нескольких метров высоты.

Орхидные являются самой значительной в растительном мире по разнообразию видов (свыше 20 тысяч) группой. Все они опыляются на-

После опыления цветок быстро увядает. Семена орхидей, содержащиеся в маленьком плоде в очень большом количестве — до нескольких миллионов при размере семечка в $\frac{1}{200}$ миллиметра, — разносятся ветром, птицами и насекомыми на большие расстояния.

Полезных для человека растений среди орхидных очень немного. Сушеные шишковидные корневища некоторых видов употребляются в медицине под названием салепа корня. Из листьев орхидей на Мадагаскаре готовят чай.

Из тропических видов общеизвестна ваниль, ароматные плоды кото-

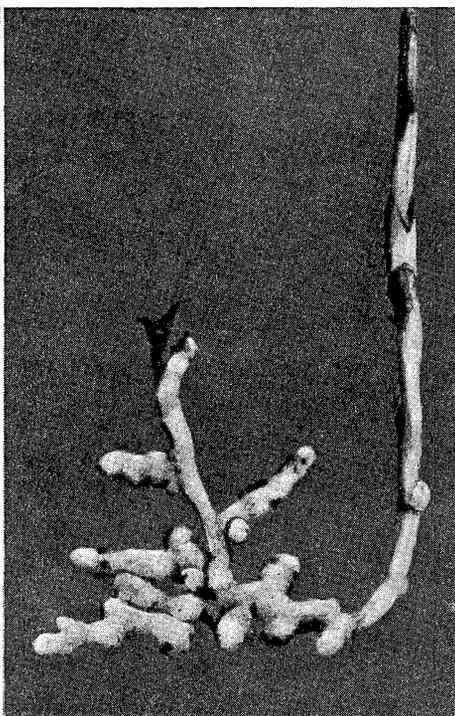
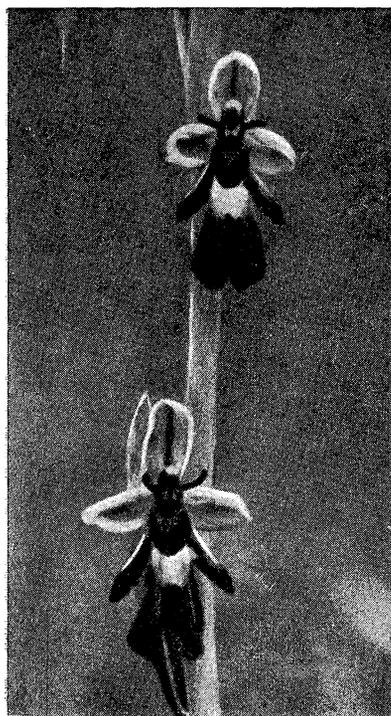

рой, похожие на стручки, применяются как пряность, а также используются в медицине и парфюмерии.

«Подземные», или сапрофитные, орхидеи развиваются в перегное лесных почв в виде кораллоподобного корневища, от которого на поверхность выходит желтоватый чешуйчатый стебель с одиночным цветком или соцветием в виде кисти на верхушке.

Воздушные, или эпифитные, орхидеи живут на стволах и ветвях деревьев. Многие виды таких орхидей пускают вниз воздушные корни. Почти все они растут лишь в тропиках.

Н. БАХТИАРОВА

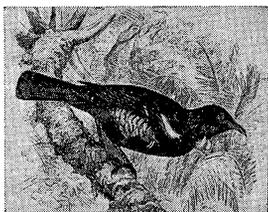
Орхидеи отличаются как широтой географического распространения, так и чрезвычайным разнообразием форм. В природе насчитывается свыше 20 тысяч ее видов. На с и м к е — одна из лесных орхидей теплых стран.

Мексика. Недалеко от города Мехико поднимается заснеженная вершина второго по высоте (5 452 метра) вулкана страны — Попocateпелль.

СОЛОВЕЙ ОКЕАНИИ

На островах Новой Зеландии и в некоторых районах Австралии в эвкалиптовых лесах водится интересная птица с блестящим темнозеленым со стальным оттенком оперением.

Птица эта с толстым, слегка согнутым клювом достигает в длину около тридцати сантиметров. Длинные и сильные ноги позволяют ей хорошо бегать по земле. Спереди на шею птицы висят два пучка белых перьев. Это новозеландский поз, относящийся к семейству медососов, насчитывающему 260 видов.

Питаются птицы главным образом насекомыми. При помощи своего длинного раздвоенного на конце языка они достают также и нектар из глубоких чашечек цветов.

Поз прекрасно поет, за что путешественники называют его соловьем Океании. Большую популярность заслужила эта птица своей способностью к подражанию. Поз может передразнивать лай собак, крик попугаев, кур, петухов, а также произносить слова и фразы и имитировать несложные мелодии, услышанные от человека.

ПЛОДОЯДНЫЕ ЛЕТУЧИЕ МЫШИ

В тропических странах обоих полушарий живет множество видов летучих мышей, которые питаются плодами фруктовых деревьев и тем самым наносят большой урон садам. Особенно вредны представители подсемейства настоящих крыланов, распространенных на Зондских островах, в Индии, Австралии, на Цейлоне, Мадагаскаре, Новой Гвинее. Это летучая собака и летучая лисица.

День крыланы проводят в лесах или рощах фруктовых деревьев, повиснув на ветвях вниз головой. Иногда их собираются по многу сотен штук на одном дереве. С приходом сумерек животные совершают налеты на сады и поедают спелые плоды смоковниц, манго, бананов.

Крестьяне защищают кроны фруктовых деревьев от непрошенных гостей гибкими плетнями из кустарников и лиан, покрытых шипами.

В Южной Америке, где сады страдают от листовых летучих мышей, названных так за нарост на носу, в сезон созревания фруктов на кроны деревьев набрасывают сети. Однако летучие мыши ухитряются проникать и под сеть, взбираясь по стволу.

БОРОДАВОЧНИК

В Абиссинии в сухих кустарниковых зарослях саванн поблизости от воды обитает довольно крупное животное из семейства свиней, называемое бородавочником.

На его массивной голове, с расширенной и удлинненной передней частью и громадными клыками, выступают бородавчатые наросты, кото-

рым животное обязано своим названием. Особенно велики бородавки, на-

ходящиеся у него непосредственно под глазами. Когда в поисках корневых растений бородавочник роет землю своими большими изогнутыми клыками, бородавки приподнимаются и предохраняют глаза от засорения. Вдоль хребта животного наподобие гривы спускается длинная черная щетина.

Питается бородавочник преимущественно растительной пищей, а также поедает личинок, червей, насекомых и падалу.

Свое логово бородавочник устраивает в тени-

стых местах в углублениях земли.

Область распространения этого интересного животного ограничивается Африкой.

МОЛОЧНОЕ ДЕРЕВО

Вблизи жилищ в Костарике, Эквадоре, на северном побережье Венесуэлы и в других странах Латинской Америки можно встретить небольшие рощи высоких, стройных тропических деревьев с гладкой корой и блестящими кожистыми листьями, похожими на мелкие листья нашего домашнего финкуса. Плоды их — небольшие ягоды — несъедобны. Дерево ценится за свой млечный сок, вытекающий при надрезе коры. Поэтому дерево называется молочным.

В течение часа из одно-

го надреза можно добыть около литра сока, который население употребляет вместо молока. Так как этот сок долго сохраняется не может — он густеет и горькнет, деревья «доят» по мере надобности в любое время года. При выпаривании сока из него выделяется воскоподобное вещество, идущее на выделку свечей.

Древесина молочного дерева является хорошим строительным материалом.

На снимке: молочное дерево.

ДЫМЯЩАЯСЯ ГОРА АЦТЕКОВ

Вдоль южного края Мексиканского нагорья, занимающего большую часть территории Мексики, с востока на запад, примерно по 19-й параллели северной широты, проходит высочайший горный хребет страны — Поперечная Вулканическая Сьерра.

Здесь, недалеко от столицы государства Мехико, поднимается второй по высоте вулкан в стране — величественный Попокатепетль. С самого высокого места города — холма Чапультепек — хорошо видна его разделенная седловиной двуглавая вершина. Конус Попокатепетля возвышается на 5452 метра, второй пик, белоснежная Истаксихуатль, немного ниже — 5386 метров.

Выше 4300 метров Попокатепетль покрыт шапкой вечных снегов. Обледенелая округлость кратера имеет в диаметре около 800 метров. По лавовым склонам Попокатепетля и Истаксихуатля спускаются ледники.

Название Попокатепетль, что в переводе означает Дымящаяся гора, дано вулкану ацтеками. Клубящаяся вершина горы служила верным барометром индейцам, жившим у ее подножья. Если поднимавшиеся из кратера вулкана клубы дыма клонились к северу, ожидали дождя; когда они тянулись к югу, — похолодания. Вертикальное восхождение дыма предвещало сильный ветер. Перед грозой из кратера вылетали высокие фонтаны пепла и пемзы.

В XV—XVII веках Попокатепетль извергался неоднократно. В XVIII веке извержения были уже довольно редки и значительно слабее, чем в период завоевания Мексики, в начале XVI века, когда он стал известен европейцам. С начала прошлого столетия вулкан бездействует. Лишь время от времени над кратером Попокатепетля вьется едва заметная струйка дыма.

ПО ДОРОГАМ АФГАНИСТАНА

М. ГАЛКИН

Рис. Г. Филипповского

ДОЛИНА ГЕРИРУДА

Мы снова в горах. Низкие, округлые, они напоминают большие бугры.

С одного из перевалов открывается вид на раскинувшийся внизу огромный зеленый оазис. Это богатейшая в Афганистане долина реки Герируд, тянущаяся от восточных предгорий далеко на запад.

Ровными рядами стоят по берегам оросительных каналов пирамидальные тополя, один клочок земли отделен от другого живой изгородью из шелковицы, абрикоса, сливы.

В глаза бросается множество больших четырехугольных башен.

Оказывается, это голубятни. Голубиный помет здесь самое дешевое удобрение. Чтобы получить его, крестьяне и разводят голубей. Кто побогаче — строит для них свою

— Окончание. См. «Вокруг света» № 5.

башню; бедняки же объединяются по два, по три, а то и по десять дворов.

В центре долины находится один из старейших городов Средней Азии — Герат. В древние времена через него по пути в Европу проходили караваны, груженные китайскими шелками, фарфором, пряностями. Караван-сарай Герата всегда были полны товарами. Китайские, персидские, узбекские, арабские и даже европейские купцы были частыми гостями этого богатого города.

Во второй половине XV века в Герате жил и творил великий узбекский поэт и мыслитель Алишер Навои. Здесь же он и похоронен.

Город выдержал множество осад, неоднократно разрушался и снова поднимался из развалин. Перед монгольским нашествием в Герате жило около миллиона человек. Сейчас в нем всего 75 тысяч жителей. Занятие большинства их связано с сельским хозяйством и торговлей.

В Герате широкие улицы, обсаженные карагачами и тополями. Несколько лет назад была произведена реконструкция центра города. Чтобы расширить улицы и создать площади, разрушили тысячи бедняцких хижин. Их обитатели и по сей день вынуждены ютиться на окраинах в еще более убогих хижинах-временках. В Герате такой же грязный крытый базар, как и в других городах Афганистана, и трущобы, в которых живет трудовой люд.

Мы обратили внимание на то, что все деревья в городе наклонены в южную сторону. Как объяснил

один из местных жителей, это результат сильных северных ветров, дующих летом четыре месяца подряд. Поэтому их называют здесь «ветрами 120 дней».

В северной части города стоит старинная крепость, окруженная глубоким рвом. В этом районе расположились мелкие мукомольные и рисоочистительные производства, кустарные мастерские по выработке шелковых и шерстяных тканей и ковров, по выделке каракуля. За исключением небольшой шерстокачковой фабрики, выпускающей главным образом одеяла и грубое шинельное сукно, и хлопкоочистительного завода, никаких других предприятий в городе нет.

Восточнее Герата, недалеко от места, где Герируд выходит из гор в долину, лежит населенный пункт Обз, который славится своим минеральным источником.

Теплый ключ, вытекающий из горы, распространяет резкий запах серы. Вода собирается в цементном бассейне. Над ним на специальной пристройке стоит кресло для муллы, который за определенную плату читает больным главы из корана. «Принимают ванны» несколько человек сразу. Местное население считает, что этот источник излечивает от всех болезней.

Недалеко от Обз, где Герируд течет между отвесными скалами, находится небольшая горная деревушка. В ней всего 12 прилепившихся к скале домиков. Резко выделяется один из них — двухэтажный, окруженный каменной оградой с массив-

ными воротами. На высоте второго этажа — веранда. Восемь высоких окон. Это дом местного хана.

И вся земля вокруг и арыки, питающие водой поля, принадлежат хану. Жители деревни по существу — крепостные. Хан так опутал их долгами, что никто не может оставить деревню. Крестьянин, в хижину которого мы заглянули, рассказал:

— Хан забирает у нас три пятах урожая, и нам остается так мало риса, что мы вынуждены продавать его осенью в городе, а на вырученные деньги покупать бобы: они стоят дешевле. Ими только и питаешься. Но и бобов не хватает. Зимой начинаем брать их взаймы у хана...

ЧЕРЕЗ ХРЕБЕТ ПАРОПАМИЗ

Пересекаем несколько оросительных каналов, питающихся водами Герируда. Начинается крутой подъем. Около часа машина делает зигзаги, все выше взбираясь в горы. Последняя петля — и мы на вершине перевала Сабзак в горах Паропамиза. Большим полукругом расположились горы. Вершины их покрыты снегом.

Лежащая внизу туча скрывает от нас долину. Над тучей спокойно парит орел. Воздух чист и прозрачен.

Северный спуск с Сабзака нелегко для шофера: много крутых поворотов, большие уклоны.

Заросли можжевельника — арчи — подходят вплотную к дороге, нависают над ней. На зеленых иголках искрятся снежинки.

То и дело чуть ли не из-под колес машины взлетают стаи горных курочек.

Делаем привал.

Из-за поворота показывается старик афганец, погоняющий нагруженного мешками осла. Невдалеке от нас он сворачивает на узкую тропинку, выходящую по склону.

У одинокого дерева, высоко над нами, старик разгружает осла и гонит его обратно.

Проходит некоторое время, крестьянин с ослом, опять тяжело нагруженным, снова появляется на тропинке.

Чем же он занимается?

Встаем и добираемся до дерева. Около него, опустив голову, сидит старик в белой чалме. Взгляд наш остачивается на ровной площад-

ке размером примерно 20 на 30 метров, огороженной невысокой каменной стеной. На кучке свежей земли лежит лопата и кирка.

Подняв усталое морщинистое лицо с жидкой бородкой, старик внимательно осматривает нас и жестом приглашает сесть рядом, на камни.

— Вы хотите знать, что я тут делаю? Поле себе делаю... Отец мой всю жизнь пас овец у хана. Я ему помогал, а когда отец умер, я заменил его... Долго я пас овец, а когда стал старым, хан выгнал меня... Все мое хозяйство — вот этот осел. Вот я и делаю себе здесь поле.

— Как это — «делаю поле»?

— А вот так. Эту ровную площадку я обнес стеной из камней, а теперь насыпаю землю, которую привожу на осле снизу, с берега реки.

— Сколько же времени вы делаете поле?

— Уже два месяца. Потребуется, наверное, еще столько же.

— А вода?

Старик показал нам на сбегавший вниз, в стороне, горный ручеек.

— Но разве можно провести этот ручей сюда?

Ничего не отвечая, старик повел нас к ручейку. Чуть повыше «поля» была вырыта яма.

— Это будет запасной бассейн для хранения воды на летнее время, — сказал он.

От бассейна до ручья по склону горы был прорыт арык. Через расщелину проложен деревянный желобок. Отводной арык не был закончен, вода еще не поступала в бассейн, но в глазах и голосе оживившегося старика было столько надежды, что было бы жестоко высказать сомнение в реальности его замысла.

Спускались мы молча. Разговор с крестьянином не выходил из головы.

...Горы вокруг приобретали более мягкие очертания. Гранитные скалы, отвесные пропасти с бурлящими где-то внизу ручьями встречались все реже. Северные склоны Паропамиза и других отрогов Гиндукуша — Ку-

хи-Баба и Банди-Туркестана — постепенно переходят в сильно всхолмленную местность.

Район к северу и северо-востоку от Герата характеризуется наибольшим количеством осадков в стране — 200—250 миллиметров в год. Это район самых богатых пастбищ. Здесь разводят овец.

На огромной территории — от местечка Калаи-Нау до города Мазари-Шерифа и далее до Файзабада, расположенного у северо-восточной границы Афганистана, — протянулись заросли фисташки. В них привольно разгуливают дикие кабаны: мусульмане не употребляют свинину в пи-

Основное занятие местного населения — земледелие. На поливных землях сеют пшеницу, просо, кукурузу, хлопок.

Особенно много бахчевых. Север Афганистана славится дынями и огромными — до 20 килограммов — арбузами.

И в деревнях и в городах занимаются также выделкой ковров. Город Даулетабад, например, известен своими коврами не только в Афганистане, но и в Пакистане, Индии и даже Иране. Ковры «даулетабади», или «маури» (мервские), — тонкие, чаще всего темнокрасного цвета. По краям — богатый орнамент; самым

За Даулетабадом, лежащим на северном склоне Паропамиза, начинается полупустынная местность.

В этом районе расположены два больших оазиса — Андхой и Ахча. Орошающие их реки Аби-Кайсор и Балх в жаркое время нередко пересыхают, и тогда население переходит на голодный паек, довольствуясь скудными запасами воды в нескольких колодцах.

Жителей в этих оазисах всего 50—60 тысяч, но экономическое значение района очень велико.

Тут на сухих пастбищах предгорий и пустынь разводятся каракулевые овцы — основное богатство Аф-

щу, а поэтому и не бьют их. Во многих местах пологие склоны холмов обработаны — это богарные земли. Урожай на таких полях крайне низки. Иногда в засушливые годы крестьяне собирают меньше, чем было посеяно.

Крупнейшая река этого района — Бала-Мургаб. Начинаясь в горах Паропамиза, она течет в северном направлении и, оросив Мервский оазис на территории Туркменской ССР, теряется в песках Кара-Кумов. На афганской территории Бала-Мургаб для орошения используется мало, так как протекает в горах.

Чем дальше на север, тем сильнее дуют ветры, тем чаще дорога засыпана песком. Иногда в сухую степь вклинивается поле. Оно орошается последними каплями воды, которую доносит сюда тоненький арык.

распространенным мотивом его является правильный восьмиугольник.

Мы посетили ковровую мастерскую. Здесь в плохо освещенной комнате стояло восемь ткацких станков. За каждым из них работал мужчина. Мастерам помогали мальчики лет восьми-десяти, они подносили шерсть. В этой же комнате происходила сортировка и очистка шерсти, окраска и сушка.

Рабочий день длится 12 часов, и в течение всего этого времени ткачи и дети вдыхают пыль. Неудивительно, что через 2—3 года работы за ковроткацким станком здоровый человек заболевает туберкулезом, который здесь так и называют «ковровой» болезнью. За день тяжелой работы ткач получает всего 10 афгани (примерно 2 рубля 50 копеек), а мальчик — 4.

ганистана. Каракуль составляет более 70 процентов экспорта страны — ежегодно вывозится свыше двух миллионов шкурок.

То и дело навстречу попадаются караваны верблюдов, груженных каракулевыми шкурками, шерстью, каменной солью, фисташками, зерном и другими товарами.

Вот по обочине дороги движется караван с арчевыми дровами, которые здесь, в безлесном районе, очень дороги.

Впереди на осле — караванщик в меховой шапке и теплом полосатом халате. К хвосту осла привязан верблюд. Идущие за ним верблюды соединены таким же способом.

У последнего верблюда на шее висит большой колокольчик. Его ритмичный звон свидетельствует, что

караван «не разорвался» и караванщик может спокойно дремать на своем осле.

ЖИТНИЦА АФГАНИСТАНА

Подъезжаем к городу Балху — столице древнейшего государства Средней Азии — Бактрианы.

Когда-то, во времена Александра Македонского и много лет после него, Балх был одним из самых крупных городов на торговом пути из Китая на Запад. Судя по сохранившейся городской стене, он был тогда расположен на площади в несколько десятков квадратных километров. Современный Балх, насчитывающий не более 13 тысяч жителей, занимает лишь маленький уголок древнего города.

Балх и раскинувшийся в нескольких километрах от него крупнейший город северного Афганистана — Мазари-Шериф — лежат на территории оазиса, орошаемого 18 каналами, проведенными от реки Балх. Здесь один из важнейших пшеничных и хлопководческих районов страны.

Подъезжая к Мазари-Шерифу, попадаешь в район фруктовых садов и виноградников. Они начинаются за несколько километров от города. Сливы, абрикосы, персики высаживаются, как правило, на виноградниках, а яблони и гранатовые деревья — на отдельных участках.

Миновав сады, въезжаем в город, окраины которого ничем не отличаются от деревни.

По обе стороны центральной улицы тянутся одноэтажные низенькие домики, в которых разместились лавчаны — небольшие лавочки с товарами, выставленными прямо на тротуаре. Поднимая пыль, семята ослы, тяжело нагруженные глиной, кирпичом, зерном, овощами, фруктами; проходят караваны верблюдов; катятся гади — двухколесные пролетки на четыре человека, прикрытые полотняным зонтом. Солнце стоит прямо над головой. Жарко. Люди и животные движутся медленно; дукашки в ожидании покупателей дремлют у своих товаров, лениво перебирая четки.

Улица приводит на базар. В лавочках и на земле возле них лежат арбузы, дыни, в корзинах — виноград, персики, яблоки, сливы, абрикосы, грецкие орехи, сушеные тутовые ягоды, кишмиш, миндаль, фисташки...

В полумраке зигзагообразных узеньких улочек, затянутых сверху мешковиной, кипит оживленная торговля.

Это крытый базар. Здесь можно найти все, что вырабатывается или производится на севере. В одном ряду — ковры. В другом, гордость города, тубетейки всех цветов и фасонов: красные ковровые, черные бархатные с серебряной вышивкой, плюшевые с орнаментом, шелковые с нежным узором. Они висят на стенах дуканов, их продают с рук, развозят на колесных лотках.

Но самое большое место занимает

каракуль. Каракулевые шкурки лежат в лавках огромными кипами, лучшие развешаны по стенам, разложены по прилавкам.

На многих улицах города вдоль тротуаров тянутся торговые ряды. Снуют мальчишки-лоточники. На небольших четырехколесных повозках развозят жареный горох, рахат-лукум, вареный сахар, облитые сахаром зерна фисташки и миндаля. Тут же продаются жареная картошка, вареная свекла, кислое молоко, а рядом — шпильки, булавки, ленты, пуговицы, игрушки...

Стараясь перекричать друг друга, лавочники громко расхваливают свой товар, отчего на улицах, особенно на крытом базаре, стоит несмолкающий гул.

В центральной части города — большая круглая площадь. На ней расположена главная достопримечательность Мазари-Шерифа — мечеть, построенная еще в XIII веке на месте, где, по преданию, похоронен четвертый исламский халиф — Хазрет Али. Мечеть облицована голубыми изразцами, двор выложен большими белыми каменными плитами. На голубых куполах и на верхушках минаретов сидят стаи белых голубей. К гробнице совершают паломничество мусульмане всего северного Афганистана.

В нескольких километрах к северу от Мазари-Шерифа лежат руины Сиях-Гирда. Одни глинобитные развалины остались от этого крупного города. Только посредине, где была большая площадь, растут два пирамидальных тополя да стоит одинокий домик. Когда-то по широким каналам из Аму-Дарьи в город поступала вода, но река изменила свое русло, арыки опустели, и жители вынуждены были оставить город.

Всего 70 километров отделяют Мазари-Шериф от Аму-Дарьи, за которой лежит наша, советская земля.

Сразу же за Мазари-Шерифом начинаются солончаки. Растительности почти нет. Видны лишь редкие кусты тамарикса, полузасыпанные песком. Голая, безжизненная степь тянется, кажется, до бесконечности. Проехав 40 километров на север от Мазари-Шерифа, попадаем в населенный пункт Аскар-хана. Здесь у колодца нас ждет караван. Чемоданы складываем на гади, сами садимся на верблюдов. Для проводника предназначена лошадь.

Уже через полчаса пути нас окружают дюны и барханы. Дороги нет.

Тропинку, проторенную вчера караванами, занесло за ночь песком.

Жара неимоверная. Путь по пустыне длится более пяти часов. Но вот верблюды убыстряют шаг, а когда вдалеке появляются деревья — переходят на легкий бег и уже не останавливаются до самого арыка, где всегда устраивается привал. За арыком начинаются приамударьинские тугаи, или джангали, как называют эти заросли афганцы. Дорогу обступают невысокие тополя, тамарикс, еще какие-то деревья и кустарники, камыш. Проводник рассказывает, что в джангалих много диких кабанов, зайцев, лисиц, камышовых котов, а выше по реке можно встретить и тигра.

Дорога выходит к селению Патта-Гиссар. Оно обнесено высокой земляной дамбой, предохраняющей дома и поля от весенних разливов Аму-Дарьи. Огромные чинары и карагачи, тополя и акации затеняют улицы. Патта-Гиссар — единственный населенный пункт из виденных нами в Афганистане, где жители заботятся не о том, как и откуда достать воду, а о спасении полей и домов от затопления.

Путешествие подходит к концу. Отчетливо вырисовывается возвышенный противоположный берег Аму-Дарьи. Затем показывается и сама река. Мы садимся в катер и направляемся к советскому берегу.

ПО ЦЕЙЛОНУ

Удары волн о борт парохода постепенно стали стихать. Мы входили в гавань Коломбо.

Вдали, на берегу, показались серые ряды пакгаузов и других складских помещений, среди которых белым пятном выделялось здание морского вокзала. Направо от него раскинулся большой город.

В гавани и у причалов стояло не менее трех десятков кораблей под флагами разных стран мира. Тут были огромные океанские лайнеры, перевозящие богатых туристов, черные, с закопченными трубами грузо-

Ю. НАДЕЖДИН

вые суда, глубоко сидящие в воде, приземистые танкеры. По водной глади сновали рыбацьи лодки с треугольными парусами, суетились катмараны — маленькие лодки с деревянными поплавками со стороны каждого борта, придающими большую устойчивость. На них местные жители перевозят грузы, а также ловят рыбу.

Такая оживленность в гавани вполне понятна. Коломбо является не

только главным торговым центром Цейлона, но и одним из важнейших портов на морских путях из Европы и Африки на Дальний Восток.

Через порт Коломбо проходит почти вся внешняя торговля страны; отсюда уходят суда, груженные ароматным чаем, каучуком, копррой и кокосовым маслом, бобами какао, корицей, перцем...

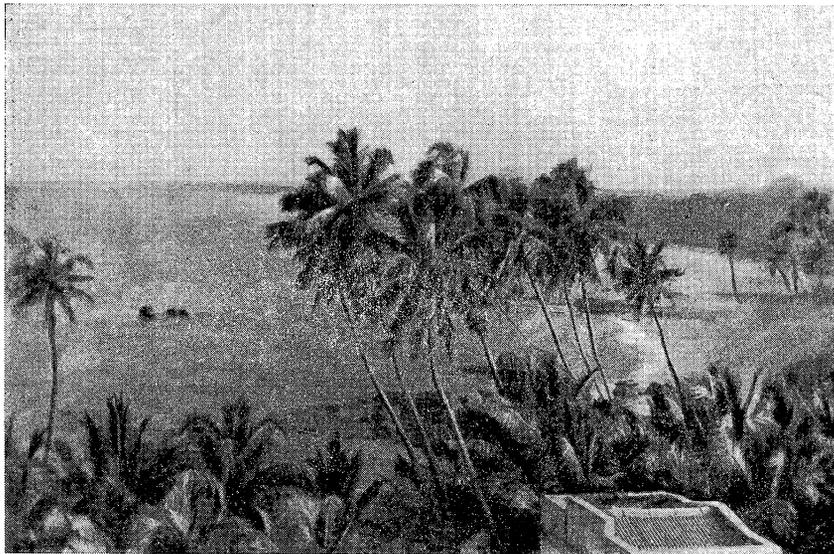
Пароход медленно продвигался среди множества лодок, с которых на различных языках нам предлагали купить ананасы, бананы, кокосовые орехи, различные безделушки из слоновой кости, эбенового и красного дерева. Наконец судно подошло к причалу. Мы в Коломбо — столице Цейлона с 350-тысячным населением.

Цейлон отделен от юго-восточной части Индии узким проливом. С севера на юг остров тянется на 434 километра, максимальная ширина — 224 километра. Его площадь примерно равна территории Голландии и Бельгии, вместе взятых. Население составляет около 8 миллионов человек. Это главным образом сингалезы — коренное население острова. Много тамилы — выходцев из Южной Индии, давно переселившихся на Цейлон.

Большую часть острова занимает низменная равнина. Только в его южной половине поднимается невысокий горный массив с крутыми склонами. Наивысшая точка острова, гора Педроталагала (2 524 метра), имеет куполообразную форму и почти до самой вершины покрыта лесом.

Климат на Цейлоне тропический. Даже в горных районах температура не опускается ниже 10—15 градусов, а на побережье обычно держится около 25—35 градусов тепла. Температура воздуха имеет незначительные суточные и годовые колебания, поэтому на острове нет обычных для средних широт времен года — здесь вечное лето. Воздух всегда влажный, и часто бывают сильные грозы с большими ливнями. Наибольшее количество осадков приходится на май и октябрь.

Продолжительность дня и ночи на острове в течение года меняется очень незначительно. Восходит солнце здесь между 5 и 6 часами утра, а заходит от 7 до 8 часов вечера. В Коломбо, например, самый длин-

Вверху — вид на побережье Индийского океана на окраине Коломбо; внизу — улица в южной части города.

Вверху — шоссе, ведущее от Коломбо на аэродром; внизу — Петтах — район бедноты в Коломбо.

ный день — 22 июня — больше самого короткого — 22 декабря — всего лишь на 48 минут.

Плодородная почва, регулярные осадки и жаркое солнце создают благоприятные условия для развития пышной растительности.

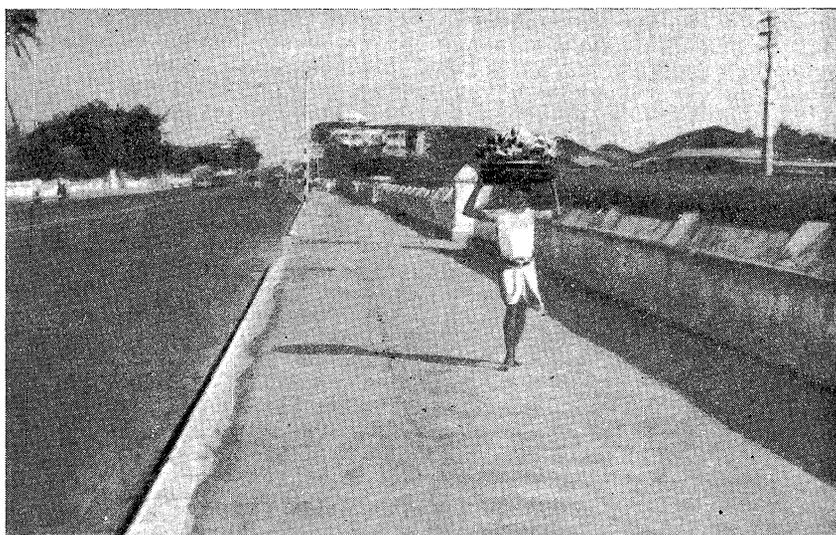
Раньше джунгли покрывали почти весь остров. Теперь ценные породы леса, такие, как тик, эбеновое, красное и железное дерево, хищнически вырубаются и вывозятся в другие страны. Участки земли, отвоеванные у джунглей, заняты плантациями чая, каучука, кокосовой пальмы, на полях выращивают рис.

С давних времен Цейлон славился пряностями: корицей, гвоздикой, ванилью, перцем, мускатным орехом и другими. Как рассказал на пароходе наш попутчик — преподаватель английского языка в цейлонском университете, молодой сингалец Де-Сильва, — огромные богатства корицы на Цейлоне явились одной из причин, приведших к завоеванию острова европейцами.

Впервые эти богатства обнаружил в первой половине XIV века арабский мореплаватель танжерец Ибн-Баттута во время своего 28-летнего странствования по морям, омывающим Азию. В те времена пища европейцев была крайне однообразной и состояла преимущественно из мяса, а зимой из солонины. Использование корицы, перца и других восточных пряностей значительно разнообразило пищу. Вот почему эти пряности в средние века в Европе и получили большой спрос. Основным мировым поставщиком корицы вплоть до конца XIX века был Цейлон. Это нашло свое отражение в законодательстве острова: по законам того времени каждому, кто осмелится повредить коричное дерево, грозила смертная казнь. Распространявшие семена дикой корицы вороны были объявлены неприкосновенной священной птицей.

Исключительно выгодное положение Цейлона на морских путях в страны Азии также привлекало сюда португальских, голландских и английских завоевателей. В начале XVI века здесь первыми высадились португальцы. Начиная с этого времени, история Цейлона заполнена мрачными страницами колониального господства европейцев. Через полтора столетия на смену португальцам пришли голландцы, а с 1796 года здесь хозяйничали англичане. С февраля 1948 года Цейлон получил статус британского доминиона.

Многочисленные путешественники, посещавшие Цейлон в средние века, сравнивали этот богатый остров с раем и называли его «жемчужной Востока». Но раем он был лишь для чужеземных захватчиков. Коренное население беспощадно истребля-

лось, их города и селения уничтожались. Теперь только по развалинам селений сингалезов можно проследить древнюю культуру этого народа.

КОЛОМБО

Столица Цейлона Коломбо протянулась неширокой полосой вдоль берега Индийского океана почти на 15 километров. Подковообразное озеро делит ее на две части: северную и южную. Северная часть состоит из двух районов: Форт и Петтах.

В какую бы сторону путешественник ни направился в городе, повсюду его взору открывается озеро. Вдоль берега разбросаны виллы и коттеджи, скрытые в зелени пальм и бамбуковых зарослей. Воздух чист и прозрачен. Промышленности в городе нет, дома не нуждаются в отоплении, и поэтому единственным источником дыма являются суда, стоящие в гавани.

Выйдя из морского вокзала, путешественник сразу попадает в Форт—

административный и торговый центр Коломбо. Раньше здесь стояла крепость, построенная португальцами в начале XVI века. Это европейский город. В нем проживает более 10 тысяч иностранцев, в основном англичан. Названия площадей и улиц чаще английские, реже португальские и голландского происхождения.

На чистых улицах, прижавшись друг к другу, стоят белые каменные двух-трехэтажные здания, в которых помещаются конторы и магазины, филиалы торговых компаний и банков, правительственные учреждения, гостиницы, кино.

На Куинз-стрит среди зелени парка расположена резиденция английского генерал-губернатора. На другой стороне улицы находится занимающее целый квартал двухэтажное здание, напоминающее торговые ряды. В этом доме размещены различные учреждения и канцелярия премьер-министра. Соседний квартал занимает здание центральной почты и телеграфа.

Ближе к озеру, там, где Куинз-стрит переходит в широкую, идущую через весь город вдоль берега океана длинную улицу — Гейл-роуд, высится здание парламента.

Каменная лестница ведет к портику, над которым развевается цейлонский флаг — красное полотнище с белым львом, держащим меч.

Если в центре города — Форте — сравнительно немного зелени и весь он застроен каменными коробками зданий, то к югу от него картина резко меняется.

они желтые, у других — белые, розовые, голубые.

В этой же части города, в центре парка «Виктория», расположен национальный музей, существующий около 80 лет. В белом двухэтажном здании, окруженном галереей, собраны различные предметы, характеризующие историю, животный мир и кустарные промыслы Цейлона.

В музее имеется стенд со старинным оружием. Им пользовались сингалезы в войнах, которые велись на Ланки (сингалезское название Цей-

В отделе кустарной промышленности на длинных столах и в застекленных шкафах расставлена гончарная посуда: горшки и миски различных размеров, большие кувшины с длинным тонким горлышком и двумя круглыми ручками. Здесь же — сделанные из красного и эбенового дерева шкатулки, различные полочки, пепельницы, подставки для ламп... Все эти предметы украшены богатым орнаментом.

Целый шкаф занят изделиями из слоновой кости. Это фигурки пантер, быков, слонов, будд, танцовщиц, монахов и другие.

В отдельном зале собраны скелеты и чучела различных животных острова. Здесь стоят громадный скелет слона, чучела обезьян и единственного хищника цейлонских джунглей — пантеры. По стенам развешаны шкуры кобр и питонов.

К северо-западу от Форте расположены трущобы Коломбо — район Петтах. По узким, без тротуаров, улицам снуют сингалезы, тамилы, китайцы, индийцы, малайцы, афганцы. Рикши, двухколесные арбы, крытые пальмовыми листьями и запряженные буйволами, старые автомобили пробираются между рядами жалких лачуг и лавок.

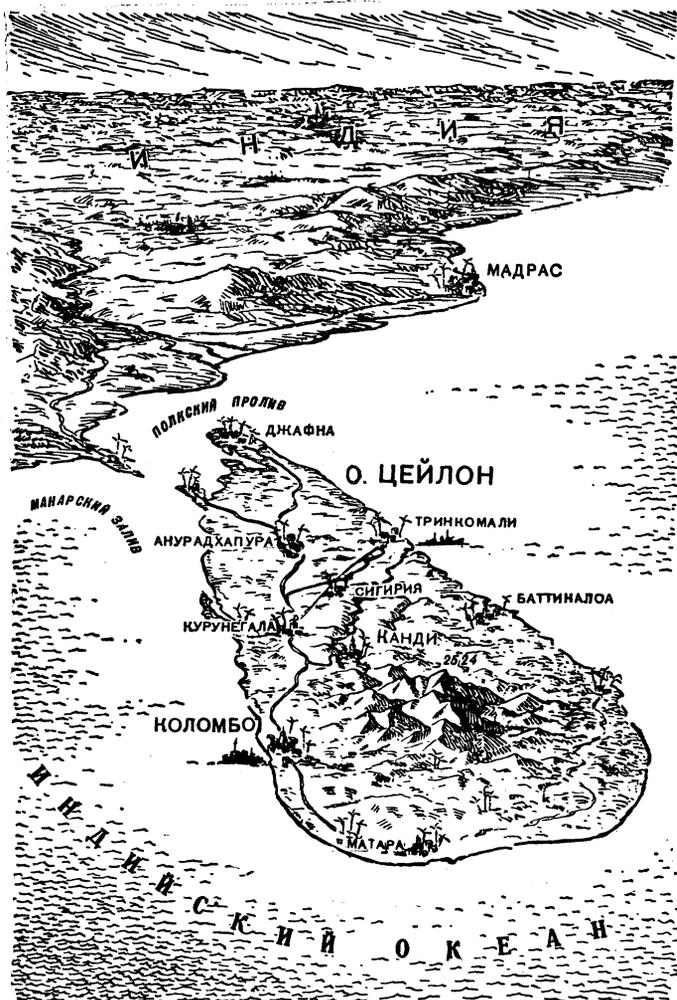
С утра до захода солнца раздаются в Петтахе крики продавцов, зазывающих покупателей, грохот арб, хриплые гудки автомобилей. Над Петтахом, как облако, висит чад, идущий от уличных жаровен. Воздух наполнен зловонием гниющей рыбы, фруктов, овощей и нечистот. В период дождей здесь стоит непролазная грязь.

В Петтахе, в низеньких, без окон и дверей, бамбуковых или глинобитных хижинах, крытых пальмовыми листьями, живут бедные ремесленники, мелкие торговцы, лоточники, парикмахеры, прислуга гостиниц и ресторанов. Европейцев здесь нет. Изредка тут можно встретить лишь туристов, пришедших посмотреть на «экзотику Востока».

Одежда местных жителей имеет необычный для чужестранца вид. Мужчины носят хлопчатобумажные рубашки, а вместо брюк обматываются до самых щиколоток куском ткани, обычно белого цвета, с продольной черной полосой. Женщины носят разноцветные сари. Сари — это узкий кусок материи длиной около пяти метров, в который женщины искусно драпируются от шеи до пят. Мужчины и женщины, как правило, не носят обуви. У большинства пожилых мужчин длинные волосы, собранные на затылке в пучок и заколотые широким подковообразным черепаховым гребнем.

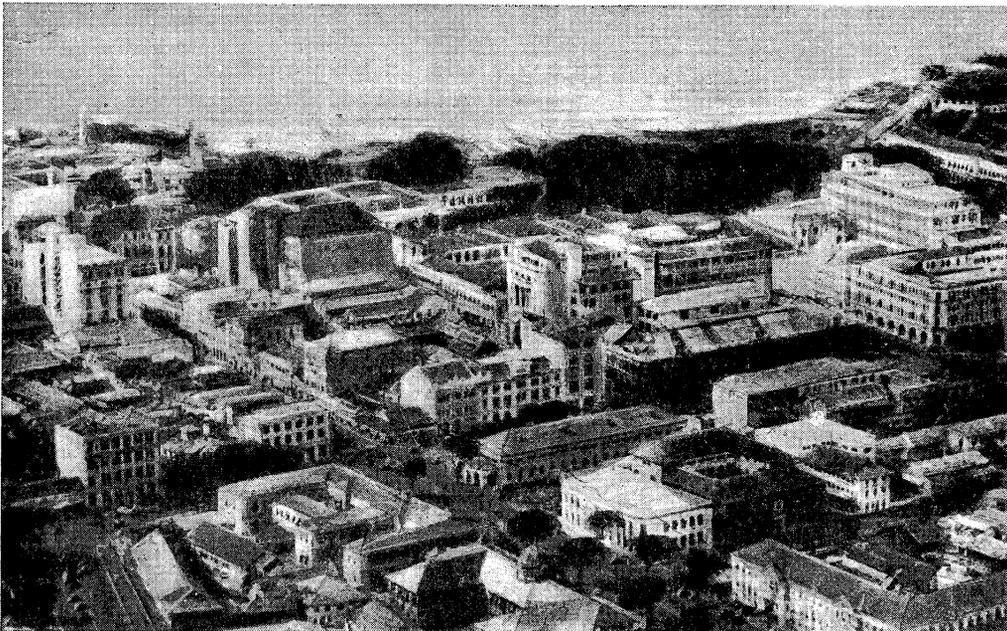
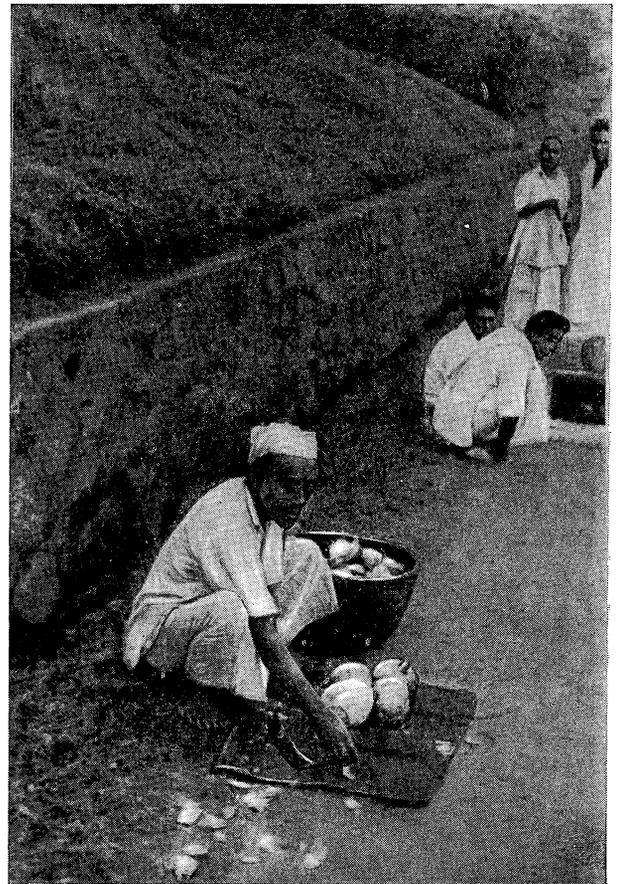
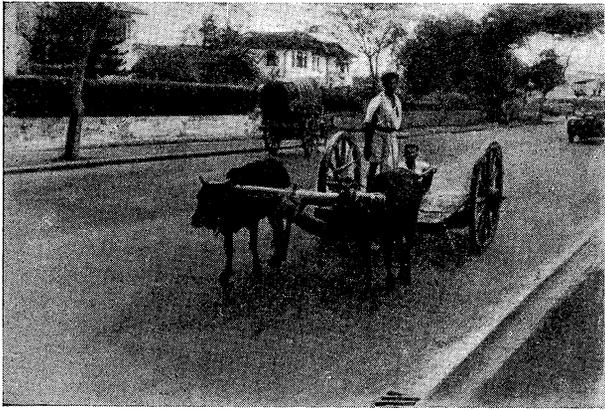
Среди пестрой толпы резко выделяются черные зонты и яркочелтые сари буддийских монахов. Большинство мужчин и все монахи носят большие черные зонты, которые защищают их от палящих лучей тропического солнца и от дождя.

...Мы остановились в гостинице «Маунт Лавиния», расположенной на южной окраине города, у берега

Вдоль прямых широких улиц, обсаженных пальмами, магнолиями и «дождевыми деревьями», тянутся виллы и особняки. «Дождевым» дерево названо потому, что его листья с заходом солнца сворачиваются в виде мешочков, в которых собирается влага. С рассветом листья расправляются и обдают водой неосторожных прохожих. Виллы и особняки стоят далеко друг от друга. Здесь живут главным образом англичане и местные богачи. В окружающих особняки парках множество «деревьев храма» — высоких лиственных деревьев, усыпанных довольно крупными соцветиями, причем окраска их различна. У одних деревьев

лона) в далеком прошлом. С этим оружием в руках выступал свободолюбивый народ Ланки и против иностранных захватчиков. Здесь выставлены потемневшие от времени широкие мечи с рисунком, выгравированным вдоль всего клинка от самой рукоятки; копья с железными наконечниками; луки, сделанные из пальмового дерева, стрелы, выточенные из эбенового дерева, с заостренными и зубренными железными наконечниками. Рядом стоят старинные кремневые ружья европейского производства, напоминающие о кровопролитных сражениях у города Канди между сингалезами и англичанами.

В Коломбо рядом с автомобилем можно встретить высокую, крытую пальмовыми листьями арбу и запряженную быками низкую двухколесную тележку для перевозки грузов (вверху слева); на улицах Коломбо ведется оживленная торговля фруктами (в центре слева); уличный продавец кокосовых орехов (вверху справа); центральная часть Коломбо (внизу).

океана. Шум прибоя доносился в открытое окно комнаты.

Солнце медленно клонилось к горизонту. Когда его огненный диск коснулся воды, океан заискрился красным светом. Вначале мы думали, что причиной этого было заходящее солнце. Однако яркочерный

цвет распространился почти по всей поверхности океана. Позднее мы узнали, что такой необычный цвет воды объясняется скоплением в ней миллиардов инфузорий.

С заходом солнца тысячи воронов, собравшихся на ветках деревьев во-круг гостиницы, стали оглашать

окрестности громким карканьем, заглушая мерный шум волн.

УНИВЕРСАЛЬНАЯ ПАЛЬМА

На следующий день мы выехали из Коломбо в город Канди, расположенный в центральной части ост-

Вверху — южная окраина Коломбо. Здание гостиницы «Маунт Лавиния» на берегу Индийского океана; внизу — кокосовая роща.

рова. Небольшие сингалезские деревни начинаются сразу же после того, как переедешь на другой берег Келани Ганга — одной из больших рек Цейлона, берущей начало в горах, в глубине острова. Река здесь особенно широка. Маленькие катеры, узконосые рыбацкие лодки с длинными веслами снуют вверх и вниз по течению. Из джунглей идут большие плоты тика, красного, эбенового деревьев. Над берегом склонили свои пышные кроны пальмы.

Трудно себе представить Цейлон без пальм. Они всюду, куда бы вы ни поехали. Много здесь веерных пальм, ветви которых напоминают опахала, но больше всего кокосовых.

Наш шофер, сингалез, указывая на группу пальм, склонившихся у шоссе, произнес:

— У нас говорят, что человек никогда не видел кокосовой пальмы, растущей прямо.

И действительно, как бы прямо и

стройна кокосовая пальма ни была, ее ствол почти всегда наклонен.

Под кокосовыми пальмами на Цейлоне занято около миллиона акров земли, почти столько же, сколько под посевами риса. Пальму культивируют на плантациях, покрывающих центральную и юго-западную части острова.

Кокосовая пальма, достигающая в высоту 30 метров, хорошо растет на песчаной почве и требует значительного количества влаги. Вот почему она прививается у берегов моря и рек. В горах, на высоте более 500 метров, это дерево почти не встречается.

Пальма дает орехи, которые созревают на Цейлоне каждые два месяца.

Внешне кокосовый орех не похож на орех в нашем представлении. Это продолговатый плод, достигающий 30 сантиметров в длину и 20 в ширину, весом до 8 килограммов. Спелый орех — красновато-оранжевого цве-

та. Его прочная скорлупа покрыта твердой волокнистой оболочкой; из нее делают веревки, щетки, маты. Для того чтобы легче отделить эту волокнистую массу, орехи предварительно зарывают в прибрежный песок или бросают в болотную воду и держат там до тех пор, пока волокно не начнет разбухать. После этого женщины, которые обычно выполняют эту работу, отдирают волокно от ореха.

В незрелых плодах содержится сладковатая жидкость, похожая на молоко; она отделена от скорлупы мягким белым слоем. Кокосовое молоко используется как охлаждающий напиток, своеобразный цейлонский квас.

Внутренняя мякоть также находит себе применение. Орех раскалывают, белую массу отделяют от скорлупы и сушат. Душистая и сладковатая на вкус, она используется для приготовления конфет, печенья, тортов и многих других кондитерских изделий.

Ядро вполне созревшего ореха белое и твердое. В высушенном виде оно дает ценную копру, из которой добывают кокосовое масло. Это масло идет для изготовления мыла и свечей, входит в состав различных парфюмерных изделий, а в очищенном виде употребляется в пищу.

Выжимают кокосовое масло обычно гидравлическими прессами на специальных фабриках, разбросанных в разных частях острова. В деревнях пользуются деревянным прессом. К винту его приделаны дышла, в которые запрягается пара быков. Огромный винт, поскрипывая, медленно опускается в деревянную ступу, выдолбленную в пне. Из отверстия, сделанного внизу ступы, беловатого цвета масло стекает по деревянному лотку в глиняный сосуд.

Масса, оставшаяся после выжимки, идет для откорма скота или на удобрение почвы.

Из скорлупы ореха местные кустики изготавливают кувшины, миски, чашки и другую утварь, которую покрывают разноцветным лаком или украшают тонким замысловатым узором.

Используются не только кокосовые орехи. Крестьяне-сингалезы срезают соцветия пальм и собирают вытекающий из срезов сок в горшки. Оставленный на некоторое время на воздухе сок начинает бродить, получается алкогольный напиток — тодди. Если тодди хранить в плотно закупоренном сосуде, то через полгода он превращается в уксус. Местное население получает из сока, выпаривая из него воду, сладкую массу, которая заменяет сахар.

Крупные, достигающие шести метров в длину перистые листья пальмы употребляются для покрытия хижин, изготовления циновок. Древесина кокосовой пальмы служит хорошим строительным материалом.

Круглый год на железнодорожных станциях и у бензозаправочных колонок вдоль шоссе продают кокосовые орехи. Обычно этим занимаются подростки. Они тут же при вас небольшим топориком ловко обрубают верхушку ореха, внутри которого около полулитра сладковатой жидкости.

Не легко забраться на кокосовую пальму, чтобы снять орехи. Гладкий тонкий ствол лишен сучьев, и человеку не за что ухватиться. Сборщики орехов используют для лазания толстую веревку в виде огромной петли, одна сторона которой проходит подмышками у сборщика, а другая огибает ствол пальмы. Упираясь ногами в ствол, сборщик идет по нему, ловко перебрасывая веревку все выше и выше.

Иногда крестьяне используют для сбора орехов прирученных обезьян. К шее животного привязывается веревка, за которую ее держит внизу хозяин. Обезьяна хватается лапой орех и, если хозяин не дергает, срывает его и бросает вниз. Иногда между хозяином и обезьяной происходит «спор». Хозяину снизу кажется, что указанный им орех уже поспел и его надо сорвать, но обезьяна обнаруживает, что он не спелый, и не рвет...

В СИНГАЛЕЗСКОЙ ДЕРЕВНЕ

Путь в Канди проходит по самой густонаселенной части Цейлона. Однако селения встречаются редко — они отстоят от дороги и находятся в чаще джунглей.

Свернув немного в сторону от шоссе, мы вскоре очутились в одной из сингалезских деревушек. Вокруг небольшого болота, местами покрытого зарослями тростника, на узкой полоске земли, отвоеванной у джунглей, стояло около трех десятков хижин, как две капли воды похожих одна на другую. Домишки, огражденные четырехугольными бамбуковыми заборами, стояли в один ряд. Высокие двускатные крыши устланы толстым слоем листьев кокосовой пальмы. Края крыши свисали над стенами, скрывая их почти наполювину.

Безлюдно было в деревне. Стояла страдная пора — уборка урожая. Все жители трудились на своих клочках земли. Их голоса слабо доносились сквозь лесную чащу, отделявшую деревню от небольшой поляны, на которой разбиты рисовые поля.

Ослепительно сияет солнце, отражаясь в воде болота. Влажный воздух, напоенный ароматом трав и

цветов, неподвижен. Ни одна ветка, ни один лист не шелухнут.

Тишину нарушал лишь прерывистый крик дикого белого петуха в джунглях, похожий на крик его домашнего собрата.

Стайка обезьян, увидев машину, перебежала с соседних деревьев поближе к нам. Как правило, обезьяны живут недалеко от селений. Жители, которым буддийская религия запрещает убивать животных, не трогают их.

Нам часто приходилось читать в книгах, изданных для туристов, описания цейлонских деревень и любоваться фотографиями хижин, богатой природой, осыпающей жителей всеми благами.

Однако действительное положение цейлонских крестьян никак не соответствовало этим описаниям.

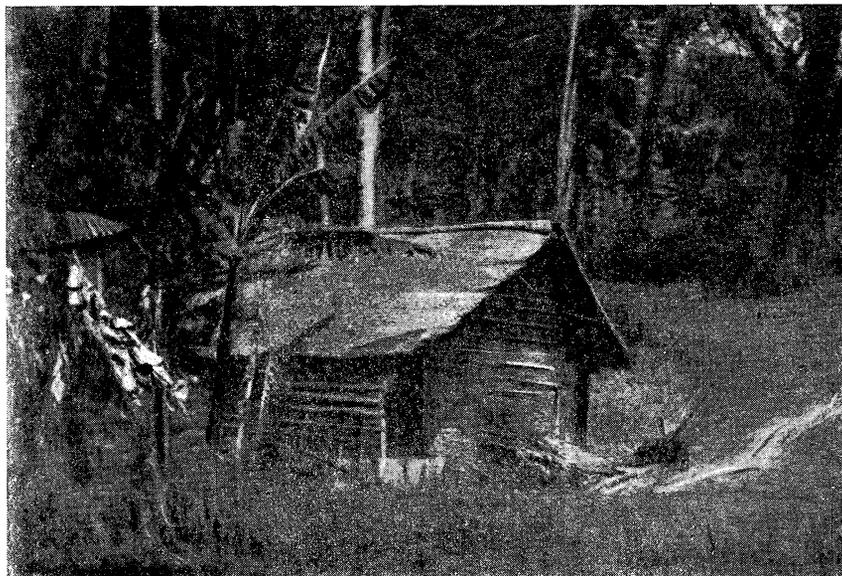
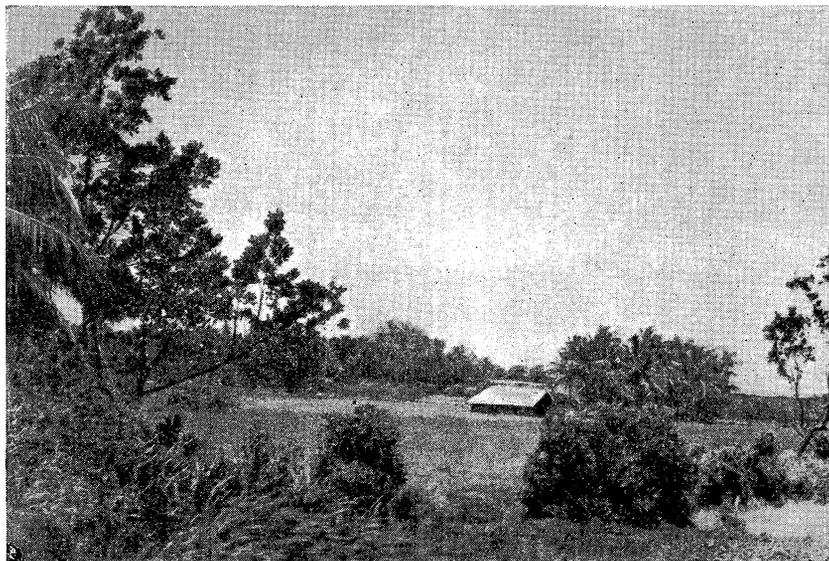
Возвращавшийся с рисового поля худой, иссохший старик рассказал нам, что на землях крестьян его де-

ревни англичане разбили каучуковую плантацию. Большинство жителей вот уже в течение нескольких поколений трудится на крошечных участках.

Старик пригласил нас в свою хижину. Свет проникал в нее через два небольших квадратных отверстия, пробитых в глинобитной стене. Вместо двери висела потрепанная циновка из рисовой соломы. Глиняный пол немного возвышался над землей, чтобы его не залила вода во время дождя.

Никакой мебели не было. Несколько глиняных сосудов и заржавленных банок из-под консервов, чашки из скорлупы кокосового ореха стояли в углу на пне. Рядом лежала груда циновок, которые заменяют многочисленной семье постель.

Позади хижины из бамбука сделан небольшой загон для скота. Он был пуст. Буйволы работали на поле, и лишь телята бродили по деревне, лениво отмахиваясь от мух.

В окрестностях Коломбо (вверху);
одинокое крестьянское бунгало в джунглях (внизу).

На узкой тропе, прорубленной сквозь лесную чащу от деревни к рисовым полям, показалось несколько мужчин и женщин. Темнокожие, стройные мужчины, чуть выше среднего роста, не имели ничего на теле, кроме набедренных повязок — обычная одежда крестьян в жаркую пору. Женщины, несмотря на жару, были одеты в белые сари. Длинные волосы мужчин были завязаны на затылке в тугой пучок. Это два сына старика и их жены пришли на обед.

Женщины развели огонь в небольшом очаге в углу ограды и принялись стряпать.

Через несколько минут обед был готов. Он состоял из вареного риса, политого обжигающим рот соусом —

кари. Женщины подали рис на банановых листьях, а сами удалились в хижину. Сидя на земле, мужчины молча ели, беря рис руками. Обычно женщины и дети едят вместе с мужчинами. Однако, если присутствует посторонний или гость, женщины, накормив гостя и мужчин, удаляются и обедают вместе с детьми где-нибудь в дальнем углу двора, у изгороди, или в хижине.

Рано начинается рабочий день в сингалезской деревне. Для посева риса, а его сеют и собирают на Цейлоне два-три раза в год, землю необходимо хорошо подготовить. Прежде всего надо вспахать затвердевшее поле. Пахота производится деревянной сохой, в которую впряжена пара буйволов. Медленно плетутся животные, волоча прыгающую на кочках соху. Налегая на соху грудью и держа в руках длинную бамбуковую палку, погонщик криками подбадривает буйволов.

После такой вспашки крестьяне

приводят в порядок земляные валы по краям участков, сделанные для удержания воды. Затем поле заливают водой из болота или реки и на него загоняют буйволов, которые перемешивают грязь до тех пор, пока не получится однородная масса. Когда поле готово, на него высевают проросшие зерна риса. Прорастивают рис на соломенных цыновках, время от времени увлажняя его. После сева поле снова заливают водой.

Для выращивания риса требуется много воды. Вот почему сингалезские деревушки расположены обычно вблизи болот, озер или рек. Водоёмы устраиваются также в горах. Здесь собирают дождевую воду, которую направляют на поля, расположенные террасами на склонах холмов.

Урожай риса на Цейлоне крайне низкий. Сказываются истощение почвы, отсутствие удобрений, плохая обработка земли. Посевы зачастую гибнут от недостатка влаги или от различных сельскохозяйственных вредителей. Нередко поля вытаптывают дикие слоны и буйволы

— Пять лет назад, — рассказал старый крестьянин, — в нашу деревню забрел дикий слон. Это был слон, отбившийся от своего стада. Чужое животное не может примкнуть к другому стаду — его не примут, и такой слон бродит одиноким. Это делает его особенно опасным. Придя в нашу деревню в лунную ночь, когда почти все жители были на празднике в соседней деревне, слон начал валить хижины, вырывать деревья, ломать пальмы, изгороди. Возвратившиеся к утру жители деревни нашли на месте своих хижин груды листьев и мусора, поваленные деревья, вытопанные посевы риса. Урон был так велик, что лишь в прошлом году мы смогли полностью восстановить разрушенную слоним деревню, — закончил свой рассказ старик.

Для неграмотного цейлонского крестьянина засуха, уничтожение посевов вредителями и дикими животными — лишь «месть злых духов». В каждой деревне имеются монахи и чародеи, так называемые ведераллы, к которым крестьянин обычно обращается за помощью и советом. Ведералла определяет время посева и сбора урожая, время полива риса и прочее. Он же предсказывает каждому жителю деревни «счастливые» и «несчастливые» для него дни. Крестьянин верит, что работу можно начинать только в «счастливые» дни...

Простившись с крестьянами, мы направились к машине. Недалеко от дороги одна из семей обмолачивала урожай риса. На небольшом пригорке, огражденном изгородью, пара буйволов ходила по снопам. Рядом лежало несколько небольших мешков, наполненных зернами вместе с полбовой. Это был весь урожай, собранный с участка, принадлежащего семье, — награда за тяжелый труд.

(Окончание следует)

Вверху — рыбаки на берегу Индийского океана в окрестностях Коломбо; внизу — дорога в Канди.

НА ОСТРОВАХ АРАЛЬСКОГО МОРЯ

Р. БЕРГ

Рис. В. Федяевой

С 1900 по 1902 год на Аральском море работала Аральская экспедиция Туркестанского отдела Русского географического общества.

Инициатором, организатором и единственным научным сотрудником этой экспедиции был будущий академик и президент Географического общества СССР Лев Семенович Берг.

Л. С. Берг прибыл в Среднюю Азию двадцатитрехлетним юношей, вскоре после окончания Московского университета. Молодой исследователь предложил Туркестанскому отделу Географического общества проект изучения Аральского моря. Проект был принят, и Л. С. Бергу поручили организацию самой экспедиции.

Результаты своих исследований по гидрологии, климатологии, геоморфологии, геологии и зоогеографии Арала Л. С. Берг подытожил в монографии «Аральское море», которая вышла в свет в 1908 году.

За собранные в 1900 году богатейшие зоологические, минералогические и геологические коллекции, гербарии, образцы воды и грунтов Московское общество любителей естествознания, антропологии и этнографии наградило Л. С. Берга золотой медалью.

Коллекции экспедиции были изучены крупнейшими специалистами того времени. Результаты обработки коллекций опубликованы в шестнадцати выпусках «Трудов Аральской экспедиции».

Благодаря Бергу Аральское море, о котором до того знали очень мало, стало одним из наиболее изученных водоемов мира.

Но значение Аральской экспедиции не исчерпывается монографическим описанием Аральского моря и его бассейна.

В конце XIX века в науке господствовало мнение, что климат Средней Азии усыхает: количество атмосферных осадков из года в год уменьшается, реки делают менее полноводными, площадь озер сокращается.

Основываясь на комплексном изучении Аральского моря, Л. С. Берг выдвинул на место теории усыхания теорию периодического колебания климата Средней Азии. Когда в 1899 году ученый приступил к работе, перед ним раскрылась грандиозная картина прибывания моря, охваченного кольцом пустынь. Вслед за кратковременным периодом усыхания, который совпал со второй половиной XIX века, в Средней Азии наступил период увлажнения климата.

Вода затопила острова в дельте Сыр-Дарьи, согнала людей с обжитых мест, проникла в русла пересохших рек. Многие полуострова, в том числе Куг-Арал, стали островами; на месте перешейков возникли проливы; там, где раньше приходилось бороться с сыпучими песками, вырос теперь камыш.

Главная цель организованной в следующем, 1900 году Аральской экспедиции и заключалась в выяснении размеров и причин прибывания моря. Летом 1900 года Берг приступил к изучению самого моря и его островов. Именно в этом году экспедиция собрала наибольшее количество сведений по гидрологии Аральского моря, по морфологии и

геологии его берегов, по метеорологии и климатологии.

Плавал Берг на рыбацкой парусной лодке, арендованной им у рыбака-уральца¹. Хозяин лодки Бабков, еще один уральский казак и трое казахов составляли команду маленького суденышка.

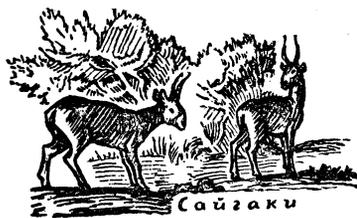
С ними Л. С. Берг обследовал весной 1900 года северные берега Аральского моря. Летом того же года он приступил к изучению самого моря и его островов.

ВАРСА-КЕЛЬМЕС

Пропахшая рыбой лодка подняла паруса, и попутный ветер понес ее к острову Варса-Кельмес.

¹ Уральцы — казаки, сосланные в 1874 году с реки Урал на Сыр-Дарью и Аму-Дарью.

Сайгаки

В устье Сыр-Дарьи вода светло-коричневая, вернее — цвета кофе с молоком. Дальше она становится зеленой и, наконец, посредине расстояния от берега до острова принимает великолепный синий цвет.

На Аральском море глаз невольно следит за этими изменениями тонов. Неизменно синее небо, ровные, сливающиеся с горизонтом берега утомляют зрение. Единственно, что разнообразит пейзаж, это цвет воды.

В тридцати километрах от берега сделали остановку. Первая гидрологическая станция в открытом мо-

Стрела-змея

Щитомордник

ре! Слова эти для исследователей морей полны волнующего смысла.

Гидрологическая станция — не просто остановка. В это время в возможно более короткий срок производят все наблюдения, входящие в программу исследований, заполняют журнал экспедиции, собирают образцы.

Количество гидрологических станций характеризует объем проделанной работы. Аральская экспедиция провела наблюдения на 66 гидрологических станциях.

Работа первой гидрологической станции — первой не только для Аральской экспедиции, но и для всей истории изучения Аральского моря — началась!

Измерили глубину, определили прозрачность и температуру воды у поверхности и у дна. Удельный

Стенной жаворонок

Ушастая круглоголовка

вес ее небольшой по сравнению с удельным весом воды открытых морей. Малый удельный вес воды указывал на малую соленость Арала.

Измерили также температуру воздуха, влажность, давление. Взяли образец ила. Закинули планктонную сеть. Верхние слои воды оказались безжизненными: живые существа спасались от палящего солнца в глубине. Опустив планктонную сетку почти до дна, Берг извлек множество мелких синих рачков-циклопов.

Взяли курс на остров Барса-Кельмес.

Страшное название Барса-Кельмес — «Пойдешь — не вернешься» — вовсе не предостережение отважному мореходу, как узнал Лев Семенович. Оно дано острову кочевниками-скотоводами. И вот почему.

Остров Барса-Кельмес невелик. Общая площадь его 133 квадратных километра. Глинистые, а местами песчано-глинистые пустыни острова поросли саксаулом, астрагалом, гвоздичником, джужженом. Астрагал — казахи зовут его герскен — сбрасывает листики с наступлением жары, но и его голые стебли, покрытые слоем зеленоватого воскового налета, служат хорошей пищей верблюдам. Низкорослый кустарник кормит их и зимой и летом. В поисках пастбищ казахи зимой по льду перегоняли сюда верблюдов.

Нередко случалось, что весенний ледоход начинался раньше, чем удавалось переправиться с острова. Тогда приходилось ждать следующей зимы, чтобы перегнать по льду животных.

На острове нет ни одного дерева, которое могло бы служить материалом для постройки лодки, и выбраться отсюда иначе, как по льду, невозможно. Так остров превращался в ловушку. Отсюда и пошло его название — Барса-Кельмес — «Пойдешь — не вернешься».

Но и для морехода не безопасна южная обрывистая сторона Барса-Кельмеса. Во время бури суда здесь нередко терпели аварии.

Восемьдесят пять километров, отделяющие остров от устья Сыр-Дарьи, экспедиция прошла без приключений.

Вечером 24 июня показался северный, плоский берег острова. Недалеко от воды паслось целое стадо сайгаков. Лодка подошла к берегу. Сайгаки стремглав бросились бежать, поднимая клубы пыли.

В те времена сайгаки являлись предметом промысла, их жир и молодые рога считались целебными. Перед Октябрьской революцией сайгаки на Барса-Кельмесе были почти полностью истреблены. Теперь здесь создан заповедник и на острове бродят тысячные стада не только сайгаков, но и джейранов, прежде тут вовсе не водившихся.

Высадились на берег. Остатки рыбачьих лодок, выброшенные на

отмель, мрачно разнообразили пустынный пейзаж, освещенный последними лучами заходящего солнца.

Берг застал на острове людей, тех, кто «пошел и не вернулся», — маленькое семейство казахов. Мать и двое сыновей оказались отрезанными здесь от всего мира. На острове паслось принадлежащее им стадо верблюдов.

На следующий день Лев Семенович отправился на сбор коллекций.

В восточной части Барса-Кельмеса обитает множество птиц: чаек, куликов, цапель. На песках и такырах в центре острова встречаются степные жаворонки. Можно видеть, как охотятся за сусликами серебристые чайки.

Северный берег острова представляет собой песчаную пустыню, поросшую джынгилом (тамариксом) и саксаулом. Берга поразило отсутствие птиц.

Здесь безраздельно царствуют рептилии. Поминутно встречаются стремительные, юркие ящерицы круглоголовки. Вот на ветке притаилась тоненькая змейка. Спасаясь от зноя, который нестерпим у самой поверхности земли, она взобралась сюда и караулит добычу. Стоит приблизиться ящерице, и змея, как стрела пролетев по воздуху, бросается на свою жертву. «Стрела-змея» — оджилан — зовут ее казахи. Встречается здесь и родич гремучей змеи — ядовитый щитомордник.

Саксаул населен великим множеством богомолов. Подстерегая добычу, насекомые-хищники хранят полную неподвижность. Формой и цветом они до неузнаваемости похожи на голые сучки саксаула.

Обследуя южные обрывистые берега острова, Лев Семенович нашел зубы ископаемой акулы. Эта находка с несомненностью доказывала, что на месте нынешнего Барса-Кельмеса в далеком прошлом шумели морские волны.

НЕСКОЛЬКО СТРАНИЦ ИЗ ИСТОРИИ ИССЛЕДОВАНИЯ АРАЛА

26 июня Берг и его спутники покинули Барса-Кельмес и при сильном северо-восточном ветре вышли в море. Гонимая попутным ветром лодка на всех парусах понеслась к острову Николая (теперь Возрождения).

Остров этот не виден с берегов Аральского моря, и до середины прошлого века никто не подозревал о его существовании.

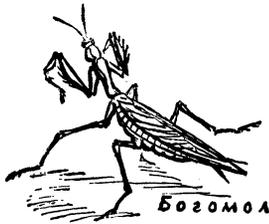
Алексей Иванович Бутаков, просвещенный моряк и исследователь, плавая в 1848—1849 годах по Аральскому морю, открыл в центральной части моря маленький архипелаг, состоящий из четырех островов. Самый большой из них — его назвали островом Николая — простирается на 25 километров в длину и на 16 километров

в ширину. У северных и южных берегов его есть прекрасные защищенные бухты, в которых и стояли суда Бутакова.

В экспедиции Бутакова принимал участие сосланный в эти края Тарас Григорьевич Шевченко, а также известный путешественник Макшеев.

В 1881 году трагические обстоятельства вынудили двух людей зимовать на острове Николая. Вот как это произошло.

Летом этого года богатый казалинский купец Кривожилин решил наладить торговлю с Хивой. У него было парусное судно, или кусовая, как назывались такие суда на Арале, которое поднимало 30 тонн груза. В середине июня Кривожилин отправился с пятью рабочими в Хиву, рассчитывая купить там хлеб. В кусовую погрузили большой запас пороха, провианта, одежду.

В Хиве хлеба купить не удалось. На обратном пути высадились на острове Николая и нагрузили кусовую известью.

Погода была тихая. Ждали попутного ветра.

В полночь поднялся северный ветер, вскоре превратившийся в бурю, якорный канат оборвало, и кусовая затонула у самого берега.

Людям удалось спастись. Уцелела маленькая подъездная лодка.

Шторм свирепствовал целую неделю. Когда ветер утих, принялись за разгрузку судна. Оказалось, что оно получило двенадцать пробоев. Материалов для починки не было, и путешественники надолго застряли на острове.

Провизия и порох промокли. Сухого пороха осталось всего на десять зарядов. Питаться невольным пленникам пришлось иляном, который в изобилии рос на острове: корни его горькие, но в печеном виде несколько напоминают картофель и годятся для употребления в пищу. Питались также рыбой, которую волны выносили на берег. Один раз убили лисицу и приготовили котлеты.

Так прошло почти два месяца. В конце сентября Кривожилин решил отправиться в обратный путь на уцелевшей маленькой лодке.

Из пятерых рабочих с Кривожилиным отправилось трое: уральский казак и двое казахов. 27 сентября пустились в опасное плавание. Дул западный ветер.

На рассвете следующего дня ветер подул с юго-востока. Разразилась буря. Два дня бросало по волнам крохотное судно, прежде чем путешественники увидели землю. Это был остров Толмачев, расположенный неподалеку от юго-восточного берега моря. На необитаемом клочке земли пищи раздобыть не удалось.

Измученные и голодные путники отправились дальше. Вечером того же дня достигли, наконец, берега.

Утром в подзорную трубу удалось разглядеть вдалеке трех пасущихся лошадей. Решили двигаться по направлению к ним. Но Кривожилин и двое казахов ослабели настолько, что идти им было не под силу. На розыски отправился один казак Федор Пузаткин. Вскоре он заметил человека и двух верблюдов. Это был казак Марнабай Дарьябаев; он подобрал и доставил в аул четырех полумертвых людей. Дарьябаев не только откормил пострадавших лепешками, айраном¹ и кониной, но и доставил их на своих верблюдах в Казалинск.

Сразу же по приезде Кривожилин обратился к туркестанской администрации с просьбой помочь ему спасти оставшихся на острове рабочих Егорову и Кротову, но получил решительный отказ. Тогда он свои-

ми силами снарядил небольшую двухпарусную лодку.

Кривожилин взял с собой материалы для починки затонувшего судна и съестные припасы на восемь месяцев. Пузаткин и казак Абдыкул согласились ехать с ним. Кривожилин нанял еще одного рабочего, Попова, и, не пробыв в Казалинске и двадцати дней, в конце октября тронулся в путь.

В открытом море смелых мореплавателей застала сильная вьюга, пошел снег, наступили морозы. Прошло три недели. Стало ясно, что достигнуть цели раньше весны будущего года все равно не удастся. Кривожилин решил высадиться на острове Барса-Кельмес и зимовать здесь.

Выстроили землянку, сложили печь, дверь завесили кошмами и прожили так пять месяцев. Охотились на сайгаков. Есть приходилось без соли: на острове соли нет, а своя подмокла и растаяла.

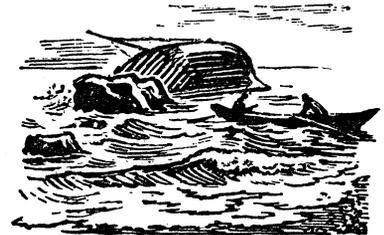
В середине апреля море очистилось ото льда, и невольные зимовщики пустились в путь. Дул попутный ветер, и лодка приближалась к острову Николая. Но тут ветер изменил направление. Волны с такой силой захлестывали лодку, что стать на якорь не было никакой возможности. Лодку отнесло к обрывам Устюрта. Здесь пытались бросить якорь, но он не доставал дна¹. Лодку несло к берегу. Бросило ее не на скалы, а на отмель, но все же она получила пробоину. Лодку разгрузили, вытащили на берег и исправили. На это ушла целая неделя, и только 25 апреля мореплаватели снова отправились к острову Николая. 27-го утром причалили к острову, но не с той стороны, где был лагерь.

Надеясь застать Егорова и Кротова в живых, Кривожилин послал к ним Абдыкула с запасом провизии. Абдыкулу дали одного из двух ослов, которых захватил с собой предприимчивый купец.

Посланный скоро вернулся. Помощь заподадал. Егоров лежал на постели мертвым. Около него нашли деревянную чашку, наполовину изгрызенную. Отставной солдат Кротов покоился в могиле.

Приступили к исправлению кусовой. Но все усилия были тщетны. Снять судно с мели оказалось четверым людям не под силу. 10 мая они отправились в обратный путь

¹ Близ западного берега Аральского моря находится область наибольших глубин.

¹ Айран — род кислого молока.

и благополучно прибыли в Казалинск.

Кривожилин не мог примириться с потерей кусовой, затонувшей у острова Николая. Он представил в редакцию ташкентской газеты «Туркестанские ведомости» подробное описание своих злоключений, жаловался на равнодушие чиновников, противопоставляя им самоотверженность Дарьябаева и снова просил о помощи. Но прошло более двадцати лет, прежде чем редакция напечатала рукопись Кривожилина. Она появилась в 1905 году под названием «Аральская одиссея».

Это был замечательный документ. Кривожилин не только описывает испытанные им бедствия, но сообщает некоторые ценные сведения об условиях плавания по Аральскому морю и о природе его островов. Кривожилин отмечает глубины моря, направления ветров, время ледостава и время вскрытия, очень точно описывает остров Барса-Кельмес. Об острове Николая пишет, что «...он изобилует волками, лисицей, дикими козами и известью и, кроме сего, имеет гористую местность, дикий камень разного цвета, мел, соль, селитру, разнотравие, большую часть камышей, саксаул, жингыл, воду пресную из колодцев. Птицы — гусь, утка разных пород. Лед в окружности острова не бывает. Рыба — сом, судак, сазан, усач, жерех и в особенности очень много шипа (красной рыбы)».

Когда в 1887 году Казалинск посетил А. М. Никольский¹, он узнал

¹ А. М. Никольский — зоолог, путешественник. В 1887 году Никольский обследовал рыбные промыслы Арала, Сыр-Дарьи и Аму-Дарьи.

здесь о путешествиях Кривожилина. В своем отчете Никольский описал трагические обстоятельства этих плаваний. Он сообщил также о том, что Кривожилину удалось в конце концов поднять затонувшее судно, но душевные силы отважного морехода были подорваны: он больше не выходил в море. О Кривожилине и его плаваниях на остров Возрождения упоминает Л. С. Берг в монографии «Аральское море».

Было известно также, что в 1897 году двое русских решили поселиться на острове. Оба погибли, и причина их гибели осталась невыясненной.

НА ОСТРОВЕ ВОЗРОЖДЕНИЯ

Лодка неслась по морю.

Великолепный синий цвет его радовал глаз. Белые гребешки волн еще резче подчеркивали глубокую синеву. О цвете воды Лев Семенович писал П. Г. Игнатову¹: «У берегов моря вода имеет зеленый цвет (VI и VII по шкале Фореля); судя по мелкости моря, я предполагал, что и в центре его будет то же. Однако оказалось противное: между Барса-Кельмесом и Николаем цвет оказался синим, именно IV по шкале Фореля, местами даже ближе к III, то-есть цвет тот же, что и Женевского озера... Красиво здесь море необыкновенно... синева воды положительно ослепляет глаза. Одним словом, так красиво, так красиво, что и описать не могу. Подобные картины вознаграждают за все».

В тот же день, 26 июня, когда был покинут Барса-Кельмес, путешественники, проведя в пути всего шесть часов, достигли архипелага. Вместо четырех островов, открытых Бутаковым, было два. Два других залила вода — от них остались только песчаные мели. В той самой бухте у северных берегов

¹ П. Г. Игнатов (1874—1902 гг.) — озеровед. В 1898 году совместно с Бергом исследовал соленые озера Западной Сибири.

острова Николая, где более полвека назад стояли суда Бутакова, теперь бросила якорь безыменная рыбацья лодка.

Бухта удивительно красива. Посреди нее лежит небольшой известняковый островок, усеянный гнездами птиц. Белые глыбы известняка на дне яркими пятнами просвечивают сквозь прозрачную толщу зеленой воды.

Одному из казахов, Джаксымбаю, превосходному стрелку, Берг поручил убить сайгака. Шкура предназначалась для пополнения зоологической коллекции. Лев Семенович просил не портить шкуру и постараться убить животное с первого выстрела.

Когда стемнело, Джаксымбай явился с торжествующим видом, неся за плечами сайгака. Это была самка, великолепный экземпляр, ее чучело могло бы послужить украшением московского музея. Но в каком виде была шкура!..

По мусульманскому обычаю, мясо убитого животного, если из него не выпущена кровь, считается нечистым и есть его нельзя. На берегах Аральского моря летом нелегко заставить мясной пищей, и охотник постарался не упустить случая. Он добросовестно перерезал сайгаку горло и выщедил кровь, совершенно забыв все наставления.

Вместо шкуры сайгака пришлось на этот раз ограничиться приобщением к коллекциям черепа животного¹.

На другой день Берг занялся исследованием острова.

Поверхность его представляет собой невысокое плоскогорье, покрытое скудной солончаковой растительностью: местами почва совсем обнажена, только прибрежная низменная полоса в 100—200 метров заросла саксаулом и джингылом.

В камышах, окаймляющих кое-где остров, гнездились гуси, утки, журавли.

На плоских песчаных островках, лежащих близ самого берега, высились гнезда пеликанов. Сами хозяева гнезд маячили вдаль, занятые ловом рыбы. Беспорывно таскали рыбу бакланы и чайки.

— Кызыл-аяк, — сказал Джаксымбаю, указывая на красноклювую птичку — это был кулик-сорока. Множество их бегало у воды по влажному песку.

¹ Случай этот Берг описал в статье «Сайгаки на острове Николая», напечатанной в журнале «Природа и охота» в 1905 году.

Выжженное солнцем плато тоже не было безжизненным. Следы на песке говорили о четвероногих обитателях пустыни. К морю вели тропы, протеренные сайгаками.

Грунтовые воды на острове залегают очень близко к поверхности, но выхода не имеют. Сайгаки спускаются на водопой к морю. Вечером с лодки было видно, как они осторожно пробираются к воде.

Тамариско

Берг с любопытством наблюдал, как у самого берега ужи охотятся за шемаей. Эта рыба не служила тогда на Арале предметом промысла. Огромные стаи ее заходили в северную бухту острова Николая.

В дело был пущен мелкоячеистый бредень. В несколько минут изловили штук тридцать шемаи. Она была тут же изжарена, и Лев Семенович без особого труда убедил своих спутников, что шемая не только съедобна, но представляет собой превосходное блюдо.

Пустынное плоскогорье изобиловало ящерицами, змеями, черепахами. Множество пауков и скорпионов населяло остров. На известняковых обрывах Берг наловил громадных фаланг.

Зоологические коллекции пополнялись быстро. Еще более повезло геологическим коллекциям.

«По части геологии, скажу вам, здесь просто клад, — писал Лев

Аральская колюшка

Аральская шемая

Семенович Игнатову. — На о. Николая — меловая система, множество белемнитов, морских ежей Gyronea и проч. Помните, с каким тщанием мы искали ископаемых на наших Денгизах и пр. — и ничего не находили. Здесь же их такая масса, что положительно глаза разбегаются. Я уходил с утра, целый день ничего не пил и не ел, лазил

по обрывам и только вечером возвращался домой... Набрал массу — целые пуды... Одним словом, по части геологии — одна прелесть».

Морские ежи, белемниты, ископаемые моллюски в строгом порядке наполняли ящики. Солнце палило, есть было почти нечего. Единственную пищу Льва Семеновича составляли чай и сухари, да и теми он настолько пренебрегал, что команда настойчиво напоминала о необходимости восстанавливать силы, но силы его не убывали. Каждый час приносил что-нибудь новое. Ради этой возможности заглянуть в тайны земных недр и водных глубин стоило терпеть все лишения.

На третий день экспедиция покинула северную бухту.

Направились вдоль берега к юго-восточной оконечности острова. Остановились у полуразрушенной землянки двух обитателей острова, поселившихся здесь в 1897 году. Сохранились и ямы от колодезцев. Ямы пришлось углубить. Вода была в них солоноватой.

(Окончание следует)

НАМ ПИШУТ

ОТ АЙКА

Работая в Аличурской долине, расположенной в восточной части Памира, я не раз замечал стайки уток красного цвета.

Эту птицу называют отайкой, красной уткой, огарем, турпаном. Окраска у нее яркорыжая с черными маховыми и рулевыми и белыми кроющими перьями хвоста.

Водится она на побережье Средиземного моря и в юго-западной Азии, а также в горных районах Средней Азии. Отайка неприхотлива и живет даже там, где другие пернатые являются редкостью. На восточном Памире особенно ее много в районе озер Кара-Куль, Ранг-Куль, Яшиль-Куль. Свои гнезда она обычно устраивает далеко от воды, в покинутых сурками норах или среди камней. Днем отайка укрывает своих птенцов в ямах, прикрывает их сухой травой, а сама улетает за несколько километров за кормом. Отайка ест все, что ей попадет: водяные растения, червей, насекомых и т. д.

Известно, что отайка очень привыкает к человеку. Она легко уживается с домашними утками, выполняя при этом роль сторожа, так как у дикой отайки лучше, чем у домашних уток, развит инстинкт самосохранения. Отайки очень выносливы, и их нередко используют для гибридизации, улучшая таким путем породу домашних уток.

Как-то раз, в конце июня, мы с помощником отправились на ближайшую старицу. Бесшумно подкравшись к воде, мы спрятались за бургом, поросшим чахлой травой, и стали наблюдать за утками. Отайки окунались, чистили клювы о перья или плавали, гордо подняв голову.

Стало заметно смеркаться, и мы, уже не соблюдая осторожности, поднялись на ноги. Стая уток взлетела на воздух и мгновенно скрылась из виду.

По дороге домой мы вдруг услышали какое-то тоненькое попискивание. Осторожно обшарив подушкообразные кусты терскена, мы извлекли из сурочьей норы трех птенцов, покрытых нежным пухом, и отнесли их домой.

Наутро птенцы вполне освоились с новой обстановкой. И хотя они еще неуверенно стояли на ножках, но уже деловито пили молоко и смешно клевали размоченные в молоке крошки.

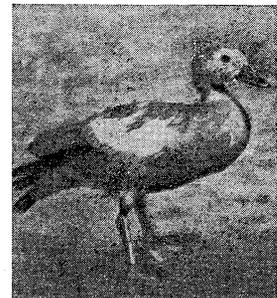
Птенцы быстро подрастали. Вскоре ящик, в который мы поместили птенцов, для них оказался маловат. Но так они находились редко, предпочитая расхаживать по всей комнате, садиться к нам на колени, взбираться на плечи.

Однажды мы решили проверить приязнанность наших питомцев к нам и выпустили утят. Переваливаясь с боку на бок, они направились к выходу. Очутьишись на свободе, отайки бросились бежать, а метров через двадцать неуклюже замахали крыльями и поднялись в воздух.

— Вот и улетели, — пожалели мы. В сумерках послышалось кряканье. Открыли дверь — и три отайки, переваливаясь с боку на бок, чинно проследовали в свой угол. С этого дня мы ежедневно выпускали отаек на прогулку.

Так жили у нас утки, пока осенью мы не отправили их с партией других памирских птиц в Московский зоологический парк.

О. ЧИСТОВСКИЙ

НЕОБЫЧНАЯ ОХОТА

3. КРЕНКЕЛЬ

Рис. В. Константинова

Очередной промер сделан. Еще целых полтора часа надо ждать...

Гидролог, повернувшись спиной к двери, подтянув колени, сладко сопит во сне.

Он отдыхает, а меня одолевают одновременно и зависть и дрема.

Спит человек на жестком топчане, под головой — свой собственный кулак. Ну, что тут завидного?

Он один проработал здесь более двенадцати часов подряд, а я недавно пришел на смену, чтобы дать ему возможность выспаться. Ну и пусть спит себе на здоровье! Не будем завидовать!

Благородные чувства взяли верх, черные мысли изгнаны, и я было настроился, кляня носом, восхищаться самим собой.

Неизвестно, чем кончилось бы это занятие, если бы не запахло паленым.

Присаживаться к раскаленному камельку не следует.

Слов нет — тесновато.

Вдоль стены — подобие столика из нестроганных досок, топчан с возлежащим на нем гидрологом и дальше в углу — поле нашей деятельности, проще говоря, прорубь во льду.

Над прорубью — лебедка для опускания гидрологических приборов.

Около столика — камелек и тут же дверь.

Описываемый случай произошел на одной из полярных станций весной 1936 года.

Этот храм науки был создан нами за несколько дней.

...Нас четверых осенью доставили на один из еще необжитых островов Арктики и, построив уютный дом, снабдив всем необходимым, оставили на зимовку.

Домик наш стоял в проливе на мысу, закатом с обеих сторон мощными льдами. Ширина пролива была около двадцати километров.

Скованный льдом, он казался безжизненным, но под зимней броней шла своя жизнь — жизнь моря.

Нам нужно было определить направление и скорость приливно-отливных течений, измерить температуру воды на различных глубинах, попытаться определить водообмен между двумя морями.

Малокислородный пролив, соединяющий два моря, представлял собой большой интерес и для ученых и для моряков.

Однако исследование пролива намечалось лишь в будущем году, и поэтому гидролога у нас не было.

Связаться с Москвой и доказать возможность исследовать пролив досрочно было делом несложным.

Нам обещали с наступлением светлого времени самолетом прислать специалиста. С помощью радио мы познакомились с далеким радио гидрологом и по его указанию приступили к подготовительным работам.

Вскоре прилетел сам гидролог.

В середине пролива на льду

был построен домик для наблюдателей.

Слово «домик» не совсем соответствовало этому строению. Если говорить об архитектурном стиле, то наше детище больше всего походило на обыкновенный ящик.

На собаках были перевезены доски, чегыре столба, гвозди и несколько кусков толя.

Закипело скоростное строительство. Мы не должны были ни с кем согласовывать свои планы, нам не докучали районные архитекторы, подземное хозяйство и красные линии нас также мало волновали, и поэтому, начав утром, к вечеру мы уже справляли новоселье.

Четыре вмороженных столба, каркас из досок, обшитый толем, создали отличные условия для круглогодичных гидрологических работ независимо от погоды.

Под потолком было нестерпимо жарко. Раскаленный докрасна камелек давал себя чувствовать.

Наверху были тропики, внизу — умеренный пояс, а под решетчатым полом — настоящий лед Арктики.

Этим климатическим поясам соответствовала и наша одежда; на ногах валенки, затем брюки и рубашка с закатанными рукавами.

Сидеть лучше всего было на опрокинутом ведре.

...Тишина и трубка с махоркой настраивали на мечтательный лад, а жара неодолимо клонила ко сну.

Свет керосиновой лампы едва освещал дальний угол, где в проруби, как бы дыша, медленно колыхалась вода.

Сказочным хрустальным колодцем уходила прорубь в таинственную непроглядную тьму.

Внезапно сон как рукой сняло — в проруби что-то шевельнулось...

Ну, что за ерунда! Конечно, померещилось! Лунная ночь, хоть газету читай. На фоне бархатного звездного неба безмолвно высятся горы со сползающими ледниками. Иногда начинает играть северное сияние. Наши товарищи безмятежно спят в десяти километрах от нас. Кто же решил подшутить и войти в нашу хибарку таким необычным путем?

Что это могло быть?

То ли знаменитый командир «Наутилуса» капитан Немо решил освежить свои увядшие лавры? Или графу Монте-Кристо оказалась не по вкусу средиземномор-

Этим закончились приготовления к охоте.

За неимением собаки пришлось стойку делать самому.

В неподвижном безмолвии прошло несколько минут...

Неужели померещилось?

В черной глубине мелькнула тень и затем медленно, как на фотографической пластинке, проявились две светлые точки. Вскоре точки превратились в два выпуклых глаза, в упор устремленных на меня. Вот обрисовалась и круглая, как шар, голова, и, наконец, я разглядел редкие топорщащиеся усы. Тюлень решил вынырнуть и подышать свежим воздухом, приняв свет керосиновой лампы за лучи солнца.

Охотничий азарт достиг апогея.

Только не двигаться! Не сдвигнуть! Единственными звуками были гулкие удары собственного сердца.

Тюлень не торопился навстречу своей незавидной участи.

поближе к камельку, который первыми же ударами хвоста был опрокинут. Такая же участь вскоре постигла и керосиновую лампу.

Наш домик-ящик наполнился паром от упавших на лед углей, смрадом несгоревшего угля и вонью разлитого керосина.

У меня хватало хлопот, и в то же время я не мог отказать в любезности ответить на вполне естественные вопросы моего товарища. Бедняга проснулся в обстановке, похожей на последние дни Помпеи: выстрел над самым ухом, пробуждение в кромешной тьме, грохот падающих вещей, звон разбитой лампы, пар, вонь, чад и какая-то непонятная возня.

Помочь мне было нелегко. Для этого требовалось, по крайней мере, спустить ноги на пол, а это единственное свободное место было ареной единоборства.

В темноте трудно было справиться с барахтающимся тюленем, тем более, что он был скользким и не за что было ухватиться и прижать его к полу.

Наконец удалось его утомонить. Охота закончилась.

Запасная свеча осветила картину побоища. Трудно было поверить, что при таком небольшом количестве вещей можно учинить этот потрясающий беспорядок. Тут был винегрет из опрокинутых ящиков, ведер, кастрюль, столика, топчана, камелька, лампы, разбросанной одежды, двух вспотевших, вымазанных кровью и жиром людей и одного убитого тюленя. Не хватало только револьвера. Он стал данью за необычную охоту: в суматохе его смахнули в прорубь.

Утром прикатили на собаках наши товарищи.

Хорошо, что доказательство было налицо, иначе меня заподозрили бы в родстве с бароном Мюнхгаузеном.

Результаты охоты все достойно оценили вечером за сковородкой с огромной тюленьей печенью.

ская обстановка, и он решил переинвалифицироваться на полярника? А может быть, это какой-нибудь зверь?

Третий вариант был наиболее вероятным. А раз так — в первую очередь нужна осторожность, чтобы не спугнуть его.

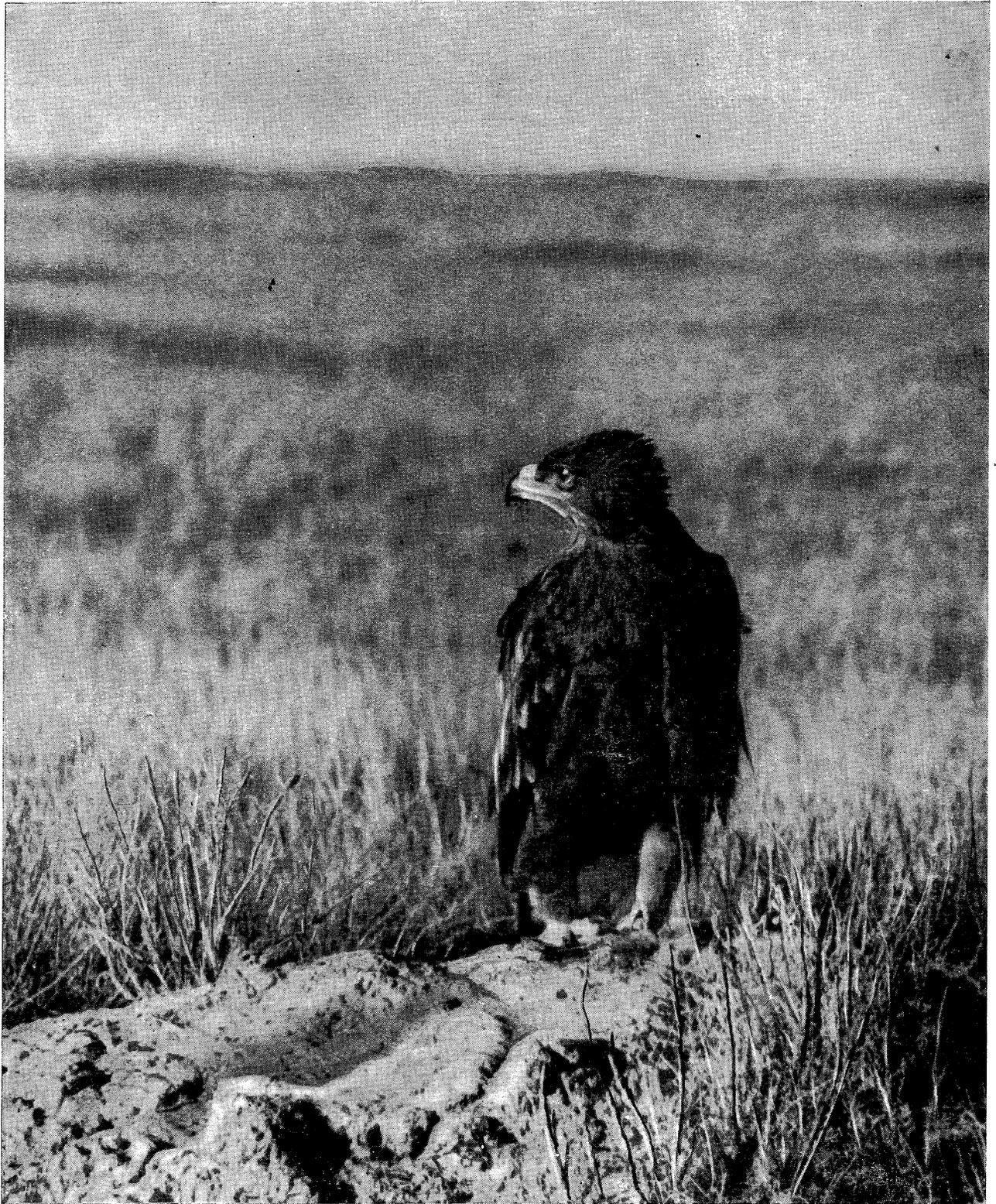
Не отрывая глаз от проруби, не вставая, надо было перевалиться на колени и при этом медленно, без резких движений взять со стола револьвер.

Наконец грохнул выстрел...

Вначале события разворачивались по плану: револьвер отлетел в сторону, сразу же удалось подхватить тюленя «подмышки» и с ходу, рывком вытащить из воды.

Далее началась внеплановая часть охоты. Зверь был смертельно ранен, но яростно бился из последних сил. Борьба происходила в узком проходе между топчаном и стенкой. Тюленя надо было отеснить подальше от проруби и

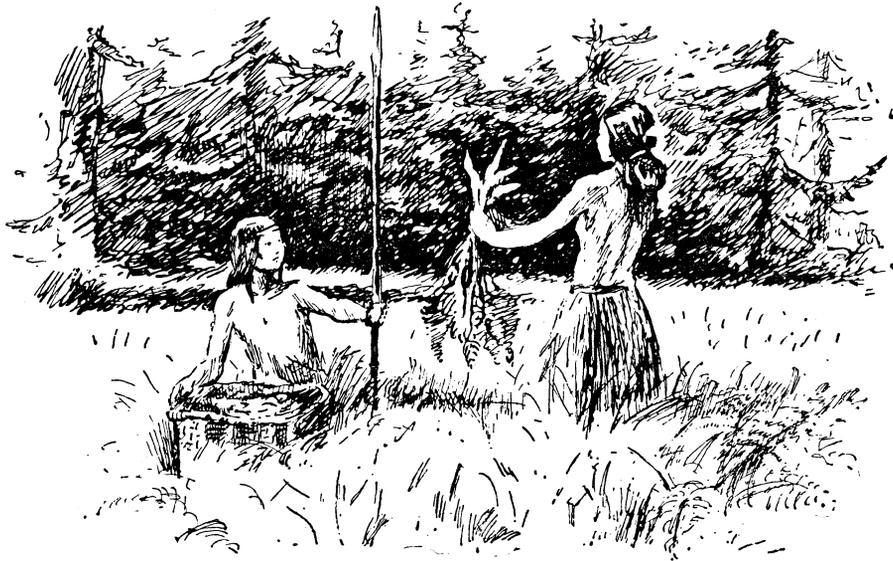

А. К. Оста
ФОТОАППАРАТОМ

Степной орел — обитатель ковыльно-полынных степей и полупустынь. От Дуная до северо-западного Китая можно встретить этого крупного хищника. Охотится он, паря в воздухе и бросаясь камнем на замеченную добычу или подстерегая сусликов, зайцев и мелких грызунов у их нор.

Фотографу Н. Немнонову удалось запечатлеть степного орла, подкарауливающего добычу на земле.

ИНДЕЙЦЫ

В. ТРЕНЕВ

Рис. В. Ванидина и С. Прусова

Недавно в издательстве «Молодая гвардия» вышла в свет книга Виталия Тренева «Русские моряки». Она содержит ряд рассказов, повестей и исторический очерк «Путь к океану». Многие из этих произведений уже хорошо известны советскому читателю и заслуженно пользуются популярностью.

В этот сборник писатель хотел включить и новую повесть, над которой работал в последнее время. В. Треневым был собран для нее обширный и малоизвестный

материал о жизни индейских племен, когда-то населявших северо-западное побережье американского материка, о русских и иностранных зверобоях, промышленниках в этом районе. Болезнь и смерть помешали писателю осуществить свой замысел. Но и то, что он успел написать, безусловно заслуживает внимания читателя.

Начиная с этого номера, мы публикуем повесть Виталия Тренева «Индейцы», подготовленную к печати Николаем Чуковским.

1. ПОСЛАНЦЫ

Теплое время года кончалось. В лесах, а особенно на полянах по берегам рек созрело много съедобных кореньев, и индейские женщины запасали их на зиму. Несколько индейнок, собирая коренья, бродили в лесу над рекой по холмам, что грядами продольных увалов отделяли большое селение племени квинечат от берега океана.

Стояла тихая осенняя пора, и хвойный кедровый лес был недвижим и безмолвен. Молоденькая Хулагит и десятилетний ее брат Гуклаца, отбившись от остальных, нашли отличное место — долинку возле самого устья небольшого

ручья, впадающего в широкую реку. Огромные красные кедры здесь отступили в сторону, оставив свободной сухую пойму ручья, густо поросшую папоротником и хвощом.

Толстые сладковатые корни этих растений были съедобны и очень ценились индейскими хозяйками. Хулагит, сдвинув налобный ремень, сняла со спины большой, искусно сплетенный из лыка короб, сбросила на траву лыковую же накидку с красивым узором и, оставшись в одной набедренной повязке-юбочке, усердно принялась за работу.

Деревянной копалкой, которая для прочности была слегка обожжена на огне, Хулагит раскапывала

красноватую, рыхло-податливую землю, обнажая толстые беловато-желтые корни, хватала растения за ботву маленькой сильной рукой, выдергивала из земли и складывала в кучи. Гуклаца воткнул свое копьё с наконечником из оленьего рога в землю острием вверх подле вещей Хулагит и тоже молча работал, стараясь не отстать от Хулагит.

Брат и сестра перепачкали руки влажной землей. Сочный хруст, запах разрытой почвы, раздавленных стеблей, вид округлых, мясистых беловато-желтых корневищ — все это радовало юных индейцев, и они работали с веселым азартом.

Кореньев было множество, и жи-

вая Хулагит, найдя какой-нибудь особенно крупный корень, не могла удержаться от восклицаний.

— О! Гуклаца! — вскрикивала она, с гордостью показывая брату свою находку.

Но Гуклаца, хоть и был на пять лет моложе Хулагит, старался хранить подобающую мужчине невозмутимость. Если удачная находка попадалась и ему, он показывал ее молча и только многозначительно поглядывал на сестру.

Солнце поднялось довольно высоко. Стройные и гибкие бронзово-карие тела юных индейцев лоснились от испарины. Тяжелая волна черных волос грела обнаженную спину Хулагит. Она чувствовала, как пот скапливается между лопатками и ручейком сбегает по ложбинке спины. Подняв волосы, она скрутила их на темени в большой узел и, оторвав от своей короткой юбочки одну лычку, закрепила ею тяжелый узел волос. Легкое дуновение воздуха, несшееся от реки, приятно охладило разгоряченную кожу Хулагит.

Она огляделась и увидела, как много земли перекопали они с братом. Почти по всей долинке на этой стороне ручья лежали кучи вянущих растений.

— Гуклаца, давай укладывать. Смотри, сколько мы надергали, — сказала Хулагит,

Мальчик откинул падавшие на скуластое лицо черные волосы и деловито оглядел долину. Затем молча поднялся на ноги и принялся сносить разбросанную зелень к коробу Хулагит. Девушка занялась тем же, и вскоре копье Гуклацы высылось над целою горою увядающего папоротника и хвоща. Достав кремневый нож, оправленный в роговую рукоятку, Гуклаца принялся быстро отделять корневища от ботвы.

Хулагит, отряхивая подсохшую землю, укладывала коренья в свой узорный короб слой на слой, так плотно один к другому, что, казалось, и муравей не пролез бы между ними. От движений девушки лычка, связывавшая ее волосы, ослабела, и она почувствовала, что тяжелый узел готов распасться. Сидевший рядом на корточках Гуклаца, потянувшись за очередной порцией кореньев, перегнулся вперед. Хулагит взмахнула головой справа налево, лычка развязалась, тяжелые волосы распустились, с размаху ударили Гуклацу по затылку, и мальчик, потеряв от неожиданности равновесие, упал носом в кучу папоротника. Перевоскресив волосы обратно себе на спину, Хулагит расхохоталась. Гуклаца поднялся, сел на корточки и снова принялся за работу, как будто ничего не произошло. Но смех Хулагит был так звонок и заразителен, что Гуклаца улыбнулся и сказал, стараясь произносить слова, как взрослый мужчина:

— Не много нужно усилий, чтобы раздавить яичную скорлупу, не много нужно трудиться, чтобы насмешить женщину.

— Ох, мудрый Гуклаца! — да-

вась от смеха, сказала Хулагит. — Как же ты смешно кувыркнулся в папоротник!

Не удостоив сестру ответом, мальчик указал на корни, приготовленные им за это время. Хозяйственная Хулагит перестала смеяться и торопливо принялась за работу.

Короб быстро наполнялся. Вдруг Хулагит почувствовала, что муха села ей на голое плечо и бегает по коже, щекоча ее лапками. Удивившись такой поздней мухе, Хулагит тряхнула волосами, и муха слетела. Но только девушка углубилась в работу, как муха появилась снова. Хулагит осторожно повернула голову, чтобы посмотреть на удивительную муху, еще не заснувшую в конце сентября, и заметила, как Гуклаца торопливо дернул руку, бросив на землю веточку папоротника. Вороватая улыбка еще не успела сбежать с его лица. Хулагит, прыснув от смеха, схватила огромную охалку ботвы и осыпала ею брата. Гуклаца, отплевываясь и отряхиваясь, вскочил на ноги. Хулагит, изобразив на лице ужас, бросилась убежать от него, ловко перепрыгивая ямы. Она мчалась по долине к реке, и черные густые волосы гривой развевались за ее голыми плечами. Гуклаца с охалкой папоротника в руках, издавая воинственные вопли, гнался за нею. Добежав до обрыва над рекой, Хулагит остановилась и повернулась к наступавшему ее мальчику, хохоча, еле переводя дух и выставив руки для защиты. Гуклаца с притворно свирепым лицом осыпал ее папоротником и хотел столкнуть в неглубокий овраг, как вдруг с реки донесся низкий мужской голос:

— Эй, люди!

Слова эти произнесены были иначе, чем произносят их квиначечаты.

Хулагит и Гуклаца тревожно обернулись.

Недалеко от берега четыре нагих гребца, медленно работая веслами, удерживали на месте пирогу. На корме, завернувшись в белый плащ из мягкой лосиной кожи, неподвижно сидел индеец в узорной плетеной шляпе. Лицо его было раскрашено белыми, красными и желтыми полосами. На носу лодки стоял молодой индеец в лыковой набедренной повязке, в многоцветном нагруднике с богатым орнаментом, с кистями и бахромой. Мочки ушей молодого индейца, проколотые в нескольких местах и отягченные раковинами, были оттянуты чуть ли не до плеч, волосы связаны в пучок на затылке, за ухом торчало орлиное перо. По всему было видно, что это очень знатный и богатый молодой воин.

Взгляд Хулагит задержался на лице воина. Лицо было продолговатое, с большим выступающим крючковатым носом и близко посаженными маленькими глазами. Оно сильно отличалось от довольно плоских, скуластых лиц квиначечат, квилейтов, нутка и других окрестных племен.

Хулагит с испугом глядела на молодого воина, а тот молча глядел на Хулагит, которая стояла над обрывом, на фоне леса, с разметавши-

мися по голым плечам черными волосами. Глаза девушки еще искрились смехом, а ноздри короткого и немного толстого носа вздрагивали и раздувались встревоженно. Маленький Гуклаца стал перед сестрою, готовый защищать ее от незнакомцев. Но вспомнив, что у него нет оружия, мальчик стремглав бросился за своим копьем.

Хулагит, думая, что брат спасается бегством, тоже рванулась было за ним, но молодой воин крикнул:

— Стой, девушка, стой! Я хочу спросить тебя. Мы не тронем вас, не бойся.

— Я не боюсь, я дочь Ворона, и вы на моей земле, — сказала Хулагит останавливаясь.

По ломаной речи молодого воина, по одежкам, прическам, по узорам на бортах лодки Хулагит узнала индейцев соседнего племени шига-

лисов. Уже несколько лет шигалисы жили в мире с квиначечатами.

Гуклаца вернулся и с копьем в руке снова стал впереди сестры.

— Девушка, — важно продолжал молодой воин, — ты не из селения Юккахаги?

— Я сестра его, — отвечала Хулагит.

— Дома ли твой брат Юккахаги и мудрый Кьюллу? — спросил молодой воин гораздо более почтительно.

Хулагит и Гуклаца переглянулись и молчали. Они не знали, как ответить. Сказать, что брат и лучшие воины в океане, охотятся за китами? А может быть, у шигалисов недобрые намерения, и тогда, узнав, что селение почти беззащитно, они нападут на него? Сказать, что брат в селении? А если они не застанут его там? Потом по всему побере-

Это была мать Хулагит и Гуклацы, вдова Ворона, недавно умершего вождя квиначечат. Старейшина сделал знак гребцам, лодка скользнула вперед, уткнувшись в берег. Старейшина, поддерживаемый молодым воином, вышел на берег и направился навстречу Лайе.

— Рад видеть тебя здоровой, Лайа, — почтительно сказал старейшина, останавливаясь в нескольких шагах от пожилой женщины.

— И я рада видеть тебя здоровым, — отвечала Лайа.

Сняв со спины такой же короб, как у Хулагит, и разостлав на земле накидку, она села. Взмахом руки она указала старейшине, что он тоже может сесть.

Молодой воин остался стоять позади старейшины. Он украдкой поглядывал на Хулагит, которая, присев подле набранных кореньев, продолжала вместе с братом прилежно укладывать их в короб.

Хулагит смущало внимание молодого воина, потому что у нее в нижней губе не было калужки. И Лайа и все сопровождавшие ее индейки носили калужки — костяные украшения в нижней губе. Кожу под губою прорезали насквозь и в разрез вставляли калужку. Чем больше был разрез, чем сильнее калужка оттопыривала нижнюю губу, тем это считалось красивее. У Хулагит вовсе не было разреза, и ее неизуродованные алые губы были предметом вечного ее стыда и огорчения. Но, сказать по правде, вовсе не отсутствие калужки у девушки привлекало к ней внимание молодого воина.

Старейшина, брат Коквельтана, вождя шигалисов, при всей своей невозмутимой важности прекрасно замечал все, что делалось вокруг. Может быть, поэтому, прежде чем приступить к делу, он счел нужным указать Лайе на молодого воина.

— Сын мой Маутк, — сказал он.

Лайа, взглянув на юношу, ждала продолжения. Но старейшина перешел к другому делу. Он объяснил, что племя шигалисов и брат его Коквельтан, великий вождь племе-

плетеные
корзины

стью станут говорить, что Хулагит, дочь Ворона, не хозяйка своим словам и пускает их на ветер. Выход нашел Гуклаца.

— Пойдите и посмотрите, — сказал он молодому воину.

Тот, склонив голову набок, насмешливо взглянул на мальчика маленькими, как черные бусинки, глазами.

— Мы очень спешим. Наше дело не ждет. Если Юккахага в море, скажите нам, мы пойдем искать его там и не потеряем целого дня на поездку в вашу деревню.

Хулагит и Гуклаца снова переглянулись, не зная, как поступить.

Но в это самое время старейшина, сидевший на корме лодки, заметил, что из леса в сопровождении нескольких более молодых женщин, сгибаясь под грузом короба, вышла пожилая индейка Лайа.

ни, послали его к Юккахаге и к вождю соседнего племени хугов Тлю-лю-люку с очень важным и очень срочным поручением. Он спрашивал у детей Лайи, где найти Юккахагу, но они проявили высокую мудрость и уклонились от ответа. Может быть, Лайа скажет, где найти ее сына — вождя? Лайа внимательно посмотрела на старшину и спросила:

— Белые люди?

Старейшина утвердительно наклонил голову.

— Сколько их? — продолжала спрашивать Лайа.

— Две большие белокрылые пироги. Одна — та самая, которая стояла у нас, когда родился месяц.

— Сколько белых людей вы убили с этой пироги?

— Двадцать и еще два.

Лайа покачала седеющей головой.

— Вы убили их, когда родился месяц, и сейчас еще много дней до

полнолуния, а уже две пироги вместо одной пришли мстить вам. Большая опасность надвигается на шигалисов. — Старуха замолкла, молчал и старейшина, ожидая, что она скажет дальше. — Я женщина, не мне судить о делах племени, — продолжала Лайа, — но я думаю, что квинечаты помогут вам. Спешите. Юккахага и Тлю-лю-люк вместе охотятся на китов в океане. Их лагерь у пограничного ручья. С ними мудрый Кьюллулг. Спешите!

Старейшина молча наклонил голову и встал.

— Лайа, — сказал он, — если мы победим, то не забудь: это мой сын Маутк. Он храбрый воин и хороший охотник.

Старая индейка чуть заметно усмехнулась, а Хулагит низко склонилась над своей корзиной, что-то внимательно в ней рассматривая. Старейшина и его сын быстро спустились в лодку, и лодка понеслась вниз по реке.

Лайа посмотрела на детей, и ее суровое усталое лицо озарилось улыбкой гордости. Сегодня удачный день. Прекрасный сбор корней, а главное — дети вели себя так, что вполне заслуженно получили похвалу от брата вождя шигалисов. У Хулагит и Гуклаца, да и у самой Лайи корзинки были уже полны. Остальные индейки, перебравшись через ручей, собирали корни на другой, еще не тронутый стороне поймы.

Гуклаца, размочив кусочек красноватой земли, скатал из нее шар размером с кулак, затем придавал ему продолговатую форму. Прямой линией он наметил рот, две точки должны были изображать глаза, а кусок кедровой коры представлял собой далеко выступающий нос.

Гуклаца толкнул Хулагит локтем и, очень похоже изображая старейшину, сказал, показывая на свое произведение:

— Мой сын Маутк!

Хулагит приснула и тут же, застыдившись и почему-то сердясь, пробормотала:

— Бывают же у людей такие смешные носы!

* * *

Лодка шигалисов неслась вниз по реке с поразительной быстротой, но отец Маутка, старейшина в лосином плаще, время от времени покрикивал на гребцов (это были рабы), и короткие, копьевидные гребки мелькали все быстрее.

Над племением шигалисов нависла грозная опасность.

Китобойный бриг из Бостона, большого портового города Соединенных Штатов, под командою самого хозяина, капитана Парсонса, в начале октября 1808 года приблизился к северо-западному побережью Америки, севернее устья реки Колумбии, как раз против главного селения шигалисов. Капитан Парсонс после удачной охоты искал места, где бы перетопить и слить в бочки заготовленный китовый жир.

Сам он хотел сделать это на каком-нибудь пустынном островке, подалеже от индейских селений. Но буйная его команда, напротив, мечтала повстречаться с индейцами. А капитан Парсонс, только в этот рейс ставший и владельцем и капитаном по наследству от дядюшки, не умел держать матросов в руках, как это надлежало делать настоящему китобою. Чтобы избежать бунта, он согласился с доводами матросов. Найдя сравнительно удобное место для якорной стоянки, как раз против главного селения шигалисов, Парсонс бросил якорь. В индейском селении оставались только женщины, дети и старики.

осенней своей торговли с соседями. И очень скоро перешли от меня к прямому грабежу.

Индейцы послали в верховья реки предупредить ловивших лососей воинов племени о том, что белые обижают оставшихся.

Китобои ничего не подозревали. Каким-то образом некоторым из них, побывавшим на корабле, удалось украсть бочонок рому и свезти его на берег. Вначале ром сблизил их с индейцами. Некоторые из старцев племени с большой охотой принимали угощение. Но затем грабеж возобновился. Пьяные китобои, ворвавшись в селение, избивая и калеча женщин и детей, всюду ис-

Парсонс, чтобы чем-нибудь занять оставшихся на бриге людей, приказал им зарядить картечью пушки. Те стали выполнять приказание, хотя и весьма неохотно. Парсонс, человек осторожный и боязливый, с тоской и негодованием смотрел на берег. И тут он увидел, как из-за мыса одна за другой вынеслось больше десятка пирога, наполненных индейскими воинами.

Парсонс бросился к пушке, но пока он разжег фитиль, пока трясущимися руками направлял пушку, пироги промелькнули мимо брига. Грянул пушечный выстрел, но картечь, далеко не долетев до пирога, лишь подняла тучу брызг.

В лагере всполошились, но шигалисы, разъяренные оскорблением, нанесенным их семьям, прыгали в воду, прежде чем лодки успели пристать, и с ходу кидались в бой. Раздались запоздалые выстрелы, вой, рев, вопли.

Парсонс закрыл лицо руками. Выстрелы становились все реже. Моряки на бриге в ужасе смотрели на побоище.

— Капитан! Капитан! — закрыл

Взрослые мужчины ушли вверх по реке за лососями.

Команда брига состояла из 28 человек. Она была рассчитана на то, чтобы при спуске четырех китобойных вельботов на борту оставалось еще четыре человека для необходимых маневров. Эти четыре человека и остались на бриге, в то время как двадцать четыре китобоя, народ дерзкий, вздорный и ненадежный, набранный в Бостоне, съехали на берег перетапливать китовый жир. Капитан организовал в лагере сторожевую службу, выдал матросам двадцать ружей и порох, распределил обязанности, присмотрел за свозом бочек с нетопленной китовиной и, глядя на спорую работу, казалось, образумившихся матросов и на вполне дружеское их обращение с индейцами, со спокойной душой вернулся на бриг.

Между тем матросы принялись выменивать на ножи, шейные платки и прочую мелочь меха, которые шигалисы заготовили для обычной

кали меха и отнимали их. Парсонс, отчаявшись навести порядок, уехал на бриг.

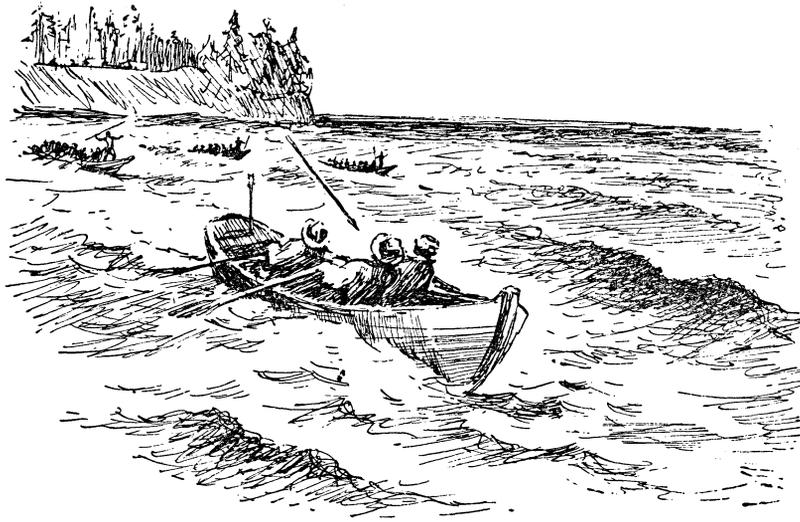
Четверо моряков, вынужденных торчать на судне, с завистью глядели, как славно проводят время на берегу их товарищи, и вот-вот могли сбежать к ним. Парсонс приказал поднять на борт единственную оставшуюся на бриге четыреххвостельную шлюпку и сам отвязал концы от талей и снял блоки, чтобы шлюпку нельзя было спустить за борт без его ведома.

Близился вечер. На берегу горели костры лагеря и в предвечерней тиши отчетливо раздавалось безобразное пьяное пение китобоев.

чали они наперебой. — Вон наши гребут к бригу!

Действительно, трое китобоев вырвались из свалки, бросились в ближайший вельбот и стали торопливо грести к бригу. Шигалисы не сразу заметили беглецов, и китобой успели отдалиться от берега на порядочное расстояние, прежде чем индейцы бросились в погоню.

Парсонс, приказав людям стать к орудиям, с ужасом оглядел шти-

левший океан. Но тут он заметил полосу ряби, бежавшую от берега и уже обогнавшую и преследуемых и преследователей.

Парсонс принял решение. Оставшись у пушек с пылающим фитилем, он послал остальных ставить кливер и стаксель. Несколькоими картечными выстрелами ему удалось приостановить погоню шигалисов, хотя он и не смог причинить им большого вреда.

Два раненых китобоя, таща за собой умирающего товарища, поднялись на борт.

Индейцы между тем, покончив с китобоями на берегу, бросились в пироги и устремились к бригу. Ясно было, что теперь шесть человек, из которых двое тяжело ранены, даже картечью не смогут отбить атаку. Парсонс приказал рубить якорный канат.

Воспользовавшись начавшимся бризом, он поднял паруса и бежал в открытое море. Один из раненых матросов умер, и его выбросили за борт. Двое других лежали в лихорадке, ослабев от потери крови. Надо было решать, что делать дальше.

Конечно, прежде всего нужно добраться до такого места, где есть белые, и попросить у них помощи. Таких мест, сравнительно не очень далеких, было три.

Хорошо бы попасть на Гавайские острова! Там постоянно бывали американские корабли из Бостона, и Парсонс мог бы обратиться за помощью к своим соотечественникам. Но для того чтобы добраться до Гавайских островов, бриг его должен пересечь всю восточную часть Тихого океана. Трудно надеяться благополучно совершить такое плавание со столь малым экипажем.

Ближе всего было бы идти в Калифорнию. В те времена Калифорния считалась владением Испании, и на берегу бухты Сан-Франциско находилась маленькая испанская колония. Но испанцы, смертельно боявшиеся потерять свои владения, запрещали американским китобоям входить в бухту Сан-Франциско, угрожая конфисковать их корабли.

У Парсонса оставалась одна возможность — направиться вдоль берега на север к Аляске, которая в те времена была владением России. Там, в русском городке Ново-Архангельске, Парсонс мог рассчитывать продать свой бриг за хорошую цену. Это тоже было бы неплохо. И, приняв решение, Парсонс повел свой бриг вдоль берега на север.

Но через несколько дней произошло событие, которое заставило его переменить планы. На пути, у диких островов, названных англичанами островами королевы Шарлотты, он встретил русский бриг «Святой Николай» — судно, принадлежавшее Российско-Американской компании.

«Святой Николай» шел не один, а в сопровождении целой флотилии легких кожаных байдарок, управляемых алеутами — жителями открытых русскими Алеутских островов. Семьдесят алеутов-охотников, нанятых Российско-Американской ком-

панией, охотились у берегов на морских бобров и всю добычу свозили на «Святой Николай». А командовал «Святым Николаем» Сысой Слободчиков.

Когда суда встретились, по морскому обычаю Сысой Слободчиков приехал к Парсонсу в гости.

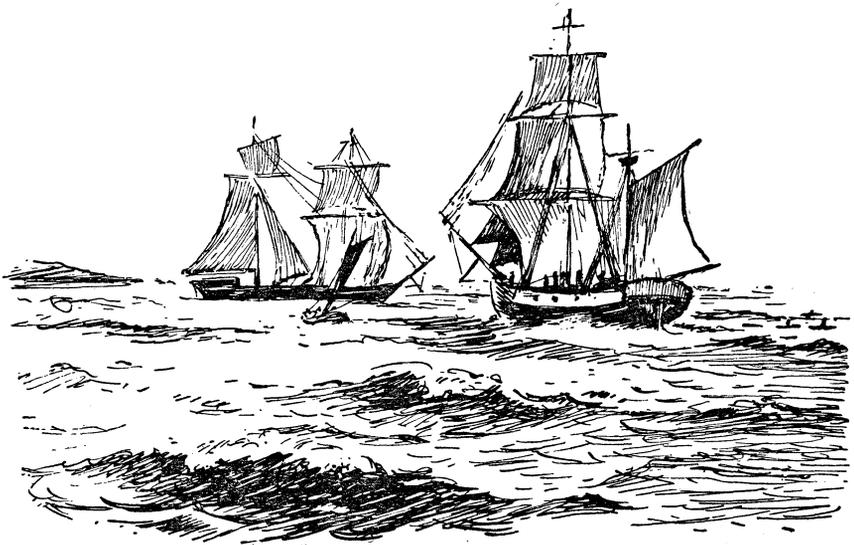
Бедственное состояние американского брига взволновало русского моряка, и Парсонс это заметил. Он охотно поведал русскому, какое его постигло несчастье. Он сказал правду, но не всю. Он рассказал о том, как невдалеке от устья реки Колумбия он разбил на берегу лагерь, чтобы перетопить китовый жир и слить его в бочки. Ни с того ни с сего кроважидные индейцы напали на лагерь и захватили почти всех его матросов. Сам он едва спасся.

— Так ваши матросы в плену у индейцев? — спросил Слободчиков.

По правде говоря, Парсонс был почти убежден, что все его матросы убиты. Но тут у него мелькнула мысль, которая сразу же изменила все его планы. Он сказал, что да, по всей вероятности, его матросы в плену. Это была опять почти правда — не мог же Парсонс знать наверняка, убили ли индейцы матросов или взяли в плен. И он трогательно рассказал о том, как он мучается, думая о страданиях несчастных американских моряков в плену у дикарей. Он объяснил Слободчикову, что теперь у него только одна цель — найти добрых людей, попросить помощи, вернуться к устью Колумбии и выручить своих матросов. Может быть, ему помогут русские моряки?

Сысой Слободчиков согласился помочь Парсонсу. И вот оба брига появились в море против селения шигалисов, выжидая удобного ветра, чтобы приблизиться и бросить якорь.

(Продолжение следует)

СРЕДИ КНИГ

ТРУЖЕНИК НАУКИ

В истории исследований Внутренней Азии во второй половине XIX века почетное место занимают имена многих русских путешественников. Академик В. А. Обручев особо выделяет среди них Г. Н. Потанина, Н. М. Пржевальского и М. В. Певцова, в совокупности создавших «ту основную канву географического лика Внутренней Азии, на которой позднейшие путешественники разных специальностей начали уже вышивать узоры, то-есть наносить детали общей картины».

Если имя великого русского путешественника Н. М. Пржевальского, которому посвящено немало научно-популярных книг, хорошо известно советской молодежи, то с жизнью и деятельностью двух других «пионеров географической работы» широкие круги читателей знакомы мало.

Поэтому всячески следует приветствовать новый выпуск книги В. А. Обручева «Путешествия Потанина»¹. Впервые эта книга вышла семь лет назад в издательстве Академии наук и давно уже стала библиографической редкостью.

Многие годы своей плодотворной научной деятельности Владимир Афанасьевич Обручев посвятил изучению Сибири, Монголии и Китая. Маршруты его путешествий нередко скрещивались с маршрутами Г. Н. Потанина, в одной из экспедиций которого, в 1892 году, он, еще начинающий исследователь, принимал участие в качестве геолога.

Личное знакомство автора книги с Г. Н. Потаниным и большинством участников его походов, доскональное знание мест, по которым проходили пути экспедиции, естественно не могли не наложить на все повествование того особенного отпечатка, который так привлекает читателя, когда он сталкивается с описаниями, основанными на собственных впечатлениях.

* * *

Будущий исследователь Монголии, Китая и окраины Тибета, Григорий Николаевич Потанин родился 4 октября 1835 года в Западной Сибири, в поселке Ямышевском (описанном в 1771 году академиком П. С. Палласом), в семье хорунжего сибирского казачьего войска. Детские годы он прожил в станице Пресновской, из них три — в доме бригадного командира Эллизена, в котором его отцу, разжалованному в рядовые за служебные столкновения с начальством, было поручено ведение хозяйственных дел.

¹ В. А. Обручев, Путешествия Потанина. Издательство «Молодая гвардия», 1953, 190 стр., цена 6 руб.

Окружающие станицу степи с березовыми рощицами-колками пробудили у Потанина первые наклонности к ботанике.

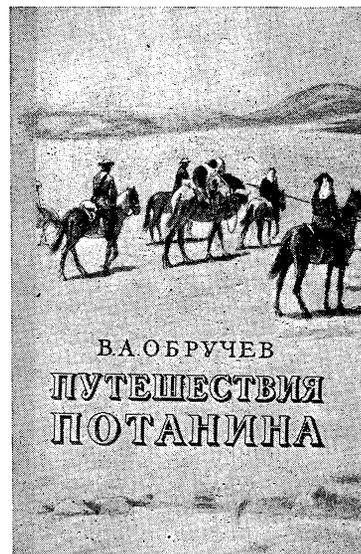
В Омском войсковом казачьем училище, преобразованном впоследствии в Сибирский кадетский корпус, Потанин подружился с Чоканом Валихановым, будущим замечательным путешественником, первым казахским ученым. Юноши зачитывались описаниями путешествий, изучали историю Востока, мечтали о дальних странствиях.

По окончании кадетского корпуса молодой офицер, выбравший местом службы Семипалатинск, совершил с военным отрядом свое первое путешествие. И именно в этот период он окончательно утвердился в своем желании стать натуралистом. «Когда военная экспедиция переходила впервые реку Или, — писал впоследствии П. П. Семенов Тянь-Шанский, — перед восприимчивым юношей поднялась внезапно из тумана величественная цепь Заилийского Ала-Тау, с ее семью снежными вершинами; никому еще неизвестная, никем не виданная, она возбудила в талантливом юноше жажду познаний и стремление к исследованию стран неведомых».

С П. П. Семеновым Потанин познакомился в Омске, куда он был переведен после нескольких лет службы на Алтае. Возвращаясь из путешествия по Тянь-Шаню, П. П. Семенов разыскал в Омске Валиханова и вместе с ним приехал к Потанину, в котором сразу угадал подлинного натуралиста.

Вскоре Потанин добился отставки с военной службы, переехал в Петербург и поступил в университет на естественное отделение физико-математического факультета. Окончить университет ему, однако, не удалось, и, видимо, в связи со студенческими волнениями он был заключен на два месяца в Петропавловскую крепость.

После освобождения Потанин вернулся в Омск и по рекомендации П. П. Семенова принял участие в научной экспедиции астронома Струве на Алтай.

Возвратившись из экспедиции в Омск, Потанин вскоре переезжает в другой город, Томск, где секретарствует в Томском статистическом комитете, преподает историю в мужской и женской гимназиях, организует кружок, где обсуждаются политические вопросы, читаются новые литературные произведения, а иногда и подпольные листки. Наибольший восторг вызывает у молодежи привезенная из Лондона прокламация Герцена «К молодому поколению». Общественная деятельность Потанина заканчивается арестом, тюрьмой и, наконец, каторжными работами в Свеаборгской крепости и ссылкой в Вологодскую губернию.

Здесь ссыльный Потанин встречает Александру Викторовну Лаврскую, которая на всю жизнь становится его верным другом и помощником.

* * *

Первое совместное путешествие Потаниных в Монголию продолжалось с июля 1876 года до января 1878 года.

В дневниках путешественников можно найти подробное описание флоры долины Черного Иртыша, озе-

«КАК ОПРЕДЕЛЯТЬ МИНЕРАЛЫ»

Сотни тысяч юных геологов, географов, натуралистов готовятся к летним походам по просторам родной страны. К ним, неутомимым и любознательным путешественникам, и обращена книга профессора Н. К. Разумовского «Как определять минералы» (Детгиз, 1953).

«Некоторые минералы, — пишет автор, — широко распространены и могут быть встречены в любой местности. Другие, наоборот, редки, встречаются только в определенных местах нашей Родины, и их надо искать так, как ищут грибы или ягоды. Поиски минералов, охота за ними — увлекательное дело, и тот, кто научился этому, может принести Родине большую пользу. Мы хотим помочь тем любителям природы, которые будут бродить по полям и берегам рек и собирать коллекцию минералов».

В книге приведена таблица определения 122 минералов, наиболее часто встречающихся в природе.

ра Улюнгур, Монгольского Алтая; А. В. Потанина сделала превосходные зарисовки жертвенных камней «обо», типичных для Монголии. В этой экспедиции Потанины исследовали богатое рыбой озеро Даингол, над которым высится покрытая снегом Ледяная гора (Мус-Тау).

Исключительно тяжелый переход через пустыню Гоби закончился кратковременным отдыхом в маленьком, зеленевшем деревьями оазисе Сантаху. Впереди лежал многокилометровый путь через горы Карлыктаг и безводную пустыню, в конечный пункт маршрута, самый восточный из городов Китайского Туркестана — Хами.

На обратном пути экспедиция осмотрела теплые целебные источники у подножья снежной вершины Хангая — Отхон-тенгри, величественное озеро Косогол (Хубсугул), монастырь Улангом, озеро Убса.

Зима вступала в свои права. Путешественники возвращались в Бийск по Чуйскому тракту. В ту пору, отмечает автор книги В. А. Обручев: «Это была тропинка, вившаяся между скалами... а в 1936 г. я проехал на машине по Чуйскому тракту, который стал прекрасной автомобильной трассой, соединяющей Алтайский край с Западной Монголией».

Свыше года ушло на составление описания этого путешествия и обработку материалов, а весной 1879 года неутомимые путешественники снова направились в Монголию, чтобы подробнее исследовать ее западную часть и посетить Туву — страну, расположенную в бассейне верхнего течения Енисея, между хребтом Танну Ола на юге и Саянскими горами на севере.

Результаты путешествий по северо-западной Монголии и этнографические материалы, собранные за это время, изложены в четырех томах, изданных Географическим обществом в 1881—1883 годах.

С 1883 года Потанины стали готовиться к новому путешествию по восточной окраине Тибета и соседним провинциям Ганьсу и Сычуань, не входившим в маршрут одновременно снаряжавшейся экспедиции Пржевальского в Тибет.

Обогнув Европу, через Суэцкий канал и Индийский океанплыли участники экспедиции в Китай.

Главной ее целью было исследование переходов от палеарктической природы горной Азии к субтропикам Китая.

В. А. Обручев подробно описывает холодное Амдоское нагорье и теплые долины Ганьсу и Сычуани, знакомит читателя с жизнью китайских городов и селений, с особенностями быта монахов-лам, владетельных ордоских князей-ванов, рисует величественные панорамы заснеженного Нань-Шаня, лазоревое озеро Кукурнор.

Путешествуя девять лет спустя по южной окраине Ордоса, автор встретился со старым монголом Сантан-джимба, проводником экспедиции

Потанина. «Старик был еще бодр, но он не решился на новое путешествие, так как ему было уже под 80 лет».

Свыше трех лет длилось это путешествие Потанина. Отчет о нем был опубликован впоследствии в двух томах под общим заголовком «Тангутско-Тибетская окраина Китая и Центральная Монголия».

Поселившись в Иркутске, Потанины с увлечением отдались общественно-просветительной работе. С большой теплотой рисует автор образ Потанина в иркутский период жизни, отмечая его незаурядные способности, кристальную чистоту души и неистощимую энергию. «Г. Н. Потанину, когда я познакомился с ним в 1889 году в Иркутске, — пишет В. А. Обручев, — было уже за пятьдесят лет, но он выглядел еще молодым. Роста он был немного ниже среднего, худощавый, с небольшой темнорусой узкой бородой и довольно длинными, совсем не седыми волосами. Мне запомнилось, как он спокойной, вдумчиво и без лишнего слов излагал все вопросы на заседаниях распорядительного комитета Отдела Русского географического общества».

Непреодолимая тяга к дальним странствиям заставляет Потаниных отправиться в новую экспедицию в Китай.

В Пекине автор книги вновь встретился с Потаниным. «Григорий Николаевич был такой же, как и три года назад, — вспоминает В. А. Обручев. — Он дал мне много советов относительно снаряжения и одежды для дальнейшего пути к границе Ордоса через провинции Хэбэй, Шеньси и Шаньси».

Путешественникам предстояло продолжать наблюдения в Тибете и Сычуани. Несмотря на обострившуюся болезнь сердца, А. В. Потанина решила сопровождать мужа. Но тяжелый недуг усиливался с каждым днем утомительного пути, и 1 октября 1893 года отважная путешественница скончалась. Она похоронена в Кяхте, у самой границы с Монголией.

«Так на двух разных и далеких друг от друга окраинах нашей страны, — пишет В. А. Обручев, — у порога в далекий Китай лежат два выдающихся русских путешественника: Александра Викторовна Потанина — в Кяхте и Николай Михайлович Пржевальский — на берегу Иссык-Куля».

В главе «Сотрудники Г. Н. Потанина в путешествиях» В. А. Обручев задушевными словами, как бы еще находясь под личным обаянием своих старых друзей, вспоминает об энтузиасте М. М. Березовском, о педантичном А. И. Скасси, о переводчиках и проводниках — участниках трудных экспедиций.

«С полной справедливостью и гордостью, — заключает свою книгу В. А. Обручев, — можно сказать, что Потанин принадлежит к числу русских классиков-географов и что своими трудами он сделал ценный вклад в русскую и мировую географию».

В. ВЛАДИМИРОВ

«АНТАРКТИКА»

Материк Антарктиды имеет любопытную климатическую особенность. Известно, что в странах, удаленных от моря, бывает более резко выраженный континентальный климат; в Антарктиде же, наоборот, климат менее континентальный, чем в Арктике, хотя Северный полюс и окружен огромным водным пространством Северного Ледовитого океана.

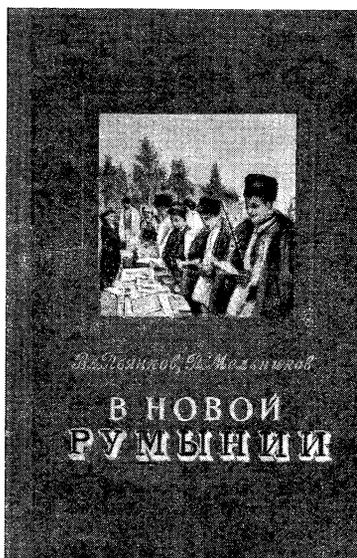
Нигде на земном шаре не бывает таких страшных снежных бурь и штормов, как в Антарктике. Здесь снежные смерчи бывают такой силы, что предметы весом до 200 килограммов, попавшие в полосу смерча, иногда переносятся по воздуху на расстояние в 200—250 километров. Во время снежных метелей на материке наблюдаются интересные атмосферные явления: на острых пиках скал, на верхушках палаток, даже на конце палки, воткнутой в снег, появляются сильные электрические разряды — искры; голубым светом начинают мерцать многие предметы, даже одежда человека. Сила этих искр и свечения настолько велика, что приводит в действие обычный электрический звонок.

Много сведений об Антарктике приведено в книге В. Х. Буйницкого «Антарктика» (Географгиз, 1953).

В НОВОЙ РУМЫНИИ

В течение последних лет издательство «Молодая гвардия» предприняло выпуск серии книг о странах народной демократии. Эти книги написаны в основном людьми, побывавшими в тех странах, о которых они рассказывают. Поэтому и географическое описание и изложение исторических событий в них тесно переплетаются с рассказами о ярких, волнующих встречах с нашими зарубежными друзьями. Эти рассказы авторы книг дополняют интересными сведениями об огромных переменах, происшедших в странах народной демократии за годы народной власти. Таковы книги И. Лапоногова «В свободной Венгрии», Н. Шмелева «Новая Албания», А. Стекольников «В новой Болгарии» и Я. Макаренко «В свободной Польше».

Недавно читатели познакомились с произведением Вл. Пьянкова и П. Мельникова «В новой Румынии»¹.

«Румынская Народная Республика, — пишут авторы, — занимающая площадь в 237,5 тысячи квадратных километров, расположена в Юго-Восточной Европе на важнейших путях между СССР, странами Балканского полуострова и Центральной Европой. Ее территория, на которой проживает около 16 миллионов населения, увенчана Карпатскими горами, окаймлена акваторией оправой Дуная и Прута, лазурью Черного моря. Природа создала на этой земле горные узлы, удивительные по разнообразию своих форм, испещрила холмами и оврагами плоскогорья, скатертью разострала равнины, заболотила низменности, подвергла одни районы влиянию степей Украины, другие — Атлантического океана,

¹ Вл. Пьянков, П. Мельников, В новой Румынии. Изд-во «Молодая гвардия», 1953, 208 стр., цена 4 р. 65 к.

третья — Средиземного моря, одела их пышной растительностью, наполнила подземные кладовые многими ископаемыми богатствами».

Около трети площади страны занимают горы. Длинная цепь Карпатских гор, серпообразно изгибаясь, проходит через всю Румынию с северо-востока на юго-запад. Эта горная цепь делится на Восточные, Южные и Западные Карпаты. Южные Карпаты чаще называют Трансильванскими Альпами. Почти все реки, сбегающие с Карпат, принадлежат к системе Дуная. По территории страны и вдоль ее границ Дунай течет на протяжении 1075 километров. На румынской земле в него впадает много больших и малых рек, главнейшие из которых — Прут, Олт, Серет, Яломица и Арджеш.

На Дунае расположен крупный порт и важнейший судостроительный центр страны — Галац. «В порту царит небывалое оживление: то и дело сюда прибывают суда, доставляющие из Советского Союза станки, машины и другое оборудование для новой Румынии. Заново построены судоверфи и док для спуска судов на воду. Все больше нефтеналивных и рыболовных судов, баркасов и больших барж, водоизмещением в тысячи тонн, выходят в плавание из этого нового порта».

Богатейшие леса покрывают склоны румынских гор. Особенно мощные лесные массивы находятся на склонах Южных Карпат. Здесь произрастают бук, граб, дуб, липа, ильм, клен и другие широколиственные породы. «На высоте 500—600 метров господствует буковый лес с таким густым покровом листвы, что под ним уже ничего не может расти. Далее в семье буков появляются хвойные деревья, и, как бы состязаясь между собой, ель и пихта устремляются еще выше, принимая к себе сосну, лиственницу, изредка тисс. Ель побеждает в этом беге, — она образует верхнюю границу леса, за которой идут стелющиеся кустарники, заросли можжевельника, альпийские рододендроны и, наконец, субальпийские луга и голые скалистые вершины».

Богата и плодородна румынская земля, огромные запасы полезных ископаемых таят ее недра. Но все эти богатства раньше не принадлежали румынскому народу. До установления народной власти страной правило сто буржуазно-помещичьих семейств во главе с королевским домом Гогенцоллернов. А за этой сотней семейств стояли крупнейшие капиталисты США, Англии и других империалистических стран, такие, как Морган, Рокфеллер, Детердинг, присвоившие исключительное право на эксплуатацию национальных богатств Румынии.

Иностранный капитал принес огромные несчастья румынскому народу. Страна была фактически превращена в аграрно-сырьевой придаток империалистических держав. Безра-

ботица, нищета и голод были уделом трудящихся.

В своей книге «В новой Румынии» авторы на убедительных примерах показывают, как после освобождения страны Советской Армией и прихода народной власти трудящиеся Румынии все свои силы направили на восстановление хозяйства страны. За годы народной власти Румыния из отсталой аграрной страны становится индустриально-аграрной. Если раньше 99 процентов промышленного оборудования Румыния покупала за границей, то теперь она вывозит эти станки и машины, изготовленные на отечественных машиностроительных заводах. С братской, бескорыстной помощью Советского Союза румынский народ уже создал новые отрасли промышленности — станкостроение, производство тракторов и сельскохозяйственных машин, электротехническую и химическую промышленность.

Вот, например, какой разговор произошел у авторов книги с одним румынским трактористом:

«Громяхая гусеницами, по дороге идет трактор».

— В какой стране купили? — с нахорожитой наивностью спрашиваем мы у молодого тракториста Иона Думитреску.

— Сами делаем, — широко улыбаясь, тем же тоном ответил юноша... — Вон там, впереди корпуса, видите? Это наш тракторный!».

Хорошо дано в книге описание возрождающихся нефтяных промыслов Молдовы.

«В горах Молдовы гуляет порывистый холодный ветер. В предутренней мгле шумят, поскрипывают сосны. В воздухе носится запах нефти».

Пора бы, кажется, и сойти вниз, в долину, где нет ветра и теплее, но люди, как зачарованные, продолжают стоять и любоваться морем мигающих, переливающихся в ложбине огней. Они сверкали то густой, вытянувшейся в долину золотой россыпью, то крупными редкими самородками карабкались в горы.

— Вот, обжились!.. — с гордостью проговорил хрипловатым, простуженным голосом Василе Ница, директор нефтепромысла. — Всюду, где вы видите огни, бьет нефть. И под ногами у нас нефть, бурь и бурь! Я этим делом занимаюсь без малого тридцать лет, а с таким богатством встречаюсь впервые».

Нефть в Молдове обнаружили очень давно. Еще в 1547 году на территории нынешней Молдовы, в местах, где черная жидкость выходила на поверхность земли, крестьяне рыли специальные колодцы для сбора нефти. Сейчас в долине реки Тазлау на молдавских нефтяных промыслах добывается в 20 раз больше нефти, чем в 1949 году. По всей долине раскинулись новые поселки нефтяников, проложены многочисленные дороги, по которым не прекращается ни днем, ни ночью поток автомашин.

Много героизма и отваги проявляют строители гидроэлектростанций,

сооружаемых в горах. Вместе с авторами читатель побывает на новых теплоэлектростанциях в Дойчешть и Овидиу II, на сооружении крупнейшей гидроэлектростанции имени Ленина в горах Биказа и других стройках.

Мы очаровываемся красотой горных вершин и ущелий, но еще больше восхищаемся новым человеком Румынии и проникаемся глубоким уважением к строителям, воздвигающим в труднейших горных условиях крупные гидросооружения. Вот как описывается в книге строительство гидроэлектростанции в Морюень:

«...В ущелье шумит всеянный дождь. Летит с высоты озорной водяной поток, обдавая брызгами корни деревьев и замшелые валуны... В глубоком ущелье два локомотива медленно, на тормозах спускают с подъема товарный состав... Воздух чистый, ядреный, с терпким запахом смолы.

Наша машина сворачивает на запад и, пегляя по тенистой дороге,

в сооружение плотины. Дважды наводнения угрожали уничтожить всю проделанную работу. Большие трудности испытали рабочие при проходке тоннеля. В одном месте на головы проходчиков обрушивались потоки грунтовых вод, в другом — стены тоннеля прорывал газ, в третьем — приходилось вести проходку сквозь вязкую глину.

Теперь все трудности позади. Гидроэлектростанция дала ток. «Ночью Морюень, залитая электрическими огнями, выглядит особенно красиво. По склону белеют уютные домики, в их окнах приветливо горит свет».

С интересом прочтет читатель главы книги, рассказывающие о достижениях румынского народа в области культурного строительства: о быстрой ликвидации неграмотности, создании широкой сети школ, строительстве клубов, кинотеатров, библиотек и других культурно-просветительных учреждений.

«Счастливая юность» — так назвали авторы главу своей книги, посвя-

В МИРЕ НАСЕКОМЫХ

Ответ на загадку «Что изображено на снимках?»

Мимикрия и защитная (криптическая) окраска и форма животных представляют одно из замечательнейших явлений живой природы и особенно распространены в мире насекомых.

Мимикрией называют случаи внешнего сходства безобидных насекомых — некоторых мух или бабочек — с жалающими насекомыми — осами, шмелями или такими, которых птицы не едят.

Значительно чаще среди насекомых встречается так называемое защитное, или криптическое, сходство. Многие насекомые — жуки, бабочки, клопы, кузнечики, богомолы — бывают удивительно похожи на сухие или зеленые листья, кору деревьев, на ветки и сучки, на лишайники и т. п. Это сходство формы и окраски сочетается у насекомых со способностью застывать в неподвижном состоянии.

Многообразные явления мимикрии и криптической окраски, вырабатывающиеся в процессе естественного отбора под воздействием условий жизни, служат еще одним подтверждением эволюционной теории.

В предыдущем номере журнала на странице 63 были напечатаны фотографии, иллюстрирующие некоторые случаи криптической формы и окраски насекомых. Вверху слева — гусеница бабочки селени, в позе покоя удивительно похожая на сучок грушевого дерева, на котором она живет. Вверху справа — муха ктырь, один из крупных хищников, питающихся другими насекомыми. Прицепившись к концу сухого сучка, эта муха сидит неподвижно, высматривая добычу. Внизу справа — похожее на сухую веточку насекомое из отряда палочников, или привидениевых, встречающееся в пустынных и степных районах. Внизу слева — крупная кобылка с острова Ява, похожая на сухую ветку.

А. ЛАНГЕ,
кандидат биологических наук

«ТЯНЬЦИНЬ»

«Северные ворота» Китая — так называют Тяньцзинь. Крупнейший портовый город и промышленный центр Северного Китая был свидетелем больших исторических событий, происходивших в стране. Население города на протяжении многих десятилетий героически сопротивлялось иностранному захватчику, проникнувшему через тяньцзиньский порт в Китай. Рабочие с оружием в руках неоднократно выступали против японских, английских, американских империалистов и их гоминдановских агентов, хозяйничавших в

стране. Тяньцзинь, первое упоминание о котором восходит к глубокой древности, расположен в провинции Хэбэй, при слиянии рек Юндинхэ, Цзыяхэ и Хайхэ с Великим Китайским каналом, в 45 километрах от залива Бохай. Во время прилива к городу по реке Хайхэ подходят морские пароходы грузоподъемностью до 3 500 тонн.

Тяньцзинь — наиболее густонаселенный город Китая. Плодородная равнина, широко раскинувшаяся вокруг Тяньцзиня, дает большие урожаи зерновых и технических культур. Недалеко от города, на морском берегу, в 1952 году закончено строительство первой очереди нового морского порта — Синьган, к причалам которого уже подходят крупные морские и океанские суда.

О новой, свободной жизни города и о его бурном хозяйственном развитии за годы народной власти рассказывают Н. Никитин и И. Федоров в своей книге «Тяньцзинь» (Геогграфиз, 1953).

взбирается на старый тракт, которым можно попасть в подкову горного массива Бучеджи с его вершиной Ому, вздыбившейся на высоту 2 511 метров над уровнем моря. В стороне под дождем и ветрами сгорбились «каменные старухи», образовавшиеся из выветрившихся песчаников и конгломератов. Здесь, в тесном ущелье на реке Яломице, построена предусмотренная десятилетним планом электрификации гидроэлектростанция Морюень.

Нелегко далась людям эта победа. Погода здесь капризная: зимой — снежные бураны, глубокие сугробы, весной и летом — град, дожди, сырой ветер гудит над Яломицей. Все это усложняло строительство».

Много труда вложили строители

ценную румынской молодежи и ее героическим делам. Читатель знакомится с участниками молодежных строев, с новаторами производства, передовиками сельского хозяйства. Про румынскую молодежь можно сказать, что она, с ее неиссякаемой энергией, творческим энтузиазмом, стремлением вперед, стала большой силой в борьбе за построение социализма.

Советский читатель проявляет большой интерес к жизни стран народной демократии. Заслугой авторов книги является то, что они подробно и ярко осветили борьбу румынского народа за создание новой, социалистической Румынии.

В. ТКАЧЕНКО

ТЕПЛОЕ ОЗЕРО

Иссык-Куль в переводе с тюркского означает «теплое озеро». В действительности вода озера чрезвычайно холодная: оно расположено в котловине между высокими горными хребтами, зимой покрытыми снегом.

Но вода Иссык-Куля никогда не замерзает, разве только ненадолго покроются льдом его немногочисленные заливы. Происходит это потому, что озеро очень глубокое (до 702 метров) и массы его вод охлаждаются медленно. Это обстоятельство и вызвало предположение, что вода озера теплая, а отсюда и пошло название.

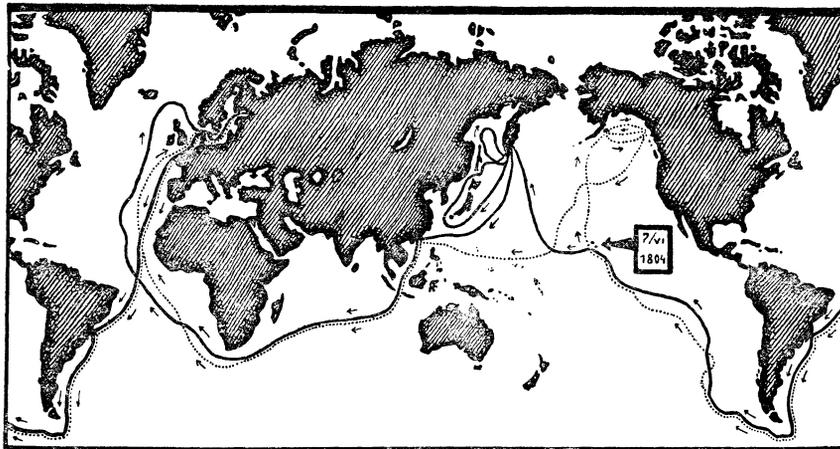
**ПРЕДВИДЕННОЕ
ОТКРЫТИЕ**

П. А. Кропоткин, изучая материалы о течениях и движении льдов в Северном Ледовитом океане, собранные русскими мореплавателями, пришел к убеждению, что на более высокой широте, чем архипелаг Шпицберген, должна существовать неизвестная земля. Она ограничивала вынос льдов из Центрального полярного бассейна в Баренцево море.

Вскоре после этого австрийская полярная экспедиция (1872—1874 гг.), дрейфуя со льдами, обнаружила в предсказанном П. А. Кропоткиным месте большой архипелаг, который назвала Землей Франца Иосифа.

Подобно тому как русский моряк и ученый Ф. П. Врангель на основании научных данных определил местонахождение острова, которого он не видел и который заслуженно назван его именем, так и П. А. Кропоткин предсказал существование суши, получившей название Земли Франца Иосифа.

Сто пятьдесят лет назад, 7 июня 1804 года, к острову Гавайи подошли два русских корабля. Один из участников плавания писал, что оно «пребудет навсегда происшествием знаменитым в летописях отечества нашего».

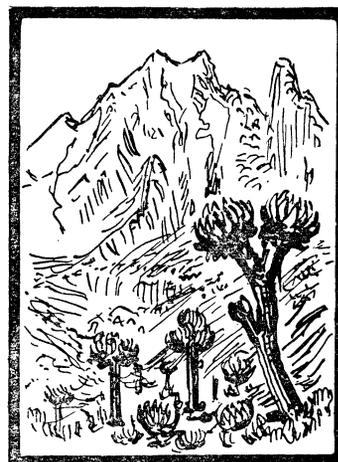
Путь отважных русских мореплавателей показан на карте. Назовите их имена.

**ГДЕ НАХОДИЛСЯ
ПУТЕШЕСТВЕННИК!**

Был полдень. Солнце посылало свои лучи отвесно, так что тень от фигуры путешественника лежала у него под ногами, выделяясь на ярко сверкающем крупнозернистом снегу. Странно было сознавать, что в каких-нибудь двадцати пяти—тридцати километрах отсюда проходит линия экватора.

Неподалеку от места, где стоял путешественник, проходил величайший, в тысячи километров, шрам на лице Земли.

Где находился путешественник?

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ, ПОМЕЩЕННЫЕ В № 5

**ВЕЛИЧАЙШАЯ ОШИБКА
И ВЕЛИЧАЙШЕЕ ОТКРЫТИЕ**

Христофор Колумб, убежденный в шарообразности Земли, решил, что можно достичь берегов Индии, направившись на запад, а не на восток, как это делали многие мореплаватели того времени. Этот проект Колумб послал Паоло Тосканелли, который горячо одобрил его.

Пройдя Атлантический океан, Колумб попал не в Индию, а на неведомый континент, впоследствии названный Америкой.

ВОКРУГ МАТЕРИКА

Нидерландский мореплаватель Абель Тасман, совершивший в 1642 году кольцевое плавание вокруг Австралии, опроверг тем самым существовавшее тогда мнение,

будто Австралия — это часть грандиозного неисследованного южного материка. По имени этого мореплавателя назван открытый им остров к юго-востоку от Австралии.

**ЧТО НЕПРАВИЛЬНОГО
В ДОГАДКАХ МАРКО ПОЛО?**

Марко Поло ошибался, думая, что высоко в горах, в частности на Памире, меняется цвет огня и медленнее варится пища из-за царящего там холода.

В действительности цвет огня и его интенсивность на большой высоте изменяются из-за разрежения воздуха и уменьшения в нем содержания кислорода. Пища варится медленнее вследствие понижения атмосферного давления, при котором понижается и точка кипения воды.

В джунглях острова Цейлона водятся стада диких слонов. Крестьяне-сингалезы устраивают охоту на этих крупных и могучих животных. Для их поимки сооружают обычно большой загон из толстых бревен, в одном конце которого на двух высоких столбах сверху укрепляются массивные ворота. Когда стадо, идущее на водопой, зайдет в ловушку, охотники подрубают столбы, ворота падают и закрывают выход.

Через два-три дня охотники на прирученных слонах въезжают в загон и выбирают самых сильных молодых животных. Прирученные слоны отделяют от стада своего дикого собрата, сжимают его по бокам и выводят из загона, третий слон подгоняет его сзади. Таким способом выводят всех отобранных слонов, остальных отпускают на волю.

Диких слонов дрессируют и продают на лесоразработки. Послушное и умное животное валит деревья, переносит тяжелые бревна, складывает их в штабели, грузит на машины.

На обложке этого номера — погонщик со своим слоном возвращается с работы (цветное фото Ю. Надеждина, автора очерка «По Цейлону»).

СОДЕРЖАНИЕ

№ 6. Июнь 1954 г.

Е. РЯБЧИКОВ — Пробуждение целины	2
С. ИВАНЬКО, В. КАССИС — Стройка на Янцзы	8
А. РОШУ — Петрошани — город угля	14
В. АККУРАТОВ — Блуждающие острова. Рис. В. Житенева	17
И. ЕВГЕНЬЕВ — В Нью-Йорке	23
ЛИТОВСКОЕ НАРОДНОЕ ИСКУССТВО. Рис. В. Эльконица	30
Н. БАХТИАРОВА — Орхидеи	32
М. ГАЛКИН — По дорогам Афганистана. Рис. Г. Филипповского	34
Ю. НАДЕЖДИН — По Цейлону	38
Р. БЕРГ — На островах Аральского моря. Рис. В. Федяевской	45
Э. КРЕНКЕЛЬ — Необычная охота. Рис. В. Константинова	50
В. ТРЕНЕВ — Индейцы. Рис. В. Вакидина и С. Прусова	53

Среди книг

В. ВЛАДИМИРОВ — Труженик науки	59
В. ТКАЧЕНКО — В новой Румынии	61

В мире науки

На приречных песках. — Криптолемус. — Хостинская тиссо-самшитовая роща	13
--	----

В странах народной демократии

На осушенных болотах. — Музей в Пловдиве. — «Оловянная столица»	22
---	----

На суше и на море

Соловей Океании. — Плодоядные летучие мыши. — Бородавочник. — Молочное дерево. — Дымящаяся гора ацтеков	33
---	----

Главный редактор **В. С. Сапарин**

Члены редакционной коллегии: **В. И. Аннуратов, Н. Н. Барснкий, Е. Н. Васильева, В. Т. Зайчинов, В. Л. Кудрявцев, А. В. Нионов** (заместитель главного редактора), академик **В. А. Обручев, Л. Д. Платов, А. И. Соловьев, В. С. Чернецов**.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ „МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“

Адрес редакции: Москва, А-55, Сушевская, 21. Тел. Д 1-15-00, доб. 25.

Рукописи не возвращаются

Технический редактор **Н. Михайловская**

А04272 Подп. к печати 1/VI 1954 г. Бумага 60×92¹/₈=4,25 бум. л. = 8,5 печ. л. 10,2 уч.-изд. л. Тираж 105 000 экз. Цена 6 руб. Заказ 1132

Типография «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия», Москва А-55, Сушевская, 21.

СОЗДАТЕЛЬ МИНУСИНСКОГО МУЗЕЯ

В 1904 году, пятьдесят лет назад, смерть застала Николая Мартьянова за разборкой растений, привезенных им из долин верхнего Енисея.

Н. Мартьянов родился в 1844 году в семье лесника в Литее. Свои гербарии будущий ботаник начал собирать, когда еще был учеником в аптеке.

В 1873 году Н. Мартьянов издал первый труд по ботанике.

Поселившись в Минусинске, ученый-провизор в 1877 году основал там музей, получивший впоследствии мировую известность.

Среди добровольных сотрудников ученого были ремесленники, охотники, казачьи, крестьяне, казаки... С их помощью были собраны многочисленные предметы быта, оружие, памятники истории Минусинского края, в том числе — 10 517 предметов бронзовой эпохи. При музее в 1879 году Н. Мартьянов создал библиотеку с богатым отделом Сибири.

В 1882 году в русской и мировой печати появились заметки и статьи о Минусинском музее. Узнали о нем в Париже, Пекине, Стокгольме, Брюсселе, Падуе. Минусинский музей поддерживал научную связь с музеями этих и других городов. К 1887 году в музее насчитывалось около 24 тысяч экспонатов.

Н. Мартьянов как ботаник исследовал в Минусинском крае и соседних областях площадь в 150 тысяч квадратных верст.

Мартьянов составил гербарий растений Восточного Алтая, Кузнецкого Алатау, Енисейского, Канского и Красноярского уездов.

ДЕКАБРИСТ

ПЕТР МУХАНОВ

В 1854 году, сто лет назад, умер в Иркутске декабрист Петр Муханов, которому в 1822 году была посвящена знаменитая дума К. Ф. Рыльева «Смерть Ермака».

В 1825 году штабс-капитан Измайловского полка П. Муханов, вернувшись с Кавказа, напечатал в «Московском телеграфе» очерки «Поездка в Грузию и Карабах» и «Взятие Ганзей». Он доставил также в «Северный архив» рукопись рязанского крестьянина Деметрия Цыгулина о его приключениях в Азии, Египте и Восточной Индии в 1808—1821 годах. Эти записки вызвали живую отклик А. С. Грибоедова, составившего примечания к повести Цыгулина.

Находясь в ссылке, П. Муханов проводил беседы по русской истории среди декабристов в Читинском остроге.

С 1832 года по 1842 год он проживал в Братском остроге. Он исследовал ангарские пороги на плесе между Братском и Илимом и записал, что Падун можно было бы обойти прокладкой сравнительно небольшого обводного канала. П. Муханов изучал местные говоры с целью дополнения академического словаря и писал краткую историю России.

Поселившись в селе Усть-Уде под Иркутском, декабрист занялся разведением фруктового сада и огорода, выращивая на сибирской земле даже арбузы. Муханов изучал сказания иноземных путешественников о России времен Петра I, предполагая перевести ряд записок на русский язык.

П. Муханов умер на пятьдесят шестом году жизни.

Историк Черноморья

В 1804 году, сто пятьдесят лет назад, родился Филипп Брун. Он посвятил свою жизнь исследованию истории Южной России. Ф. Брун в течение долгих лет читал лекции в Новороссийском университете (Одесса). В Одессе он издал ряд своих трудов.

В 1879 году Брун написал большую книгу «Черноморье. Сборник исследований по исторической географии Южной России». В ней подводились итоги работы ученого за целую четверть столетия.

Одесский историк отыскал и перевел два редчайших описания путешествий первой половины XV в. — рыцаря Гильбера де Ланнау и баварского солдата Иоганна Штильбергерра. Первый из них, советник герцога Бургундского, объездив много стран, дважды посетил Русь и Прибалтику. Штильбергерр, будучи пленником Тамерлана и других азиатских властителей, скитался по разным областям Азии более 30 лет, побывав в Золотой Орде. Посетил он и Сибирь.

Ф. Брун изучал древние карты Каспийского и Черного морей, установил по картам старинный речной путь из Днепра в Азовское море. Исследователь открыл многие страницы прошлого Одессы, восстановил былую топографию Новороссии и Бессарабии и указал местоположение столицы Золотой Орды.

Доктор истории Ф. Брун умер в 1880 году.

В 1879 году, семьдесят пять лет назад, из египетского знатка античной литературы Федор Мищенко издал свой перевод «Географии» Страбона.

Страбон, греческий уроженец Амаσει в Понте (Малая Азия), путешествовавший от Сардинии до Армении и от Черного моря до Эфиопии, закончил семнадцать книг «Географии», когда ему было 82 года.

Страбон высказывал догадку о существовании земель за Атлантикой и предположение о возможности плаванья из Индии в Северный океан.

Он первый сообщил о нефтяных источниках Каспийского моря и упомянул об Арале.

Древний географ уподобил очертания Черного моря скифскому луку.

Страбон писал о суровых зимах в Пантинкалее, о местах обитания скифов и «абиев — доителей кобылиц», о роксоланах, живущих к востоку от Днепром.

Границу Азии и Европы Страбон проводил по Таиссу (Дону).

Перевод Страбона, принадлежащий Ф. Мищенко, и поныне не утратил своего значения.

Профессор Мищенко осуществил также перевод творения Геродота и посвятил ему отдельные статьи.

Составил
Сергей МАРКОВ
Рис. В. ЧЕРНЕЦОВ

Цена 6 руб.

ПОСУДА
ИЗ
СТЕКЛА
И
ХРУСТАЛЯ

ВЫПУСКАЕТСЯ
В РАЗНООБРАЗНОМ
АССОРТИМЕНТЕ

ПРЕДПРИЯТИЯМИ

Главстекло

МИНИСТЕРСТВА ПРОМЫШЛЕННЫХ
ТОВАРОВ ШИРОКОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ

СССР

